

**«Интернет Дәуірі: Құқық Үстемдігі,
Адам Құндылықтары, Мемлекеттік Тәуелсіздік»
тақырыбындағы халықаралық симпозиум
МАТЕРИАЛДАРЫ**

2021 жылғы 27 тамыз, Нұр-Сұлтан қаласы

МАТЕРИАЛЫ
Международного симпозиума на тему:
**«Эра Интернета: Верховенство Права, Ценности
Человека, Государственная Независимость»**

27 августа 2021 года, г. Нур-Султан

MATERIALS
of the International Symposium
**«The Internet Era: the Rule of Law, the Values of Person,
the State Independence»**

August 27, 2021, Nur-Sultan city

**«Интернет Дәуірі: Құқық Үстемдігі,
Адам Құндылықтары, Мемлекеттік Тәуелсіздік»
тақырыбындағы халықаралық симпозиум
МАТЕРИАЛДАРЫ**

2021 жылғы 27 тамыз, Нұр-Сұлтан қаласы

**МАТЕРИАЛЫ
Международного симпозиума на тему:
«Эра Интернета: Верховенство Права, Ценности
Человека, Государственная Независимость»**

27 августа 2021 года, г. Нур-Султан

**MATERIALS
of the International Symposium
“The Internet Era: the Rule of Law, the Values of Person,
the State Independence”**

August 27, 2021, Nur-Sultan city

Редакциялық алқа: Б.М. Нұрмұханов, М.Қ. Бадалиев, Н.Ш. Марипова

Қазақстан Республикасы Тәуелсіздігінің 30 жылдығына және Конституциясы Күніне арналған «Интернет Дәуірі: Құқық Үстемдігі, Адам Құндылықтары, Мемлекеттік Тәуелсіздік» тақырыбындағы халықаралық симпозиум материалдарының жинағы (2021 ж. 27 тамыз) – Нұр-Сұлтан қаласы: Баспа: «DA-MIX.KZ» ЖШС: 2021. – 128 б.

Сборник материалов Международного симпозиума на тему: «Эра Интернета: Верховенство Права, Ценности Человека, Государственная Независимость», посвященного 30-летию Независимости Республики Казахстан и Дню Конституции Республики Казахстан (27 августа 2021 г.) – г. Нур-Султан: Издательство: ТОО «DA-MIX.KZ»: 2021. – 128 с.

Collection of materials of the International Symposium "The Internet Era: the Rule of Law, the Values of Person, the State Independence", dedicated to the 30th anniversary of Independence and the Constitution Day of the Republic of Kazakhstan (August 27, 2021) - Nur-Sultan: Publishing House: "DA-MIX.KZ" LLP: 2021 – 128 p.

Жинаққа Қазақстанның мемлекеттік органдары, халықаралық ұйымдар, шет елдердің конституциялық әділет органдары басшыларының құттықтаулары мен баяндамалары енгізілді. Заңгер-мамандарға және кең қауымға арналған. Барлық материалдар авторлардың баяндауында жарияланды.

В Сборник включены приветствия и доклады руководителей государственных органов Казахстана, международных организаций, органов конституционной юстиции зарубежных стран. Сборник рассчитан на специалистов-юристов и широкий круг общественности. Все материалы опубликованы в изложении авторов.

The Collection includes welcome speeches and reports of heads of state bodies of Kazakhstan, international organizations, constitutional justice bodies of foreign countries. The collection is designed for legal professionals and a wide range of society. All materials are published as presented by the authors.

Содержание

Қ.Ә. Мәми

Халықаралық симпозиум ашылуы 6

К.К. Токаев

Приветственное слово 8

G. Buquicchio

Welcome address 10

Э.Айриян

Приветственное слово 13

F.Bachler

Welcome address 15

К.Н. Келимбетов

Роль Международного финансового центра «Астана» в цифровизации и эволюции правовой системы 17

Z. Arslan

The Judicial Protection of the Basic Rights at the Age of Internet: The Example of the Turkish Constitutional Court 20

S.M. Hossain

Constitutionalism in the Context of COVID-19 Pandemic: Role of the Supreme Court of Bangladesh 24

Б. Мусин

Цифровая повестка в эпоху экономики данных и платформ 28

Ф. Абдуллаев

Правосудие и искусственный интеллект 32

Б. Велчев

Интернет и эффективность болгарского парламентаризма 37

P.Dollat

Digitization and Share Sovereignty in the European Union 40

A.Usman

Utilization of Information Technology in Indonesian Constitutional Court along with the Law Enforcement during the New Normal Era 44

Д. Маноле

Конфликт между свободой выражения мнения и правом на неприкосновенность частной жизни в контексте Интернета..... 49

С. Маркович

Верховенство права в интернете: защита прав человека в интернете и в связи с интернетом 53

Э. Айриян

Реализация принципа верховенства права в практике Суда Евразийского экономического союза в условиях цифровой реальности..... 61

Н. Al-Tal

Equality in front of law 66

Н. Карпович

Информационная безопасность государства и общества: права человека 68

A. Paulus

The Right to be Forgotten in the Case Law of the German Federal Constitutional Court 72

К. Kim

The Recent Jurisprudence of the Constitutional Court of Korea in the Area of the Protection of Fundamental Rights on the Internet 79

P. Udchachon

The Constitutional Court of the Kingdom of Thailand: to Increase Efficiency and Strengthen Responsibility to Society and the Individual 83

A. Kučs

Internet and the Challenges of Fundamental Rights from the Perspective of the Jurisprudence of the Latvian Courts 87

Д. Джамшедзода

Правовые основы обеспечения доступа к информации о деятельности судов Республики Таджикистан и гарантии их осуществления 91

N. Elmoumni

Electoral Campaigning Online: The Jurisprudence of the Constitutional Court 97

G. Yurovskaya

Application of the Case Law of the European

Court of Human Rights by the Constitutional Court of Ukraine 102

Й. Пуделька

Значение развития системы правовой защиты для осуществления
верховенства права 110

А.Требков

Международный союз юристов как интеграционный проект и его роль в
формировании единого правового пространства стран СНГ 115

P. Tiffin

The Public Data Service: Legal, Economic and Sovereign Issues 122

S. Marie

The steps taken by the Court to use the internet for strengthening the rule of
Law 128

**Қайрат Мәми,
Қазақстан Республикасы
Конституциялық Кеңесінің
Төрағасы,
Азиялық Конституциялық соттар
және балама институттар
қауымдастығының Төрағасы,
Конституциялық бақылау
органдарының Еуразиялық
қауымдастығының Төрағасы**

Құрметті симпозиумға қатысушылар, ханымдар мен мырзалар!

Кез-келген халық үшін Тәуелсіздік деген баға жетпес құндылық, орындалған арман, қонған бақ. Оның әр сәті, күні қымбат.

Республикамыздың егеменді ел болып, Ұлы далада Мәңгілік мемлекет құру мұратының орындалғанына биыл отыз жыл.

Тәуелсіздік және Конституция ұғымдары өзара тығыз байланысты. Ата Заң – тәуелсіздігіміздің тұғыры, барша табыстарымыздың бастауы.

Сіздерді Қазақстан Республикасы Тәуелсіздігінің 30 жылдығымен және Конституция күнімен құттықтап, форумды ашық деп жариялауға рұқсат етіңіздер.

Уважаемые участники симпозиума!

В любом государстве независимость – это всенародное достояние, которое необходимо прочно закрепить, беречь и укреплять. Доминирующим в международной практике является оформление основополагающих элементов государственности в Основном законе страны.

За эти годы в Казахстане все крупные шаги в последовательном строительстве суверенного государства осуществлялись в соответствии с принятой 30 августа 1995 года на республиканском референдуме Конституцией. Действующая Конституция Республики Казахстан была инициирована Первым Президентом Республики Казахстан – Елбасы Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым.

Основной Закон, пронизанный духом единства народа и впитавший его многовековые ценности, прогрессивные идеи мирового конституционализма создал прочную правовую основу нашей независимости.

Конституция определила стратегический курс и приоритеты суверенного Казахстана – утверждение себя демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы. На высшем уровне были закреплены все необходимые атрибуты современной казахстанской государственности.

Последовательная реализация созидательного потенциала Конституции, строгое следование ее принципам и нормам явились залогом мира и стабильности, устойчивого развития государства и общества.

Дорогие участники Симпозиума!

Сегодня перед нашими странами стоят серьезные вызовы. Все еще продолжается коронавирусная пандемия. Мы живем в условиях новой цифровой реальности. Пандемия напомнила миру о важности Интернета.

Будучи неотъемлемой частью современного общества, интернет оказывает колоссальное влияние и на обеспечение верховенства права.

В связи с нарастанием масштабов цифровизации актуализируются проблемы защиты персональных данных и реализации конституционных прав граждан на неприкосновенность достоинства и частной жизни.

Следует отметить, что независимо от того, насколько сегодня развита цифровая реальность, информационные технологии в первую очередь должны служить повышению эффективности реализации конституционных прав человека.

Поэтому необходим надлежащий механизм обеспечения правовой защиты отмеченных конституционных ценностей в условиях цифровой цивилизации.

Данные вопросы являются предметом настоящего симпозиума. В его работе в онлайн режиме участвуют делегации международных организаций, представители органов конституционного контроля, судов и правозащитных учреждений, а также видные общественные деятели и известные ученые более 30 стран. Через специальный канал в сети you-tube симпозиум доступен общественности Казахстана и стран-партнеров.

**Касым-Жомарт Токаев,
Президент
Республики Казахстан**

Уважаемые участники симпозиума!

Международный симпозиум «Эра Интернета: Верховенство Права, Ценности Человека, Государственная Независимость» проходит в преддверии важного для нашего государства события - 30-летия Независимости Республики Казахстан, и приурочен к празднованию Дня Конституции.

Казахстан, основываясь на многовековой истории государственности, за короткий период с момента обретения независимости заложил фундамент эффективных политической и правовой систем, конкурентоспособной рыночной экономики, безопасной жизни граждан.

Действующая Конституция Республики Казахстан открыла новый этап современного конституционного строительства. В соответствие с ней Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы.

Развитие государства происходит на основе Конституции, в полном соответствии с ее буквой и духом. Все крупные достижения на пути современного государства и гражданского общества основаны на принятом волей народа Основном Законе.

Он значительно раздвинул горизонты прав и свобод человека и гражданина, став сосредоточением общепризнанных ценностей и надежной основой стабильного развития страны.

Символично, что настоящий симпозиум проходит в рамках председательства Конституционного Совета Казахстана в Ассоциации азиатских конституционных судов и Евразийской ассоциации органов конституционного контроля.

На симпозиуме присутствуют авторитетные международные и отечественные эксперты в области конституционных правоотношений, что позволит выработать пути решения обсуждаемых вопросов.

Тема симпозиума имеет глобальный характер и актуальна для всего мирового сообщества.

Сегодня невозможно представить жизнь без широкодоступного Интернета, цифровых технологий в сфере государственных услуг и

образования, онлайн платежей, автоматизации производства, электронного документооборота.

Все это в комплексе улучшает качество жизни человека.

Мы стоим на пороге эпохи ускоренного развития искусственного интеллекта и прорывных решений на основе анализа больших данных. Их активное внедрение во многом определяет прогрессивность каждого государства.

Казахстаном принята и реализуется государственная программа «Цифровой Казахстан», которая призвана создать условия для перехода экономики страны на принципиально новую траекторию развития, обеспечивающую создание цифровой экономики будущего в долгосрочной перспективе.

Активная цифровизация помогла нам в период пандемии, к примеру, в вопросах дистанционной идентификации и открытия счетов для выдачи социальных пособий, предоставления медицинской помощи, обучения, осуществления правосудия.

Вместе с тем масштабы и скорость цифрового развития ставят перед международным сообществом серьезные задачи - обеспечить соблюдение фундаментальных прав и свобод человека и гражданина, защитить его законные интересы, исключить цифровое неравенство, сохранить цифровую независимость общества и государства.

Важной задачей является сохранение права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки, телефонных переговоров, сообщений. Эти права закреплены во Всеобщей декларации прав человека, гарантированы нашей Конституцией и их соблюдение - важнейшая задача государства.

В связи с этим на передний план выступают вопросы эффективного правового регулирования цифрового пространства на международном уровне.

Уверен, что обсуждение этих и других актуальных тем будет способствовать дальнейшему совершенствованию конституционного строительства в эпоху глобальной цифровой трансформации.

Желаю участникам симпозиума плодотворной работы!

**Gianni Buquicchio,
President of the Venice Commission**

**Mr President of the Constitutional Council of Kazakhstan,
President of the Constitutional Courts Members of the
Association of Asian Constitutional Courts and Equivalent Institutions
(AACC) and the Eurasian Association of Constitutional Review Bodies
(EACRB) Constitutional Judges, Ladies and Gentlemen,**

1. While it is a pity that we still have to meet over video message, it is nonetheless a great pleasure for me to be able to greet you online and to have this exchange of views.

2. Let me start by congratulating the Kazakh people on the occasion of the 30th anniversary of the Independence of Kazakhstan. This is an important milestone for your country.

[Internet Era]

3. I hope that – despite these unusual circumstances – we will have useful discussions during this Symposium on “The Internet Era: The Rule of Law, the Values of Person and the State Independence.”

4. How does the Internet Era affect the work of Constitutional Courts and equivalent bodies in their aim of upholding the Constitution and thereby the rule of law? Well, it has strongly impacted their manner of working. This impact has further increased during the Covid-crisis.

5. For instance, your IT systems depend on the availability of an open Internet in order to function. When you prepare your cases, you carry out research for relevant information on the Internet. You publish your decisions on the Internet. Without the use of the Internet, an efficient Constitutional Court would be unthinkable today.

6. In addition, the Internet can be an important subject matter of your judgments. The Internet is regulated by numerous national and international legal provisions and you may be called upon to decide on the constitutionality of these texts.

7. We have to ensure the human rights of everyone in the digital world are respected and protected. The rights and freedoms of internet users include the right

to freedom of expression, freedom of assembly, association and participation, privacy and data protection, education, protection of children and freedom from gender-based violence.

8. All individuals should be enabled to exercise their rights and freedoms equally online and offline. Effective access to and enjoyment of the rights and freedoms, both offline and online, requires ensuring online safety and security for all. This may imply that the regulations required to ensure and protect these rights online differ from the regulations that apply offline.

9. For instance, a number of complex issues arise concerning the regulation of speech on the internet:

- What is the extent of the freedom of expression on the Internet?
- Is expression on the Internet limited, for instance when it constitutes hate speech?
- Do hate speech and honour and dignity require that speech on the internet be regulated differently than speech that occurs through other mediums/in other forums?
- Should some be better protected on the internet, for instance children or victims of gender-based violence?

10. We should always remember that to allow for a vivid democratic discussion, criticism – even harsh ones - of politicians must be possible. As public figures, they are provided less protection against criticism than the ordinary citizen.

11. Another aspect is data protection. More and more aspects of our private lives are stored on the Internet, in databases.

12. Who is allowed to have access to this data? We must ensure that the access of the State, of the police and other investigative authorities to this data remains limited and that access is granted only in specific cases and under the control of an independent judge.

13. The Venice Commission's Rule of Law Checklist provides relevant arguments for these discussions, notably as concerns surveillance of the individual by the State.

[co-operation with AACC en EACRB]

Chairman Mami,

14. I am pleased that, under your chairmanship, this Symposium unites Constitutional Courts and Councils and Supreme Courts from two regional groups:

- the Association of Asian Constitutional Courts and Equivalent Institutions (AACC) and
- the Eurasian Association of Constitutional Review Bodies (EACRB).

15. The Venice Commission is pleased to have concluded important co-operation agreements with both groups and we remain fully committed to these agreements.

16. In addition to mutual information and participation, these agreements provide for the active contribution of your Courts and Councils to the Venice Commission's CODICES database.

17. We are pleased about your active contribution to the CODICES database. In this respect, the Venice Commission is particularly grateful to your liaison officers for their invaluable co-operation.

18. I warmly invite the Member Courts, which have not yet done so, to appoint liaison officers and to do so now. The liaison officers regularly send us summaries - *précis* - of your key decisions to include into CODICES, which is the public database. They also have access to the restricted Venice Forum for direct an exchange of information between the Courts.

19. Established in 1996, CODICES already contains some 11.000 judgments. It is a showcase of your case-law and it is essential that you present your constitutional cases to the other Courts within the region and world-wide in this way.

[WCCJ]

20. The co-operation with the AACC and EACRB is an important vector in the framework of the World Conference on Constitutional Justice in which you participate. Most of your Courts present are already members of the World Conference but I call upon those of you who have not yet joined to do so urgently.

21. Next year, the World Conference will hold its 5th Congress on “Constitutional Justice and Peace”. This Congress will be kindly hosted by the Constitutional Court of Indonesia. Please be an active part of the World Conference, which already unites 117 Constitutional Courts, Councils and Supreme Courts.

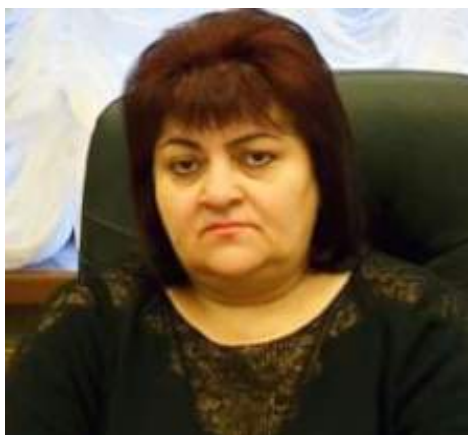
22. I would like to thank the Constitutional Court of Indonesia for hosting the 5th Congress and for the careful and thorough preparations for this event.

Chairman Mami,

23. Let me conclude with congratulating you for having chosen this important topic for this Symposium. I am sure that through our exchanges we will learn a lot about this The Internet Era.

24. The Venice Commission and the World Conference on Constitutional Justice stands ready to continue our fruitful co-operation.

Thank you for your attention.

**Эрна Айриян,
Председатель Суда Евразийского
экономического союза**

**Уважаемые организаторы
и участники Международного симпозиума!**

Выражаю вам признательность за проведение высокого форума и приглашение принять в нем участие и приветствую от имени Суда Евразийского экономического союза!

Тема симпозиума: «Эра Интернета: Верховенство Права. Ценности Человека, Государственная Независимость» является как никогда актуальной и востребованной.

Сегодня в свете новых вызовов и угроз третьего тысячелетия перед правом стоит задача адаптироваться к новым реалиям, сохраняя при этом как свою роль в мире, так и базисные общепризнанные принципы и институты.

Подчеркну главный тезис о том, что верховенство права должно оставаться основой для действий всех государств и международных организаций. Фундамент современного миропорядка должны скреплять общепризнанные принципы и нормы права.

Право не стоит на месте. Оно развивается, отражая происходящие в мире изменения. В этой связи, приоритетной является работа по укреплению правовых основ противодействия новым угрозам и вызовам, возрастающим в связи с повсеместным внедрением цифровизации и проникновению интернета во все сферы жизни общества.

Верховенство права объединяет важнейшие ценности цивилизованного человечества и выступает базовым принципом международного права и национальных конституций, которым руководствуются современные демократические государства.

Верховенство права означает связанность государства правом, основными правами и свободами человека и гражданина.

В эру интернета цифровая среда может в силу самой своей природы размывать основы частной жизни и фундаментальных прав, тем самым подрывая ответственное принятие решений. Здесь кроется потенциальная возможность подрыва верховенства права путем ослабления или разрушения права на частную жизнь, ограничения свободы коммуникаций или свободы объединений, а также произвольного вмешательства.

Установление верховенства права в Интернете и в остальном цифровом мире потребует уточнения норм, затрагивающих свободу выражения мнения, деятельность частных структур (особенно корпораций), а также права человека, защиту данных и киберпреступность; при этом возникает необходимость ответить на вопрос: как найти необходимое равновесие между названными аспектами в этой новой среде?

Полагаю, что конструктивное обсуждение тематического вопроса симпозиума окажет позитивное влияние на выработку рациональных подходов к решению назревших вопросов.

Желаю всем участникам высокого форума плодотворной работы и успехов в достижении результата на актуальной дискуссионной площадке.

Благодарю за внимание.

**Dr. Frauke Bachler,
General Director
German Foundation for International
Legal Cooperation e.V. (IRZ)**

**Honourable President Tokayev,
Distinguished Guests,**

A warm welcome on behalf of the German Foundation for International Legal Cooperation.

We feel privileged to support your annual symposium once again.

As usual you have chosen a topic closely connected to the personal life and experience of people all over the world.

A topic with serious and complicated legal implications.

Worldwide we can see the antagonism between freedom of information and opinion on one hand and personal rights as well as public interests on the other hand.

But let me first of all congratulate the Republic of Kazakhstan on the 30th anniversary of the Year of Independence and the forthcoming Constitution Day on 30 August.

Today, the German Foundation for International Legal Cooperation (IRZ) can look back on over ten years of partnering successfully with the Republic of Kazakhstan.

Ever since, the IRZ has been assisting Kazakhstan with comprehensive judicial reforms. In addition to the Constitutional Council, our permanent project partners include the General Prosecutor's Office, the Supreme Court and the Ministry of Justice.

A very warm welcome to all the distinguished representatives of our partners present here today.

Cooperation with the Constitutional Council began in 2012 with the then impending reforms of the Criminal Code and the Code of Criminal Procedure in Kazakhstan, focusing on the rule of law and the protection of human rights.

Today's symposium clearly follows the path we have started together, especially the focus of the second session on human rights and freedoms on the Internet.

Professor Paulus, Justice of the German Federal Constitutional Court and our expert with a Chair in Public Law since 2006 at the University of Göttingen and

since 2018 President of the German Section of the International Commission of Jurists will contribute in this context with his focus on “The Right to be Forgotten”.

We are very grateful for his valuable and highly legally qualified contribution.

Since 2013 the annual spring meetings in Akbulak form an integral part of our cooperation with Kazakhstan.

We have been promoting the roundtable discussions of manifold current legislative projects mainly in procedural law.

This was always with the view to a guarantee of proper protection of the constitutional rights of citizens.

The significance and directive of the constitution has ever since been strongly emphasised during your annual Conferences on constitutional law in August since 2012.

Since 2013 we regularly welcome the delegations of the Constitutional Council to Germany.

The Federal Constitution and the regional constitutional court jurisdiction are at the heart of these visits.

Unfortunately, study visits have not been possible during the pandemic in the past two years.

But two online events were held this year to replace a study visit:

One on the topic of a constitutional complaint, which does not exist in Kazakhstan yet, at least not in a form like it is applied in Germany.

Another one on the topic of administrative procedure and its importance for the rule of law.

This took into account your new Administrative code of Procedure which recently entered into force on 1st July 2021.

We will continue to support the overall goal to modernise the legal and judicial system in terms of stability and development as well as the expansion of all forms of political responsibility.

Only the implementation of legal norms that facilitate fundamental rights and optimise the development of all stakeholders will eventually guarantee an appropriate level of development of civil society, political culture and democracy.

In this process the role of all stakeholders present here today cannot be overestimated.

We cherish our valuable professional exchanges.

Moreover, over the years, a close and trusting partnership has developed, which both parties have benefited from.

Thank you for your warm reception,
thank you for your professional expertise,
thank you for your trust and finally
thank you for your attention!

**Кайрат Келимбетов,
Председатель Агентства
по стратегическому
планированию и реформам
Республики Казахстан,
Управляющий
Международным финансовым
центром «Астана»**

Роль МФЦА в цифровизации и эволюции правовой системы

Уважаемые участники симпозиума, дамы и господа!

Внедрение цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности на протяжении последнего десятилетия определило значительные изменения в характере и структуре производства, торгово-экономических отношениях, и других общественных отношениях, а также их правового регулирования.

Стремительное движение к новому технологическому укладу создает отрасли в финансовой и правовой сфере, казавшиеся малозначительными на заре цифрового тренда.

Изменение общественных отношений должно неминуемо повлечь за собой изменение действующих и создание новых правовых процессов и отдельных институтов.

В публично-правовой сфере цифровизация стала фактором трансформации правовых категорий, концепция «государственного суверенитета» не может игнорировать концепции «национального информационного пространства», «кибер-суверенитета» и «технологического суверенитета».

Глобальный тренд цифровизации влечет за собой более сложный процесс цифровой трансформации государственного суверенитета, и, как следствие, государственного аппарата как главного участника этого процесса. Цифровизация формирует перед государственным аппаратом новую повестку, и изменение действующих стратегий.

Глубинное понимание данной тенденции, нашедшее отражение в стратегическом видении Первого Президента Республики Казахстан – Елбасы Н.А. Назарбаева, легло в основу институциональной реформы по созданию Международного финансового центра «Астана» (МФЦА) с особым правовым режимом.

МФЦА, являясь продуктом эволюции конституционного права Республики Казахстан, стал также и результатом новой экономической и

цифровой повестки, создавшей принципиально новый правовой режим, основанный на принципах английского права, независимый Суд МФЦА с английскими судьями и арбитражный центр, действующий в соответствии с наилучшими международными стандартами.

Учитывая широкое использование принципов английского общего права, заслужившего авторитет в мире и применяемого в ведущих мировых финансовых центрах, использование юрисдикции МФЦА, в том числе Суд МФЦА, открывает новые возможности как для иностранных инвесторов, так и для казахстанского бизнеса.

При этом следует отметить, что к имплементации английского права мы подошли точно, только в рамках специальной территории, не разрушая действующую традиционную систему права, но укрепляя инвестиционную привлекательность всей экономики.

Кроме того, Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев на совещании по вопросам модернизации судебной системы обозначил задачи по реформированию правоохранительной и судебных систем в Казахстане. Как отметил Глава государства, следует продолжить работу по цифровизации и внедрению передовых IT-технологий в деятельность судей и правоохранителей.

Одним из примеров результата правовой и цифровой эволюции, является система разрешения споров Суда МФЦА и Международного арбитражного центра МФЦА, внедривших первую в Центрально-Азиатском регионе электронную систему правосудия e-Justice. С помощью системы электронного правосудия e-Justice подать иск в Суд МФЦА можно из любой точки мира.

Особая роль МФЦА отведена в послании Конституционного Совета Республики Казахстан 2021 года «О состоянии конституционной законности в Республики Казахстан». Конституционный Совет отметил, что МФЦА становится эффективной платформой, способствующей привлечению инвестиций, повышению деловой активности и экономическому росту страны.

Также в МФЦА, наряду с финансово-технологическим сектором, развивается новая сфера — юридических технологий (LegalTech), действует Консультативный Совет МФЦА по развитию Юридических технологий, который сформирован из специалистов в области искусственного интеллекта, машинного обучения и передовых практикующих юристов.

В рамках работы, проводимой Агентством по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, значимой инициативой является переход на новый формат работы государства — «Data-driven Government». Это позволит повысить достоверность данных, качество их

интерпретации и повысит эффективность работы всего государственного аппарата.

Эти принципы лежат в основе работы всего тех-направления МФЦА.

В рамках концепции цифрового государства для повышения эффективности работы государства будут созданы три цифровых центра для оптимизации государственных услуг и реализации национальных проектов и реформ.

Вышеуказанные меры нацелены на институциональное усиление аналитического потенциала государства в вопросе стратегического планирования и реформ, а также способствуют дальнейшей цифровизации сферы госуправления.

МФЦА является примером симбиоза эволюции правовой и информационно-технической реформы, проводимой государством. Внедрение Действующего права МФЦА как смешанной правовой системы позволило сегодня стать МФЦА – не только платформой для привлечения мирового капитала, но и выступить в роли цифрового флагмана и агрегатора реформ в области цифровизации, правовых и финансовых технологий.

Благодарю за внимание!

**Zühtü Arslan,
President of the Constitutional Court
of the Republic of Turkey**

The Judicial Protection of the Basic Rights at the Age of Internet: The Example of the Turkish Constitutional Court^{*}

Distinguished President,
Dear colleagues,
Ladies and gentleman,

It is a great pleasure for me to join you in this webinar symposium. I wish we could discuss this vital subject in a face-to-face platform, but unfortunately COVID 19 once again forced us to meet through video conference.

Before starting my brief speech, I would like to congratulate the people of Kazakhstan for the 30th anniversary of the independence. It is my sincere wish that you will celebrate the future anniversaries of independence and long live together in a prosperous and happy Kazakhstan.

I would like also to express my deep gratitude to President Mami for hosting this symposium.

Distinguished participants,

It is futile to explain how the Internet has radically changed the everyday life. There is no doubt that it provides numerous advantages to facilitate and enhance the quality of our lives. Just to give an example, it would be impossible to organize this webinar and exchange our views without the Internet. On the other hand, since the invention of the Internet we have faced formidable challenges including the legal ones.

Indeed, the Internet is a double-edged sword. It provides very effective platform for not only expressing and sharing views, but also for frauding, gambling, child abusing, terrorizing, libeling and so on. Therefore, protection of fundamental rights requires us to regulate the use of the Internet in legal terms. However, the borderless and elusive nature of the Internet makes this regulation very difficult.

Nonetheless courts play a significant role in building a coherent case-law to protect individual rights and liberties at the age of Internet. In this regard the

^{*} Speech delivered at the International Symposium (Webinar) on “*The Internet Era: The Rule of Law, the Values of Person and the State Independence*”, Organised by (online) the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan, 27 August 2021.

Supreme or Constitutional Courts/Councils have faced difficulties to deal with mainly two group of cases arising out of the Internet and in particular social media.

First group of cases involves state interventions in various forms such as access ban and different sanctions to be imposed on the social media corporations as well as the users. In these cases, the main task of courts is to protect freedom of expression and/or the right to respect for private life. I use the term “and/or” deliberately, simply because in most of these cases two fundamental rights may compete each other.

Second group of cases involves legal questions which are directly related to the horizontal effect of human rights. As we all know, the social media corporations themselves have imposed certain restrictions on their users such as blocking or suspending their accounts. These interventions raise the question of protecting freedom of expression of individuals vis-a-vis the social media corporations.

The bulk of the complaints before the Constitutional Court of Turkey are within the scope of the first group. That is why I want to mention a few judgments of the Court to give you an idea about how the Turkish Constitutional Court has been tackling this hard job of protecting rights and balancing among competing rights at the age of the Internet.

In its relevant judgments TCC has frequently emphasized that the Internet and social media played a crucial role in democratic societies as widely used and efficient medium of the freedom of expression. Given this function of the Internet, the Court has stated that the authorities have to act carefully and responsibly in regulating the Internet.

In both areas of constitutional review and individual application, the Court examines the alleged restrictions of the fundamental rights and freedoms relating to the Internet on the basis of the criteria laid down in Article 13 of the Constitution, which provides a three-level test. First of all, an act of parliament is necessary to impose restrictions on fundamental rights and liberties. Secondly, the restrictions must pursue certain legitimate aims such as protection of public security and the rights of others. Finally, the restrictions must be proportionate and necessary in a democratic society. In this regard, following the footsteps of the European Court of Human Rights, the TCC has invoked the conceptions of “*pressing social need*” and “*proportionality*” in deciding whether an impugned restriction constitute a violation of rights and liberties.

The Constitutional Court makes it clear that the existence of a formal act of parliament is not sufficient to restrict rights and liberties. The law must also meet substantive qualifications such as clarity, certainty and foreseeability. Therefore, in cases where the access ban is prescribed by law, the scope and procedures regarding the use of such measure should be defined with sufficient clarity.

In the *Twitter* case the TCC found a violation of the freedom of expression by the public authority insofar as a blanket ban of Twitter was not compatible with the law. The Court spelled out that the relevant law did not authorize the

administrative body to block access to an entire website or social media platform; rather, it only permitted blocking of specific URL addresses upon a judge order.¹

Likewise, in its *Youtube* judgment, the Court found a violation of the freedom of expression of the applicants. Referring to the case-law of the Strasbourg Court, TCC this time questioned the quality of the law and reached the conclusion that the intervention did not have a clear and distinct legal basis and was not foreseeable for the applicants. The Court therefore found that the relevant provision of the Law on Internet failed to meet the requirement of legality.² The Court later annulled that legal provision on the same basis in a concrete norm review case.³

Relatively recently the Plenary of the Constitutional Court found a violation of the freedom of expression in the individual application lodged by *Wikimedia Foundation*. In this case, access to Wikipedia was blocked due to the contents available on two URL addresses. The Court pointed out that the blocking of access to Wikipedia in Turkey was an interference not only with the freedom to disseminate information and thoughts enjoyed by the applicant in its capacity as the content provider but also with the Turkish users' right to receive information and thoughts.

According to the Constitutional Court the inferior courts failed to provide relevant and sufficient grounds to demonstrate that the ban on access to Wikipedia was justified by a pressing social need. Having considered the permanent nature of this blanket ban on access to the entire website, the Court declared that such restriction on freedom of expression was disproportionate and incompatible with the requirements of a democratic society.⁴

In some other cases the Court found violations of the right to respect for private life of individuals. For instance, in a recent case where the applicant's personal data such as address, was disclosed by the mayor of Ankara through a social media account, the Court found a violation of the right to respect for private life.⁵ The Court also found violations of the right to respect for private life in cases where the state or private companies monitored the e-mails of the applicants without their consent and terminated their employment contracts on the basis of the contents of these e-mails.⁶

Dear participants,

In adjudicating social media related cases the judges are bound to strike a fair balance between competing rights, namely freedom of expression and the right to protection for honor and dignity. This is perhaps one of the most difficult tasks in the entire sphere of judicial decision making.

Like many other courts, the TCC has acknowledged that the rights may sometimes conflict each other. If such conflict arises, the Court stated, “a

¹ *Yaman Akdeniz and others*, A. No: 2014/3986, 2/4/2014, § 49.

² *Youtube LLC Corporation Service Company and others* [Plenary], A. No: 2014/4705, 29/5/2014, §§ 56-57.

³ AYM, E. 2015/76, K. 2017/153, 15/11/2017, §§ 31-33.

⁴ *Wikimedia Foundation Inc. and others* [Plenary], A. No. 2017/22355, 26/12/2019.

⁵ *Aylin Nazluaka* (2), A. No: 2018/24439, 15/6/2021.

⁶ *Tevfik Türkmen* [Plenary], A. No: 2013/9704, 3/3/2016; *E.Ü.* [Plenary], A. No: 2016/13010, 17/9/2020.

*reasonable balance should be struck between competing rights and both should be afforded the necessary protection”.*⁷

In fact, the test of *balancing* turns out to be a test of *justifying* the intervention in the freedom of expression. The TCC points out that in striking a fair balance the courts must consider, among others, the concrete circumstances of the case, the context of the words used, and the proportionality of the penalty imposed as a result.⁸

In a recent case the applicant, who was a Turkish citizen of Armenian origin and a journalist, was ordered to pay compensation for his remarks targeting a politician on social media. The inferior courts decided that the applicant insulted the complainant and the words used by the applicant went beyond the scope of freedom of expression. The TCC disagreed and found a violation of the freedom of expression.

According to the Court the words used by the applicant were evaluated out of context without considering the fact that the applicant had used them in response to the remarks previously made by the complainant against the Armenian community of which the applicant was a member. Furthermore the TCC emphasized that politicians and public officials are expected to be more tolerant to criticisms due to their position.⁹

In conclusion, I would like to say that as the constitutional justices we have to protect rule of law, rights and liberties and other values of individuals against the threats of the Internet era. There is no doubt that these threats mainly stem from unlawful and disproportionate interventions of governments, social media corporations and the misuse of the Internet.

I must note that the intervention of the Internet companies is increasingly becoming topical. The terms like “*tweetocracy*” reveal emerging power of international social media corporations. Therefore, it is not premature to say that judges will have to tackle the issue of protecting rights of individuals against these corporations.

All in all, more than any other public institutions, constitutional courts or councils are responsible for securing and maintaining justice, which lies at the heart of all human values. Let me end my speech by citing the words of great Kazakh poet and thinker Abay. In his “Thirty-Seventh Word”, Abay says that “*justice is the mother of all virtues.*”¹⁰

Thank you for your attention.

⁷ AYM, E. 2014/101, K.2017/142, 28/9/207, § 49.

⁸ Oğuz Demirkaya, A. No. 2018/15033, 18/5/2021.

⁹ Hayko Bağdat (2), A. No: 2019/4585, 26/5/2021.

¹⁰ Abay (İbrahim Kunanbayev), Çev. E.Ayan ve Z.Kibar, (İstanbul: Türk Edebiyatı Vakfı, 2020), p. 482.

**Syed MAHMUD Hossain,
Chief Justice of the Supreme Court
of Bangladesh**

**Constitutionalism in the Context of COVID-19 Pandemic:
Role of the Supreme Court of Bangladesh**

Honourable President of the Association of Asian Constitutional Courts (AACC)
and Equivalent Institutions and Chairman of the Constitutional Council of
Kazakhstan,
Mr. Kairat Mami;
Esteemed Brother and Sister Judges of the Constitutional Courts of AACC;

Distinguished Representatives of International Organizations;

Respected Legal Scholars;

Distinguished Participants;A

Ladies and Gentlemen.

Assalamualikum and a very Good Afternoon.

At the outset, I express my humble gratitude to my adored brother Mr. Kairat Mami for inviting me to participate in this very significant and timely Symposium on “The Internet Era: The Rule of Law, the Values of Person and the State Independence”. Undoubtedly, the endeavor is laudable. In this Session, I take the privilege to say a few words on “Constitutionalism in the Context of COVID-19 Pandemic: Role of the Supreme Court of Bangladesh”.

2. Constitution being the *suprema lex* in every country, it is beyond the pale of any controversy. All organs of the State derive their authority, jurisdiction and powers from the Constitution and owe allegiance to it. This includes the Supreme Court also which represents the judicial organ. The Supreme Court of Bangladesh has found certain basic features of the Constitution that include, *inter alia*, supremacy of the Constitution, republican and democratic form of Government, and separation of powers between the Legislature, the Executive and the Judiciary. The principle of supremacy of the Constitution has been reiterated by the Supreme

Court in its several decisions. The constitutional system of Government abhors autocracy. It being the cardinal principle of our Constitution no one, howsoever lofty, can claim to be the sole Judge of the power given under the Constitution. Mere co-ordinate constitutional status, or even the status of exalted constitutional functionaries, does not disentitle the Supreme Court to exercise its jurisdiction of judicial review of actions which partake of the character of judicial or quasi-judicial decisions.

3. The Supreme Court of Bangladesh consists of two Divisions- High Court Division and Appellate Division. There is no separate Constitutional Court in Bangladesh as in Kazakhstan and other Asian countries. The High Court Division, besides its other statutory functions, acts as the Constitutional Court of Bangladesh. It may declare any law enacted by Parliament null and void, if found unconstitutional. It may strike down any executive decision of the Government if it is contrary to the spirit of the Constitution. The Appellate Division may, examine the legality and propriety of the judgments and orders of the High Court Division in respect of constitutional and other matters. As the guardian of the Constitution, the Supreme Court always upholds the constitutional conscience and values. As the constitutional Court, the Supreme Court of Bangladesh delivered many landmark judgments of significant constitutional issues since its inception in 1972.

4. An independent and competent Judiciary is indispensable for establishment of democracy, advancement of rule of law and protection of human rights. The Judiciary is an organ of the State which derives its judicial authority from the Constitution and laws of the country but exercises the same predominantly with ethical values and moral force. The core strength of the Judiciary lies in public confidence in its competence, integrity and impartiality. Deficiency in public confidence in the Judiciary has a disastrous effect on the rule of law and overall development of the country.

5. The systematic and orderly advancement of a nation without the supervision of the Judiciary is unimaginable, even for a short time. This has been manifested and brought to light through the recent COVID-19 pandemic, which has called for a complete lockdown in all sectors to circumvent the virus's rapid spread in Bangladesh. Courts are required to keep going to maintain law and order. The only option recognized by the Supreme Court is to turn to digitalizing legal proceedings through the introduction of a virtual court system. Indisputably access to justice is a constitutional right. To protect this invaluable right and optimize social isolations, the Judiciary has inevitably taken recourse to virtual justice.

6. We are well aware that the COVID-19 Pandemic has stood against the usual functions of the Constitutional Courts and other Courts throughout the Globe. In order to surmount the challenges of the COVID-19 Pandemic, the Supreme Court of Bangladesh within a short span of time came to the consensus that a new law should be enacted to conduct virtual Courts. A virtual full court meeting of the

Judges of the Supreme Court was held on 24 April, 2020 and in that meeting, we unanimously decided to request the Government to promulgate an Ordinance for conducting virtual court proceedings as physical Courts were simply out of the question and preposterous due to the pandemic. The Government candidly responded to the request of the Supreme Court and accordingly, after observing the formalities on 9 May, 2020, the Hon'ble President of Bangladesh was pleased to promulgate an Ordinance titled "The Use of Information-Technology by the Courts Ordinance, 2020". Later on, the Ordinance was laid before the Parliament and it enacted a groundbreaking legislation captioned "The Use of Information-Technology by the Courts Act, 2020" Anyway, the historic Ordinance introduced virtual courts in Bangladesh. After being empowered by the Ordinance, the Supreme Court issued practice directions for the Appellate Division, High Court Division and the Subordinate Courts and Tribunals for hearing cases virtually during the COVID-19 pandemic situation.

7. The impact of the COVID-19 crisis can be evidenced by various notifications and orders issued from time to time by the Supreme Court of Bangladesh. Several steps were taken to ensure the safety of the lawyers and the litigant public. The Supreme Court took *suo motu* notice of the difficulties faced by the lawyers and litigants during the lockdown period due to COVID-19 and decided to extend the period of limitation prescribed under the relevant laws for initiating legal proceedings. Under the changed circumstances, the Appellate Division started playing a proactive role with regard to hearing the long-pending cases and as such the rate of disposal stood more than double.

8. All the Subordinate Courts in Bangladesh were to take up only bail and urgent interlocutory matters. No under-trial prisoner was to be produced before the Court until further orders and the facility of video conferencing was ordered to be made available for the said purposes, including hearing of application of police remand. Significantly, it was ordered that in all the matters, all-out efforts were to be made by the concerned Courts to use the Video Conferencing facility in order to avoid human contact. As a result of these measures, virtual court hearings are becoming more and more acceptable to the stakeholders with the passage of time. It is to be noted that a total of 1,50,073 under-trial prisoners were released on bail from various prisons through virtual hearings till August 20 this year.

9. The virtual Court is the most defining concept that the pandemic has introduced to the legal environment around the globe. This wave has also had an effect on the reform structure of Bangladeshi courts. Due to the pandemic, virtual courts have become inevitable and are playing a pivotal role in substantially containing the spread of the virus. It is a new chapter in the country's Judiciary. The Government has taken an initiative for introduction of e-judiciary and the virtual courts functioning under the said 2020 Act may well be described as a stepping stone to that end.

10. Challenges nevertheless remain, as always, for the Court in becoming more engaged in balancing the State Power. So long as there will be problems of constitutionalism, the Supreme Court will necessarily have to play an ever-renewing role and respond to the public needs. The Supreme Court as the watchful guardian (*sentinel on the qui vive*) has been invested with the powers and jurisdiction for dealing with any exceptional situation in larger public interest which builds confidence in the rule of law and strengthens democracy. Our Supreme Court has taken pragmatic steps to confront the challenges posed by the Covid-19 pandemic so as to facilitate the people to access to justice. I strongly believe that AACC's appropriate measures shall facilitate the stakeholders to seek legal redress to protect their fundamental rights.

May the Association of Asian Constitutional Courts and Equivalent Institutions live long!

May our friendship be long-lasting!

May Almighty, the Lord of the Universe, protect the globe from the COVID-19 Pandemic!

Stay safe.

With these few words, I conclude.

Thanks for being with me.

**Багдат Мусин,
Министр цифрового развития,
инноваций и аэрокосмической
промышленности Республики Казахстан**

Цифровая повестка в эпоху экономики данных и платформ

Құрметті симпозиумға қатысушылар!

Пандемия коронавируса создала новые условия жизни, основой которых стали цифровые технологий и платформенная модель экономики.

Коронавирустық пандемия цифрлық технологиялар мен экономиканың платформалық моделіне негізделген жаңа өмір сүру жағдайларын жасады.

Наблюдаемые изменения в бизнес моделях технологических компаний подтолкнули государства к более системному осмыслению вопросов регулирования и развития экономик.

Технологиялық компаниялардың бизнес модельдеріндегі байқалып отырған өзгерістер мемлекеттерді экономиканы реттеу мен дамыту мәселелерін неғұрлым жүйелі ұғынуға итермеледі.

В данном контексте, новой задачей стала стратегия опережающего технологического развития и внедрения глубинных реформ.

Осы тұрғыда озық технологиялық даму және терең реформаларды енгізу Стратегиясы жаңа міндетке айналды.

Если говорить о платформенной модели экономики – это минимизация транзакционных издержек между потребителями и поставщиками на основе цифровых технологий. Все мы, когда то пользовались сервисами Uber, Facebook, Skype, AirBnb, Netflix.

Здесь главенствующую роль играет человекоцентричность и ценность данных. Не зря говорят, что количество лайков и кликов на сайте компаний являются определяющим фактором при оценке перед выходом на внешние рынки (IPO).

Одновременно, это создает высокий задел конкуренции для технологических компаний и трансформирует государственные процессы.

В конечном итоге выигрывают все: население, бизнес и государство. Сегодня, так называемый рынок Govtech оценивается в 400 млрд. долл. США. Поэтому бизнес создает инновационные услуги, разгружая правительственные организации, а госуслуги становятся намного качественнее и доступнее для населения.

Позиция государства – демонополизация и активная коллаборация с бизнесом и населением.

Сегодня нами разработан Национальный проект «Технологический рывок за счет цифровизации, науки и инноваций», который позволит обеспечить граждан и бизнес-сообщество современными государственными услугами посредством эффективного использования новых технологий и цифровых решений.

Справочно.

- I. Качественный интернет и информационная безопасность*
- II. Услуги за 5 минут*
- III. Цифровые инструменты для комфортной жизни*
- IV. Слышащее и эффективное государство*
- V. Развитие ИТ отрасли*
- VI. Технологическое и инновационное развитие бизнеса*
- VII. Укрепление кадрового потенциала науки*
- VIII. Повышение конкурентоспособности научной экосистемы*
- IX. Повышение вклада науки в развитие страны наука-производство-бизнес*
- X. Совершенствование администрирования науки*

Оперативное и качественное оказание государственных услуг будет основано на принципах клиентоориентированности, человеческом капитале, результативности и отсутствии дублирования.

Как вы видите, мы также поменяли подход, привлекая бизнес к предоставлению госуслуг. Наглядные примеры это банки – Халык и Каспий.

Данная практика доказала свою востребованность. Теперь госуслуги стали еще доступнее и удобнее.

Другой пример это приложение Ashyq, благодаря которой бизнес мог не останавливать свою деятельность во время пандемии. Сегодня приложением пользуется более 4,2 млн. пользователей.

В данном контексте роль государства это создание только верхнеуровневых систем.

Бизнес будет развивать сервисы и зарабатывать.

В конечном итоге население получит востребованные услуги в удобном для себя формате.

Сегодня для оцифровки жизненных ситуаций и реинжиниринга бизнес процессов госорганов создан Центр цифровой трансформации.

Основной задачей будет понимание с точки зрения услугополучателя, осмысление конкретных жизненных кейсов граждан, исключение «узких горлышек» и их последующая оптимизация на основе цифровых технологий.

Для точности принимаемых решений, оценки их воздействия и построения сценариев развития экономики запущена система «Smart Data Ukimet», на базе которой будут строиться аналитические отчеты и экономические модели.

Проводится большая работа по дальнейшей автоматизации госуслуг.

Мы исключили истребование документов на бумажном носителе, так как на сегодня все необходимые сведения имеются в базах данных.

Для решения этого вопроса мы реализовали отображение документов в оригинальном цифровом виде в мобильном приложении «электронного правительства» и ими можно также поделиться прямо из своего телефона. Цифровыми документами воспользовались 3,9 млн. пользователей. Данный перечень цифровых документов будет постоянно расширяться.

Казахстан вошел в 30-ку сильнейших государств по уровню развития «электронного правительства» в рейтинге ООН.

На сегодня 93% гос. услуг автоматизировано. В планах в течение 5 лет довести уровень автоматизации до 100%.

В текущем году будут увеличено количество популярных услуг в смартфоне:

- до 100 услуг для граждан;
- до 50 услуг для бизнеса.

Сегодня казахстанский опыт электронного правительства весьма востребован в соседних странах и государствах дальнего зарубежья.

Особое внимание уделяется инфраструктуре связи – базовый элемент цифровизации. Сегодня охват населения широкополосным интернетом составляет 98,2%.

Совместно с операторами связи завершен большой инфраструктурный проект по обеспечению сёл оптическими линиями связи (1257 сел). За счет 75 млрд. тенге инвестиций проложено 20 тыс. км оптики.

До 2022 года будет проведена работа по обеспечению поэтапного перехода на технологию 5G. Технология 5G позволит довести каналы связи до агропромышленного комплекса и предприятий промышленного комплекса.

Хороший интернет позволит создать экономику данных.

Сегодня международные организации рассматривают Казахстан как Регионального центра цифровых решений и инфраструктуры связи. В частности мы прорабатываем Центр цифровых решений ООН и масштабируем деятельность Корейского центра для стран Центральной Азии.

Ускоренный переход на Индустрию 4.0 позволит внедрить оцифровку всех технологических процессов и собирать еще больше оперативных данных.

Ведется активная работа по цифровизации промышленности и переходу к Индустрии 4.0., которая позволит диверсифицировать экономику и повысить структуру ее сложности. Для модернизации производства и внедрения передовых технологии, связанных с Iot, ИИ, Big data, мы активно развиваем международное сотрудничество. На базе МФЦА открыт Аффилированный центр Всемирного экономического форума для ускорения проектных работ в перечисленных направлениях.

Как я уже упомянул, наряду с человекоцентричностью, особую важность приобретают данные, ставшие новой валютой платформенной

модели. По оценке IDC мировой рынок больших данных оценивается в 203 млрд. долларов США, объёмы и сумма которых постоянно растут.

Аккумуляция данных и их коммерциализация становится новой нормой, что закономерно вынуждает правительства принимать активные регуляторные меры по защите персональных данных в интернет пространстве.

Нарушения в сфере данных в различных отраслях экономики оцениваются на сумму 7 млн. долл. США.

В Европе и США компании Google, Amazon, Facebook и другие частенько привлекаются к суду, тогда как ряд азиатских стран уже приняли жесткие меры в отношении национальных технологических компаний.

Поэтому, Министерством также ведется активная работа по совершенствованию законодательства в части защиты данных.

Здесь важно понимать, что в погоне за защитой персональных данных важно соблюдение баланса между защитой прав граждан, бизнесом и интересами государства.

Излишнее регулирование и избыточные требования и механизмы контроля со стороны государства могут оказать негативный эффект как с точки зрения внедрения новых технологий, привлечения иностранных инвестиций и повышения конкурентоспособности страны.

Резюмируя хотел бы отметить, что роль цифровых технологий растет с каждым днем.

Именно благодаря ускоренному процессу цифровизации в Казахстане мы преодолеваем ряд сложностей, возникших из-за пандемии коронавируса.

Благодарю за внимание.

**Фархад Абдуллаев,
Председатель
Конституционного Суда
Азербайджанской Республики**

Правосудие и искусственный интеллект

Уважаемый Председатель Конституционного Совета Республики Казахстан
Кайрат Абдразакович,

Уважаемые Председатели Судов-Членов Ассоциации Азиатских
Конституционных Судов и Эквивалентных Институтов,
Уважаемые коллеги,
Дорогие друзья,

Разрешите от имени Конституционного Суда Азербайджанской Республики поздравить наших коллег и друзей, а также весь братский народ Казахстана с 30-летием независимости Республики Казахстан.

Опираясь на славное историческое прошлое, продолжая путь своих предков, отмечают в этом году важную для современного Казахстана дату.

Восстановление независимости, формирование государственного механизма, создание новой правовой системы, укрепление международно-правовой субъектности страны, а также развитие современной государственности, сплочение общества перед неизбежными социально-экономическими вызовами являлись сложнейшими задачами. Первый Президент Республики Казахстан – Елбасы Нурсултан Абишевич Назарбаев, осознавая всю ответственность перед нынешним и будущим поколениями, а также памятью предков, выполнил важнейшую историческую миссию по построению современного государства.

Сегодня Казахстан – это современная страна, ставшая полноправным членом сообщества цивилизованных и развитых государств. Под руководством Президента Республики Казахстан господина Касым-Жомарта Кемелевича Токаева страна продолжает славный путь развития во всех сферах современной жизнедеятельности.

Азербайджанская Республика высоко ценит отношения с Республикой Казахстан, которые основываются на исторической и культурной общности наших народов.

Ещё раз поздравляю всех наших казахстанских коллег и друзей с предстоящей юбилейной датой, желаю мира и дальнейшего процветания всему братскому народу Казахстана!

Уважаемые участники Международного симпозиума, Благодаря эффективной работе Конституционного Совета в качестве Председателя Ассоциации Азиатских Конституционных Судов и Эквивалентных Институтов, мы имеем возможность встретиться в онлайн формате и обсудить актуальные вопросы, связанные с осуществлением конституционного правосудия.

Мне хотелось бы в своем докладе затронуть некоторые аспекты, относительно роли искусственного интеллекта в современном институте осуществления правосудия.

Окружающий нас мир – это мир стремительно обновляющихся высоких технологий и постоянно расширяющегося информационного потока. В наши дни информация является влиятельным фактором, она играет огромную роль в формировании жизни общества в целом и каждого индивидуума в частности.

Одновременно, мы становимся свидетелями того, как искусственный интеллект, бывший ранее лишь порождением иллюзий, уверенно захватывает позиции, постепенно вытесняя человека из традиционных сфер его деятельности. Применение искусственного интеллекта облегчает решение многих задач во всех сферах деятельности человека - здравоохранении, промышленности, финансах, праве.

Согласно общепризнанному мнению, искусственный интеллект – это свойство интеллектуальных систем выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека.

К бесспорным достоинствам искусственного интеллекта относятся способность обучаться, адаптироваться к задаваемым параметрам, с высокой скоростью обрабатывать большой объем данных и выявлять в них закономерности.

Современное развитие судебной системы непосредственно связано с внедрением цифровых технологий, в том числе с созданием электронного правосудия. Уже в настоящее время различные информационные и цифровые технологии активно используются в процессе доказывания (представление электронных доказательств), при проведении различных экспертиз, систематизации правовой информации (справочно-правовые системы), организации видеоконференций, аудиопотоколировании судебных заседаний, онлайн-трансляции судебных заседаний. Указанные новшества позволили значительно продвинуться в повышении эффективности судопроизводства. Еще два десятилетия назад было сложно представить, что информацию о ходе судебного разбирательства можно будет отслеживать на специальных сайтах судов, документы и ходатайства подавать в электронном виде, получать извещения на электронную почту или посредством SMS-сообщений, а решения и определения суда получать подписанным электронной цифровой подписью.

Внедрение в судебную деятельность информационных технологий идет ускоренными темпами, затрагивая все развитые страны, в том числе и Азербайджан. Здесь следует отметить и созданную на основе Распоряжения

Президента Азербайджанской Республики от 13 февраля 2014 года информационную систему «Электронный Суд».

На данный момент информационная система «Электронный Суд» обеспечивает прием заявлений, жалоб и других документов в электронной форме; ведение в электронной форме производства и электронный оборот документов по уголовным и гражданским делам; регистрацию судебных процессов с использованием аудио-, видео- и других записывающих технических средств и создание возможности для наблюдения за судебными процессами в режиме онлайн. Таким образом, у участников процесса появилась возможность участвовать в заседании онлайн без присутствия в суде.

С недавнего времени в Азербайджане действует мобильная версия "Электронного Суда". К слову, в стране уже много лет существует портал "Электронное правительство", обеспечивающий использование электронных услуг государственных органов и структур по принципу «единого окна», которое улучшает качество предоставляемых услуг и обработки предоставляемой информации, получаемой из информационных систем.

Применение же машинного разума нуждается в разрешении ряда вопросов. На мой взгляд, основной проблемой является определение того, насколько решения, принимаемые искусственным интеллектом, соответствуют этическим нормам.

Как известно, в декабре 2018 года появился первый международно-правовой акт, посвященный использованию искусственного интеллекта в правосудии: Европейская этическая хартия о применении искусственного интеллекта в судебных системах, утвержденная Европейской комиссией по эффективности правосудия Совета Европы. Хартия дала свое определение искусственного интеллекта как комплекса науки, теории и техники, цель которых состоит в том, чтобы воспроизвести с помощью машины когнитивные возможности человека, ибо современное развитие высоких технологий как раз нацелено на возможность передачи машине сложных задач, возлагавшихся ранее на человека.

Согласно Хартии, использование искусственного интеллекта в судебных системах способствует повышению эффективности и качества правосудия и должно осуществляться добросовестно, с учетом основных прав человека, провозглашенных в Европейской Конвенции по правам человека и Конвенции о защите персональных данных. В Хартии сформулировано пять принципов применения искусственного интеллекта: принцип соблюдения прав человека; принцип запрета дискриминации; принцип качества и безопасности; принцип прозрачности.

Исходя из пятого принципа - принципа пользовательского контроля, судья должен быть наделен правом выразить несогласие с решением, предложенным искусственным интеллектом и принять собственное решение по делу. При этом участнику спора должна быть предоставлена возможность прямого обращения к суду без применения искусственного интеллекта и право оспорить принятое при помощи искусственного интеллекта решение.

Данное положение позволяет сделать вывод, что искусственный интеллект может оказывать лишь вспомогательную, узкоспециализированную помощь, не будучи в состоянии заменить судью-человека.

Известно, что судья должен руководствоваться в том числе внутренним убеждением, учитывать не только положения законодательства, но и давать оценку различным философско-правовым категориям, что требует высокого уровня правовой культуры. К примеру, вынося решение о назначении наказания, суд руководствуется целым рядом оценочных и ценностных критериев, например, таких, как принципы справедливости и гуманизма. Проблема состоит в том, что эти категории формируются у человека в процессе воспитания и становления личности, а значит, составить их алгоритм и обучить этому машинный интеллект, на мой взгляд, не представляется возможным.

Следует также отметить фактор непредсказуемости нейросетей, так как человек чаще всего не в состоянии понять логику искусственного интеллекта, того, что именно послужило причиной принятия решения.

Применение искусственного интеллекта при подготовке судебных постановлений может облегчить нагрузку судей, ускорить судопроизводство, устранить ошибки из-за человеческого фактора и способствовать качественному анализу судебной практики.

Искусственный интеллект полезен на стадии подготовки судебных решений. На основе созданной базы данных, система могла бы анализировать фактуру дел, судебную практику по похожим делам и предлагать наиболее справедливый алгоритм. При этом, окончательное решение должен принимать судья, проанализировав выводы машины и руководствуясь собственными морально-этическими принципами.

Искусственный интеллект мог бы помочь разгрузить суды - его применение в организационной деятельности суда позволяет уменьшить рутинную работу судей и работников аппарата суда. Однако, видится сомнительным, что искусственный интеллект сможет постигнуть принципы гуманизма и справедливости при назначении наказания, разумности и добросовестности в судебном процессе. Таким образом, представляется, что технические средства, разработанные человеком в юриспруденции, должны повышать эффективность работы людей, а не вытеснять их из этой области.

Признавая, что искусственный интеллект может применять право на основе определенных фактов, следует отметить, что правосудие – это творческий акт, и именно, в связи с этим здесь применение искусственного разума ограничено.

С особенной ясностью следует также изучить деятельность цифрового разума в различных судебных инстанциях с учетом их специфики. К примеру, компьютерный алгоритм будет фиксировать любое нарушение и приходить к выводу о необходимости отмены судебного акта даже в том случае, если формальная отмена приведет к такому же исходу дела.

Очевидно, что машина никогда не станет человеком и никогда не поймет истинной картины мира. Однако, использование искусственного

интеллекта в делах юстиции под контролем человека вполне рационально. На него можно возложить решение логистических задач. К примеру, искусственный интеллект может выступать на судебном процессе в качестве переводчика, он может быть полезен при удостоверении личности участников.

Следует всегда учитывать, что искусственному интеллекту недоступны такие категории, как чувство ответственности, самоанализ, моральный самоконтроль.

В апреле 2021 года Европейская комиссия объявила о подготовке законопроекта, в котором предлагается ограничить использование искусственного интеллекта в тех областях, где он может нанести урон общественной жизни. Рекомендуются запретить использование технологии для манипулирования поведением людей. Под запрет попадает также анализ достоверности доказательств в суде, при этом подчеркивается, что применяемые технологии должны быть надежными, точными и безопасными.

В целом, представляется важным задать правовые и этические границы, в которых будет развиваться искусственный интеллект, ограничить возможность его неэтичного применения и законодательно направить по пути, обеспечивающему максимальную пользу и безопасность для общества.

В заключении, хотел бы отметить, что граждане при обращении в суд, наряду с тем, чтобы высказаться о своей проблеме и объяснить, как с ними несправедливо обошлись, имеют ожидания того, чтобы их поняли и проявили человеческое сопереживание.

Предназначение судейской мантии - дистанцировать судью от человеческих слабостей и убедить стороны в беспристрастности и справедливости самого суда. Однако, людям всегда важно знать, что в отправлении правосудия участвует не только разум, но и живое, бьющееся сердце, являющееся носителем непреходящих ценностей, присущих исключительно человеческой природе.

Уважаемые коллеги,

Наш Международный симпозиум знаменует собой завершение председательства Конституционного Совета Казахстана в Ассоциации Азиатских Конституционных Судов и Эквивалентных Институтов.

Я хотел бы, пользуясь возможностью, поблагодарить весь коллектив Конституционного Совета Республики Казахстан, его Председателя господина Кайрата Абдразаковича Мами за то, что в эти два непростых для всех нас года с честью выполнил свою миссию как Председателя Ассоциации и сумел укрепить сотрудничество между Судами-Членами организации.

Уверен, мы все сможем собраться вновь, чтобы очно увидеться друг с другом, обсудить вживую актуальные вопросы и укрепить наши отношения.

Желаю всем крепкого здоровья, мира и благополучия.

Благодарю за внимание.

**Борис Велчев,
Председатель Конституционного Суда
Республики Болгария**

Интернет и эффективность болгарского парламентаризма

Интернет и новые технологии ставят современные конституционные системы перед новыми вызовами. Необходимо переосмысление классических концепций конституционного права, возникает вопрос каким образом они вписываются в новую цифровую реальность.

Очень часто влияние новых технологий на современные либерально-демократические конституционные государства рассматривается с крайних позиций. С одной стороны, принято считать, что в результате «технологической революции» права граждан находятся в зоне риска; с другой стороны, «революция» воспринимается как инструмент укрепления демократических и либеральных ценностей, характеризующих большинство современных конституций.

Новые технологии затрагивают все аспекты человеческой жизни. В результате этого, как наши права, так и механизмы их осуществления, могут быть подвержены влиянию цифровой реальности. Существуют, как минимум, два возможных пути, по которым может следовать любая правовая система. С одной стороны, возможно конкретно создать (вписать) полностью новые права и процедуры их осуществления, различающиеся от традиционно существующих. Таким образом устанавливаются, например, право на забвение, право доступа в Интернет или право цифровой идентичности. С другой стороны, возможно традиционные права (напр. свобода выражения, право на личную жизнь, избирательные права, право на доступ к суду и др.), как и процедуры реализации парламентской демократии, толковать в духе времени, в котором мы живем, и включить в них права, связанные с нашей «цифровой жизнью». Болгарская конституционная система следует по второму пути. Особый вклад в этом отношении у Конституционного Суда Республики Болгарии.

У Суда, никоим образом не отрицая значение новых технологий, был повод установить рамки, в которых их использование допустимо не затрагивая право на личную жизнь.¹

Так, например, в Решении за № 15 от 17 ноября 2020 г., Суд установил, что посредством нормативной базы, обеспечивающей прямой и немедленный доступ к данным трафика, даже без раскрытия содержания коммуникации, возможно собрать чувствительную информацию об образе жизни, навыках в быту, передвижении, об интересах, политических и прочих предпочтениях субъекта данных. В подобных гипотезах закон должен содержать в себе точные, ясные и предвидимые правила, создающие надежные гарантии защиты и безопасности, исключающие формирование ощущения нахождения под наблюдением, поскольку объективно все граждане оказываются потребителями одной или более форм существующих современных коммуникаций.

Глобальная пандемия COVID–19 и меры, которые были приняты в целях ее преодоления, неизбежно сказались и на работе Народного собрания (Парламента Болгарии), как представительного учреждения общегосударственного масштаба, занимающего центральное место в механизме осуществления государственной власти. В этих условиях Конституционный Суд счел, что Интернет и новые технологии представляют собой инструмент гарантированно качественного и бесперебойного функционирования болгарского парламента.

6 ноября 2020 г. Народное собрание приняло решение, посредством которого установило Правила участия в пленарных заседаниях парламента депутатов, помещенных в связи с COVID–19 в обязательную изоляцию или в карантин. На момент принятия решения Народного собрания в Болгарии была объявлена, из-за распространения болезни, чрезвычайная эпидемическая обстановка.

Решение от 6 ноября 2020 г. предоставило разрешение конкретной и временной проблемы, возникшей в парламентской работе. Оно регулирует правила процедурного характера относительно дистанционного, с использованием электронных средств, участия депутатов, по отношению к которым временно действуют меры ограничительного характера, связанные с обязательной изоляцией или обязательным карантином в рамках объявленной чрезвычайной эпидемической обстановкой. Цель, преследуемая решением, состоит в том, чтобы в кризисной ситуации создать для этих депутатов правовую возможность продолжить прямое персональное участие, хотя и виртуально, в пленарных заседаниях Народного собрания.

Конституционный Суд имел возможность вынести решение относительно соответствия Конституции указанного акта. В своем решении² Конституционный Суд счел, что меры, предпринятые в целях воспрепятствования распространению COVID-19, включительно

¹ Решение за № 2 от 12 марта 2015 г. конституционное дело № 8/2014 г. (ДВ, бр. 23 от 27.03.2015 г.); Решение за № 15 от 17 ноября 2020 г., конституционное дело № 4/2020 г. (ДВ, бр. 101 от 27.11.2020 г.)

² Решение за №2 от 16 марта 2021г., конституционное дело № 13/2020 г. (ДВ, бр.25 от 26.03.2021 г.)

ограничения, введенные всеми государствами-членами и предпринятые Европейским парламентом и прочими институтами ЕС меры, являются вызовом парламентской демократии. Это особо затрагивает усилия сохранить законодательную и бюджетную функцию Парламента, как и осуществление парламентского контроля. Решение от 6 ноября оценивается Судом как «адекватный ответ на конституционную необходимость продолжить эффективное функционирование Парламента» в условиях объявленной чрезвычайной эпидемической обстановки и введения временных противоэпидемических мер. Таким образом, сводится к минимуму риск для здоровья и жизни членов и администрации представительного учреждения, при этом одновременно гарантируется, что политическое представительство продолжит осуществлять наиболее существенную часть своей компетентности.

Конституционный Суд пришел к этому заключению приняв во внимание, что «понимание понятий физическое присутствие» и «присутствующие», несмотря на их традиционность для болгарского конституционализма, подлежит развитию и в XXI веке, как веке ускоренного развития высоких технологий. В этих условиях, по мнению Суда «... можно считать, что виртуальная среда также является определяемым и идентифицируемым в техническом плане местом, где присутствуют и делают волеизъявления, местом осуществления правовых и фактических действий, не обязательно присутствуя физически; правовые последствия указанных действий приравниваются к действиям, осуществляемым депутатами в случае физического присутствия в зале парламента». В результате этого Конституционный Суд постановил, что конституционно допустимо дистанционное, с использованием электронных средств, участие депутатов, по отношению к которым временно действуют ограничительные меры, связанные с обязательной изоляцией или обязательным карантином.

В своем решении Конституционный Суд проявил гибкость и способность адаптироваться к новой технологической реальности.

Интернет и новые технологии воспринимаются как средство укрепления парламентской демократии в Болгарии, создавая предпосылки для ее полноценного функционирования и в условиях кризиса.

Patrick Dollat,
Senior Lecturer at the University of
Strasbourg
and the Pantheon-Sorbonne University,
Former Judge at the Administrative
Court of Paris

Digitization and Share Sovereignty in the European Union

With the Covid-19 pandemic, digital technologies play a key role for education, economy, work, culture or health in our modern societies. At the same time, this crisis emphasizes how closely our national digital spaces are linked and underlines the consequences of these links for our democratic societies and our national sovereignty.

But, first of all, how are sovereignty, shared sovereignty and digitization defined? On the one hand, “sovereignty” is a legal and political concept with a complex definition. For German lawyers, sovereignty is summarized in the expression “Kompetenz, kompetenz” or “competence,-competence”; under the National constitution, the State retains the final decision as to competence. Of course, a State must respect the international agreements to which it is a party. Article 4.3 of the Constitution of the republic of Kazakhstan indicates: “International agreements ratified by the Republic have primacy over its laws” Nevertheless, article 4.2 specifies “The Constitution shall have the highest juridical force and direct effect on the entire territory of the Republic”².

This definition of sovereignty does not mean that a sovereign State must remain isolated, as is the case for North Korea, but that its exercise of sovereignty extends to sharing certain competences with other States in order to guarantee peace, development, and security for its citizens...

On the other hand, according to the Collins Cobuild dictionary, “Digitization” can be defined as the transcription of data (text, pictures, or sound) into a digital form that can be directly processed by a computer³. One of the key interests of the Internet, and digitization, is to abolish the internal boundaries for the sharing of data for collaborative work, to enable a global analysis faced with

¹ Bundeszentrale für politische Bildung: “Die K. ist ein zentrales Merkmal für die Staatsqualität und Souveränität von politischen Verbänden; die K. umfasst die Kompetenz, sich selbstständig neue Kompetenzen zu geben. » - « Competence is an essential characteristic of the State and of sovereignty; Competence encompasses the ability to independently develop new competences.”

<https://www.bpb.de/nachschlagen/lexika/das-europalexikon/177087/kompetenz-kompetenz>

² <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K950001000>

³ <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/digitize>

international challenges, such as Climate change or security policies, but digitization clearly underlines the limitations of national sovereignty absent a robust cross-border cooperation dedicated to the development and implementation of effective policies.

Thus, in September 2020, the president of the European Commission, Mrs Ursula von der Leyen declared that “Europe should secure digital sovereignty with a common vision of the EU in 2030, based on clear goals and principles”⁴. Consequently, in October 2020, the European Council invited the Commission to prepare a comprehensive Digital Compass by March 2021, “setting out digital ambitions for 2030, establishing a monitoring system and outlining key milestones and the means of achieving these ambitions”⁵. On 9th of March 2021, Commission published a Communication entitled “2030 Digital Compass: the European way for the Digital Decade” and Regulation (EU) 2021/694 establishing the Digital Europe Programme for the period 2021-2027, which came into force, with retroactive effect, from 1 January 2021⁶.

Thereby, to avoid digitization negating the shared sovereignty of its Members States and the protection of its citizens, the EU specified its ambitions and objectives for 2030 in the Digital Europe Programme (I). Moreover, this programme aims to guarantee and to control the implementation of the EU’s ambitions, within and outwith the EU (II).

I- The EU’s Objectives for 2030: the Digital Europe Programme

The Digital Europe Programme is structured into five specific objectives: High Performance Computing; Artificial Intelligence; Cybersecurity and Trust; Advanced Digital Skills; and Deployment and Best Use of Digital Capacity and Interoperability, which express the ambitions of the European Union (1.1). On the other hand, Communication (2021) 118 final, define the European digital compass, by which the European Commission seeks to strengthen the protection of the citizen’s digital rights (1.2).

1.1 Specific Objectives translate the EU’s Digital Ambitions

Globally, Programme objectives in Regulation 2021/694, article 3, focus on digital capacity in education (1.1.1) and infrastructure (1.1.2), digital transformation of business (1.1.3) and of public services (1.1.4).

1.1.1 - To Train Highly Skilled Citizens and Professionals

The European Pillar of Social Rights Action Plan projects that by 2030, 80% of adults will have acquired basic digital skills⁷. Moreover, digital training and education should support a workforce in which people can acquire specialized digital skills. Currently, more than 70% of businesses report a lack of staff with adequate digital skills, in areas such as Artificial Intelligence, quantum and

⁴ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions, **2030 Digital Compass: the European way for the Digital Decade**, Brussels, 3 mars 2021, COM (2021) 118 final, p.1 <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A52021DC0118>

⁵ Ibid.

⁶ Regulation (EU) 2021/694 of the European Parliament and of the Council of 29 April 2021 establishing the Digital Europe Programme and repealing Decision (EU) 2015/2240, *JOUE* L 166 du 11.5.2021, p. 1–34, <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32021R0694&from=EN>

⁷ The European Pillar of Social Rights Action Plan COM (2021) 102. Adopted on 3 March 2021.

cybersecurity, as an obstacle to investment.... Of the 7,5 billion euros, the EU Regulation establishing the Digital Europe Programme for the period 2021-2027 has allocated 577 million to strengthen digital skills⁸.

1.1.2 - To Build Secure and Sustainable Digital Infrastructures

By 2030, Digital compass expects that all EU households should have gigabit connectivity and all populated areas should be covered by 5G. The production of cutting-edge and sustainable semiconductors in Europe is expected to represent 20% of world production. 10,000 climate neutral highly secure edge nodes should be deployed in the EU and Europe is expected to have its first quantum computer. In the period 2021-2027, the EU Regulation provides for € 2,226 billion to develop high performance computing and € 2,061 for artificial intelligence.

1.1.3 - To Enhance the Digital Transformation of Business

75% of European companies are expected to use cloud computing services, big data and Artificial Intelligence and more than 90% SMEs should reach at least basic level of digital intensity.

1.1.4 -- To Ensure the Digital Transformation of Public Services

All key public services should be available online; all citizens should have access to their medical e-records and 80% are expected to use an eID solution. For the transformation of Business and Public services, more than € 2,7 billion will be spent on cybersecurity and the best use of digital capacity.

1.2 Protection of the Citizen's Digital Rights

The protection of digital rights is already anchored in the EU treaties, the case law of the Court of justice of the EU, as well as in secondary legislation. In order to make sure that the rights that apply offline can be fully exercised online, the European Commission wants to develop a framework of digital principles, such as access to high quality connectivity, to sufficient digital skills, to public services, and to fair and non-discriminatory online services. These principles would be discussed in a wide societal debate and could be enshrined in a solemn, inter-institutional declaration between the European Parliament, the Council, and the Commission. This declaration build on and complement the European Pillar of Social Rights. Finally, the Commission proposes to monitor in an annual Eurobarometer whether Europeans feel that their digital rights are respected.

II - Implementation and Controls of the Digital Europe Programme

The Digital Europe Programme aims to guarantee and to control the implementation of the EU's ambitions, both within the European Union (2.1) and outwith the EU by international partnerships (2.2).

2.1 Implementation and Controls within the EU on the basis of EU Law

According to Regulation 2021/694, article 14, the Programme shall be implemented under direct management, by its departments, or indirect management with Members States organisations, third countries, international

⁸ The amount of the Long Term EU budget for 2021-2027 is €1 074.3 billion for in 2018 prices, including the integration of the European Development Fund. This budget is completed with the Next Generation EU recovery instrument whose amount is €750 billion.

<https://www.consilium.europa.eu/en/policies/the-eu-budget/long-term-eu-budget-2021-2027/>

organisations.. European partnerships with the Member States are mentioned too (art. 15).

Different evaluations of the Programme will be carried out so that they feed into the decision-making process in a timely manner (art. 26). For example, an interim evaluation will form the basis for adjusting the implementation of the programme taking into account new relevant technologies. Moreover, audits will ensure an appropriate balance between trust and control (art. 27).

2.2 Implementation and Controls outside the EU with international partnerships

While the pandemic has highlighted that digital policy is never value-neutral, the European Union is now trying to promote its human-centric vision of the digital economy and society. Thus, the EU seeks to build strong international partnerships matching the objectives and values of Europe's digital decade: "a

level playing field in digital markets, a secure cyberspace and upholding fundamental rights online"⁹.

The EU programme shall be open to the participation of the third countries within the framework of an association or partial association, respecting its objectives, e.g. members of the European Free Trade Association, acceding and candidate countries, third countries in accordance with the conditions laid down in specific agreements... (art. 10). the Union may also cooperate with international organisations in particular with the Euro-Mediterranean or Eastern Partnerships (art. 11).

A few words to conclude: are digitization and national sovereignty: complementarity or opposing concepts? With globalization, a democratic State, respectful of the Rule of law and Human rights, can no longer control the Internet and guarantee its internal security without the support of its citizens and robust international cooperation. Therefore, digitization forces our opened society to define sovereignty in a new way, based on the sharing of common values and international partnerships. "God save the Queen" but the Sovereign can no longer reign alone...

⁹ COM (2021) 118 final, point 6.

**Anvar Usman,
Chief Justice of the Constitutional Court
of the Republic of Indonesia**

Utilization of Information Technology in Indonesian Constitutional Court along with the Law Enforcement during the New Normal Era

Bismillahirrahmanirahim,

Assalamu'alaikum Wa Rahmatullahi Wa Barakatuh,

The Honorable Chief Justice of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan, Kairat Mami;

The Honorable President and Justices of the Constitutional Courts and Equivalent Institutions;

The Honorable Guests, Delegations of this International Symposium, ladies and gentlemen.

First of all, allow me to thank you for the invitation to the Constitutional Court of the Republic of Indonesia to participate in this International Symposium, as well as congratulations to the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan, which has organized the event very well. On this occasion, I would also like to wish the Republic of Kazakhstan a Happy 30th Independence Day, may the coming year achieve even greater success.

Justices, Honorable Guests, Ladies and Gentlemen,

The theme of this international symposium is an important theme to discuss considering that currently a massive use of internet also has an impact and closely related to law enforcement, personal rights, and the independence of the state in carrying out its rights and obligation. This pandemic significantly gave a huge contribution of internet application since almost all the activities that are usually carried out face-to-face, such as working in the office, studying and teaching, and even shopping are currently being carried out online or using internet facilities in order to prevent the spread of this covid-19.

The same condition applies to the world of law enforcement, especially in the judiciary area. The trials that are commonly held open for the public in person, the cases registration that are also carried out face-to-face, in this outbreak condition certainly will no longer possible to do. Even if it has to be done face-to-face, it must be in the condition that comply with the health protocols. Therefore,

the internet or the use of information technology becomes an inevitable choice so that the judiciary activities may run as it should. If the access to judicial institutions is hampered due to this pandemic, it can create an inconceivable impact. Public disorder and chaotic situation may occur because justice seekers cannot fulfil their needs for justice. For that reason, on this good occasion, we can share experiences about the use of internet or information technology practicing in our respective countries.

The situation and developments that are happening today regarding the Covid-19 pandemic that is currently engulfing the world, remind us as organizers of the judiciary to continue on making the constitution as the basic law of the state that must be guiding every state administrator in carrying out their duties and obligations.

In the midst of pandemic, the attention and intention of state administrators in upholding the constitution as a basic law, must be further increased. Wherefore in this situation, the people need protection from state administrators, especially the judiciary, so that the protection of their constitutional rights can be continues.

One of the main contents of the constitution as a basic law is the protection of the citizens' constitutional rights. So that in this pandemic, there are many constitutional rights of citizens that must be protected. The main and first component to protect their constitutional rights, certainly is the duty and responsibility of state administrators. In Indonesian 1945 Law, the matter is clearly stated in the opening of constitution on 4th Paragraph which states that the goals and objectives of the state is, "...to protect the nation and homeland of Indonesia entirely..." This means, there are no other interpretation for the purpose in establishing a government of a country other than aiming to protect every citizen under any conditions and against anyone who can harm their constitutional rights as citizen.

If in Latin terminology known as 'salus populi suprema lex esto', which means, the security or safety of the people is the highest law so the meaning of this terminology is in line with and has become the goal of the state government's establishment as stated in the Indonesian Constitutional. Nevertheless, this pandemic issue is not a simple problem. Due to this outbreak, it has a wide impact and permeates various aspects of life.

In the normal condition, without any outbreak of a disease, the implementation of health insurance by the state is a very complicated issue. In some countries, including in the developed countries, when there were discussions about the health insurance issue for its citizens, it became such a great controversy. The controversy was more due to the problem of the state budget which was likely to be drained very large if every health insurance of the citizen must be borne by the state. Therefore, there is a proverb in the world of health said, "there is no rich person when he falls ill because no matter how rich he is, he will fall into poverty due to the high cost of treatment that need to be borne. Moreover, he shall not be able to enjoy his wealth when he is ill.

The huge impact of this outbreak on various aspects of social, national and state life, whether in the fields of politics, economics, law, social affairs, defense

and security, science and technology, and others, covers very broad and complex aspects. In terms of law, if we examine further, many legal aspects from various branches of law are also affected in such complicated and complex manner due to the outbreak. Therefore, in accordance with the authority of the Constitutional Court as the guardian of democracy as well as based on the factual conditions and experiences that has just been carried out by our court as one of the relevant materials to be describe further on this occasion is related to the initiation of simultaneous regional head election which was just completed in late 2020.

Justices, Honorable Guests, Ladies and Gentlemen,

The fulfillment of democratic rights for the people is the state's obligation to implement them. Although, the fulfillment of the citizens' constitutional rights in a democracy always experiences different tests and challenges. The Indonesian Constitutional Court has had experience in carrying out trials for the direct regional head election dispute cases since 2005 and simultaneous regional elections dispute cases from 2015 to 2018. However, the implementation of simultaneous regional head election dispute in 2020 has an unusual challenge due to the outbreak.

The current state of this outbreak on the other hand, also gives birth to the responsibility of the state to protect the constitutional rights of its citizens, namely in the health sector. In Article 28H Paragraph (1) and Article 34 Paragraph (3) of 1945 Constitution stated that, "everyone has the right to obtain health service and the state is responsible for providing the said health service facilities." Whereas to fulfil the health rights as referred to in the Provisions of the 1945 Constitution is not an easy matter to actualized it.

Based on the information from Worldometers as 19th of November 2020, when the simultaneous regional elections held in Indonesia, there were 483.518 people got infected Covid-19 since the discovery and announcement of 2 Covid-19 patients on March, 2020. That means, since the discovery of Covid-19 patients, there has been a significant growth of Covid patients. From the total number of patients, 15.600 people were declared deceased due to the outbreak.

At that moment, if the outbreak condition were faced with the 2020 simultaneous regional election, it will certainly would experience a very dilemmatic condition. On one side, the state is also faced with the condition to implement health protocols to aim not to spread the Covid-19 further to the community. The implementation of health protocols is also part of the fulfilment of public health rights in accordance the constitutional mandate. The challenge and decision in carrying out the 2020 simultaneous regional election were very arduous. Even the postponement of simultaneous regional election voting, which was originally to be held on September 23rd, 2020 has been changed to December 9th, 2020.

The decision to continue in carrying out the 2020 simultaneously regional election that have been set by the government and the house of representatives (DPR) was a difficult decision. However, the implementation of it must still be proceeded whilst still paying attention to health protocols. There were many adjustments that have been made in every stages of the election, including the proses of resolving the disputes over the result of regional head elections at the

Constitutional Court. The adjustment to the stages of implementing the event as well as resolving the disputes were not an easy task, moreover it also does not mean that they are not impossible to proceed.

Justices, Honorable Guests, Ladies and Gentlemen,

Since the outbreak in early 2020 hits many countries, there were 50 countries that proceed its election. Some of them proceeded successfully. Three countries considered successfully to proceed their lection during the outbreak. There were Korea, Mongolia, and Sri Lanka. Even the practice and the experience will not be comparable as apple to apple to what was be experienced by other countries due to their geographic, populations and voters, and other things yet learning and sharing experiences from other countries is certainly a good thing to do.

At the end, armed with the previous simultaneous local elections held in Indonesia, which has been held three times in 2015, 2017, and 2018, as well as learning from the experiences from other countries that have had their elections in the midst of the pandemic, the 2020 simultaneous election in Indonesia was proceeded. as for the information, in the 2015 simultaneous regional head election, there were 269 regions that held the election with details of 9 regional elections for the provincial level, 224 regional elections for the district level, and 36 regional elections for the city level. In that elections, there were 152 cases that has been examined and gave its decision by the Constitutional Court. In 2017, there were 101 region that held the election with details of 7 elections for the provincial level, 78 elections for the district level, and 18 elections for the city level. There were 60 cases that has been checked and gave its decision by the constitutional court.

Whilst for 2018 there were 171 that held the simultaneous regional elections, with details of 17 elections at the provincial level, 115 elections at the district level, and 39 elections at the city level. There were 72 cases that has been examined and gave its decision by the court. 67 cases of them were from the elections dispute at the districts level and 5 cases were from the provincial level.

Quantitatively, the 2020 simultaneous regional elections have more numbers that the previous one which amounted to 270 regions. The number of the head regional elections consist of the head regional elections in 9 provinces, 37 cities, and 224 regencies. Even though there is only a 1 region difference compare with the 2015 head regional elections yet certainly the challenge of holding the simultaneous regional elections in 2020 was a tougher challenge. Due to the outbreak, various matters in the implementation of regional elections, including the resolution of disputes must also be adjusted to the current pandemic condition. This is intended so that the impact of holding local elections does not create new clusters fo Covid-19. For this reason, the principle of prudence in the implementation of regional elections, whilst still paying attention to the health protocols, must be a common concern for all stakeholders.

Praise and gratitude to God that the 2020 local elections have been carried out as well as possible, including holding a trial for handling the disputes over election results at the Constitutional Court. In handling the 2020 regional elections cases, the constitutional Court handled 146 regional elections cases, with details of

8 applications for the provincial level, 124 applications for the district level, and 14 applications for the city level.

In handling cases of the simultaneous regional elections in 2020, the Constitutional Court was strictly enforced health protocols. The trials were carried out in hybrid manner by utilizing information technology (online trial) and offline with a very limited number of people. For offline trials, the constitutional court requires all parties that present at the court to take a swab test before entering the courtroom. With the limited number of parties entering the courtroom, the lay out of the courtroom is arranged according to health protocol standards by maintaining a safe distance of one to two meters at each distance between chairs. Moreover, the used of face mask, hand sanitizer, and gloves were mandatory for every person. regarding the court files that were submitted physically by the parties, the officers will sterilize the files using disinfectant. Likewise, our security officer will do the checking body temperature for everyone that entered in the area of our building. Thus, the health protocols in the offline trials were maintained and implemented.

In conducting the online trial, apart from utilizing the internet media which has generally been used by the public, the court also has video conferencing equipment spread throughout the province. The use of video conferencing may be used for litigants if they have internet connection problems or distance constraints for offline hearings because the existence of the constitutional court is only in the state capital. With implementation of this hybrid trial, the constitutional court can complete its tasks in guarding the democratic process on the 2020 simultaneous regional elections.

Justices, Honorable Guests, Ladies and Gentlemen,

The Covid-19 pandemic is indeed something that is not easy for all of us. Therefore, it should be a real common enemy that unites us because it is a human tragedy that harms all human being without any exception. Thereof, there should be no reason whatsoever for us not to join hands and cooperate to make this human tragedy pass quickly. For all of the nations who adhere to the concept of a state law and democracy, it is a shared commitment and obligation to realize the rule of law and constitution for the realization of just and prosperous society. Finally, I would like to thank you for the opportunity given in this honorable forum. Hopefully the good relations and cooperation that have been established between countries and fellow of the Constitutional Courts and equivalent Institutions shall continue to be established and improved in the future.

Billahi Taufik wal Hidayah.

Wassalamu‘alaikum Warahmatullahi Wabarakatuh.

May God bless us all.

**Домника Маноле,
Председатель
Конституционного Суда
Республики Молдова**

Конфликт между свободой выражения мнения и правом на неприкосновенность частной жизни в контексте Интернета

Уважаемые коллеги,

С возникновением новых технологий вмешательство в основные права иногда впечатляет своим развитием и масштабами. Известное изречение, ставшее уже популярным в Европе, гласит, что декларации о правах – это живые инструменты, которые необходимо адаптировать к текущим жизненным условиям. Сохранение устаревших концепций о сфере применения основных прав по отношению к вмешательству, происходящему, например, через интернет, лишает эффективности защиту определенных интересов, являющихся действительно важными для человека.

В своем кратком выступлении я хочу поговорить о конфликте между свободой выражения мнения и правом на неприкосновенность частной жизни в интернете, а также о некоторых решениях Европейского суда по правам человека по этим вопросам. Практика Европейского суда является бесценным источником для исследователей, а также средством вдохновения для лиц, принимающих решения на национальном уровне.

Европейский суд рассматривает не все дела по существу. Одним из основных условий является применимость основного права, на которое ссылается заявитель. В связи с этим хочу обсудить один интересный случай. Все мы, вероятно, получаем электронные письма из категории *спам*. Поставщики электронных почтовых услуг даже создали отдельную папку в электронных почтах, названную «*спам*». А когда эти *спамы* носят явный характер, они могут затрагивать наше достоинство и право на неприкосновенность частной жизни. Например, по делу *Мускио против Италии*, решение по которому было вынесено в 2007 году, председатель ассоциации родителей-католиков обратился с уголовными жалобами на лиц, отправлявших ему непристойные сообщения по электронной почте. Органы уголовного преследования прекратили производство по делу, поскольку не были установлены факты клеветы, мошенничества либо незаконного использования персональных данных заявителя. Электронные письма отправлялись на случайно выбранные адреса.

Эти письма повлияли на моральные убеждения заявителя. Европейский суд счел, что получение нежелательной или оскорбительной информации приравнивается к вмешательству в право на неприкосновенность частной жизни. При подключении к интернету частная жизнь пользователей электронных почт более не находится под эффективной защитой, подвергаясь воздействию нежелательных сообщений, изображений или сведений. Таким образом, получение нежелательной или оскорбительной информации по электронной почте регулируется иными стандартами, в отличие от наземной почты.

В Соединенных Штатах Америки непристойность не подпадает под защиту, обеспечиваемую свободой выражения мнения. Для выявления факта непристойности используются критерии, установленные в решении Верховного суда, вынесенном в 1973 году по делу *Миллер против Калифорнии*.

Так, оценке подвергаются следующие факторы: (1) сочтет ли обычный человек, применяющий современные общественные стандарты, что произведение, рассматриваемое в целом, отображает распутство; (2) если в произведении раскрывается или описывается в явно оскорбительной манере сексуальное поведение, точно определенное в применяемом законодательстве штата; и (3) если произведение, рассматриваемое в целом, лишено серьезной литературной, художественной, политической или научной ценности.

В отличие от своих американских коллег, судьи Европейского суда в решении 2005 года по делу *Перрин против Соединенного Королевства* посчитали, что осуждение лица к 30 месяцам тюремного заключения за опубликование на интернет-странице непристойной статьи, содержащей порнографические сцены, которые ни в коем случае не попадали под критерии, установленные в практике Верховного суда США, являлось вмешательством в его право на свободу самовыражения.

Но, давайте посмотрим, как Европейский суд разрешил конфликт между правом на свободу выражения мнения и правом на неприкосновенность частной жизни в контексте публикации гиперссылки, содержащей дискредитирующие сведения.

В постановлении, вынесенном в 2018 году по делу *Мадьяр Йети против Венгрии*, речь шла о компании-заявителе, которая управляла популярным венгерским новостным онлайн-порталом. В результате происшествия, в котором группа футбольных болельщиков, вероятно находившихся в состоянии опьянения, выкрикивали расистские замечания и угрозы в адрес школьников, обучающихся в школе с преобладанием учащихся по национальности рома, местный лидер национального меньшинства ромов дал интервью одному из пресс-агентств. При описании происшествия он, среди прочего, заявил, что болельщики «точно были членами движения «Йоббик». Пресс-агентство разместило запись интервью на Youtube.

Политическая партия правого толка Йоббик подала иск за дискредитацию. Она утверждала, что факт использования компанией-заявителем термина «Йоббик» при описании болельщиков и размещения гиперссылки на видеозапись в Youtube отрицательно сказалось на ее репутации. Компания-заявитель была признана виновной в распространении дискредитирующей информации путем нарушения права политической партии на защиту репутации.

Европейский суд отметил, что интернет расширяет доступ общественности к новостям и к информации. Цель гиперссылки состояла в том, чтобы путем перехода на другие страницы и веб-ресурсы дать возможность пользователям интернета просматривать материал, доступный в сети, характеризующейся наличием огромного количества информации. Гиперссылки способствуют эффективной работе интернета, делая информацию доступной посредством перекрестных подключений. Еще одна отличительная особенность гиперссылок по сравнению с иными формами распространения информации заключается в том, что лицо, получающее доступ к информации через гиперссылку, не контролирует содержание веб-страницы по этой гиперссылке, которое могло быть изменено после создания ссылки. Более того, содержание контента по гиперссылке было уже описано первоначальным редактором, тем самым предоставив общественности неограниченный доступ к нему.

Вопрос о том, может ли создание гиперссылки повлечь, в свете статьи 10, обоснованную ответственность за ее содержание, требует индивидуальной оценки в каждом отдельном случае с учетом целого ряда факторов. Европейский суд выделил несколько критериев для оценки ответственности публикатора гиперссылки:

- (i) получил ли оспариваемый контент одобрение журналиста;
- (ii) был ли оспариваемый контент воспроизведен журналистом (без его одобрения);
- (iii) если журналист дал только гиперссылку на оспариваемый контент (без его одобрения или воспроизведения);
- (iv) было ли журналисту известно или мог ли он разумно полагать, что оспариваемый контент является дискредитирующим или незаконным;
- (v) действовал ли журналист добросовестно, соблюдая журналистскую этику, и проявил ли должное усердие, продиктованное ответственным отношением к журналистской деятельности.

Европейский суд отметил в качестве общего принципа, что привлечение к ответственности журналиста за распространение заявлений, сделанных другим лицом в ходе интервью, может серьезно помешать участию средств массовой информации в обсуждении вопросов, представляющих общественный интерес, и должно рассматриваться только в том случае, если были на то особо веские причины. Не исключено, что при определенном стечении обстоятельств даже простое воспроизведение какого-либо заявления, например, в дополнение к гиперссылке, может повлечь за собой ответственность. Подобные ситуации могут возникнуть, когда

журналист, освещающий общественно важные вопросы, действует недобросовестно, не соблюдая журналистскую этику и не проявляя усердие, продиктованное ответственным профессиональным отношением.

Европейский суд признал венгерское государство виновным в нарушении права компании-заявителя на свободу выражения мнения, поскольку компетентные национальные суды исключили любую оценку права компании на свободу выражения мнения в ситуации, когда это ограничение требовало особо тщательного рассмотрения, учитывая общественную значимость вопроса.

Как мы видим, наличие предполагаемого конфликта прав в контексте интернета ослабляет интенсивность стандартов, применяемых в обычном случае, не связанном с виртуальным пространством. Но эти случаи не исключают применение общих критериев. И здесь европейские судьи уверенно демонстрируют свое умение уточнять там, где нет особой точности, или прояснять то, что является недостаточно ясным или недостаточно известным. Своими вызовами, новые технологии неизбежно вносят свой вклад в развитие законодательства о правах человека, а нас, юристов, это не может не радовать.

Благодарю за внимание!

**Снежана Маркович,
Председатель
Конституционного Суда
Сербии**

Верховенство права в интернете: защита прав человека в интернете и в связи с интернетом

В „интернет эпоху“, в начале восьмидесятых лет мир вошел незаметно, легко и без плана. Учитывая в это время только положительные эффекты и пользу от облегченной коммуникации и обмена информацией, доступ к интернету был привилегией немногочисленных пользователей, как правило, зарезервированной только для исполнителей важнейших работ, имеющих государственный и жизненно важный интерес. После этого начался этап массового использования электронных технологий. Очень быстро и государственные учреждения внедрили цифровое образование своих сотрудников. В настоящее время коммуникация и сделки осуществляются в том же порядке, при помощи электронного обмена информацией, независимо от того, идет ли речь о внутренней, межинституциональной или международной коммуникации.

Последствием широкого распространения интернета является и появление многочисленных злоупотреблений, законных разногласий, а также большого количества юридических пустот, ввиду чего возникла срочная необходимость в юридическом регулировании вопросов интернет-права.

Касательно международного аспекта, относительно интернета применяется принцип, в соответствии с которым права, которые люди имеют *оффлайн*, в нормальной жизни, должны защищаться и *онлайн*. Эту позицию подтвердил и Европейский суд по правам человека в своих решениях.

Без глубокого анализа, поскольку для этого у нас нет времени, необходимо иметь ввиду, что и Комитет министров Совета Европы принял ряд рекомендаций¹ относительно свободы интернета, свободного и трансграничного потока данных в интернете, защиты прав человека, поисковиков, блокирования, фильтрования и удаления нелегального контента в интернете. Государствам членам рекомендуется соблюдать и отрицательные и положительные обязательства, защищать и продвигать

¹https://www.coe.int/en/web/freedom-expression/committee-of-ministers-adopted-texts/-/asset_publisher/aDXmrol0vvsU/content/recommendation-cm-rec-2016-5-of-the-committee-of-ministers-to-member-states-on-internet-freedom?inheritRedirect=false

права человека и основные свободы в интернете, а также „создавать благоприятно окружение для свободы интернета и регулярно выполнять оценку окружения для свободы интернета на национальном уровне».

Относительно отечественных правовых рамок, *Конституция Республики Сербия* не регламентируют «сетевую нейтральность», но право на доступ к интернету можно толковать как часть права на свободу выражения мнения и права на информацию, т.е. как право человека на интернет или в связи с интернетом. В рамках права на свободу выражения мнения и на информацию, Конституция гарантирует «свободу мысли, совести, убеждения и вероисповедания, право иметь собственные убеждения»², «свободу мысли и выражения мнения, а также свободу речью, письмом, изображением или другим образом требовать, получать и распространять информацию и идеи»³.

В этой связи можно сказать, что это право подлежит тем же ограничениям, которые касаются и свободы выражения мнения. Кроме этого Конституцией гарантируется, что „в Республике Сербия нет цензуры, и что любое лицо может без одобрения, в порядке предусмотренном законом, учреждать газеты и другие средства публичной информации в соответствии с законом»⁴. Кроме этого, нужно указать и на право „всех получать достоверные, полные и заблаговременные уведомления о вопросах, имеющих общественное значение, а также, что „средства общественной информации должны это право соблюдать, должны иметь право на доступ к данным, которые находятся в собственности государственных органов и организаций которые имеют публичные полномочия, в соответствии с законом»⁵.

В дальнейшем тексте представлю существующую практику Европейского суда по правам человека, благодаря которой, между прочим, Конституционный суд Республики Сербия сдвигает границы ежедневной работы, защищая Конституцией непосредственно гарантированные права человека, принимая при этом, в качестве своих, критерии и стандарты защиты прав человека, которые создал Европейский суд. К примеру, Конституционный суд действовал таким образом относительно использовании «новых технологий» и защиты основных прав человека в интернете и в связи с интернетом.

Европейский суд по правам человека в ходе процессов, связанных с «новыми технологиями» указал на возможные нарушения права, предусмотренного Конвенцией, в частности на влияние интернета на режим следующих прав человека: права на соблюдение личной жизни и защиты данных; права на свободу выражения мнения и информирования; права на свободу собраний и объединения; права на эффективные средства правовой защиты и права на защиту от дискриминации в реализации права и свободы.

В судебном решении *Ahmet Yildirim против Турции*⁶ Европейский суд рассмотрел запрет доступа к целому интернет-домену, что суд считал

² Статья 43 Конституции РС

³ Статья 46 Конституции РС

⁴ Статья 50 Конституции РС

⁵ Статья 51 Конституции РС

⁶ *Ahmet Yildirim против Турции*, номер заявления 3111/10 от 18.12.2012 года, абзац 48

вмешательством власти в право лица на свободу выражения мнения, и нарушением статьи 10 Европейской конвенции. Данное решение является важным, так как Суд впервые распространил толкование свободы выражения мнения и на вопрос свободы выражения мнения в интернете, и сделал вывод что „заявителю не обеспечен степень защиты, на который он имел право в соответствии с господством права в демократическом обществе. Следовательно, Суд в данном случае применил основной принцип, в соответствии с которым защита прав человека применяется как *оффлайн* так и *онлайн*. Это решение создало четкую классификацию относительно блокировки доступа и мер, которые должны быть выполнены, чтобы вмешательство считалось „достаточным в демократическом обществе». Суд посчитал, что мера, принятая отечественными властями для блокировки доступа к целому интернет-домену была произвольной. Настоящим решением государствам членам даются рекомендации, что «весь поисковик не может быть заблокирован только потому, что отечественный нелегальный контент можно получить использованием поисковика “, что имело место в данном случае.

С другой стороны, в случае *Akdeniz против Турции*⁷ Суд выполнил оценку запрета доступа к определенным интернет-доменам из-за использования защищенной музыки и из-за нарушения авторских прав, и не обнаружил нарушение статьи 10 Конвенции на которую заявитель ссылался. Дело в том, что при определении баланса между двумя противоположными правами, «правом на свободу получения информации» и «правом на защиту авторских прав», Суд утвердил, что заявитель не имел статус „жертвы“, поскольку он имел доступ к многочисленным другим интернет-доменам которые контент, который он ищет, обеспечивают в легальном порядке, без нарушения авторских прав. Следовательно, заявитель мог приступить к любому другому домену и мог найти контент, который он считает интересным.

Решение Европейского суда по делу *Delfi AS против Эстонии*⁸ - первое дело в котором Суд принимал решение об ответственности собственника портала за комментарии анонимных пользователей, создавая критерии для оценки ответственности за пользовательский контент и комментарии читателей на информационном веб-сайте. Этот случай касался ответственности интернет-портала за обидные комментарии читателей под одной из статей. Портал жаловался, что таким образом утвержденная ответственность за комментарии, нарушает его право на свободное выражения мнения. Однако, Европейский суд посчитал, что утверждение ответственности портала национальными судами было обосновано и пропорционально правам портала на свободное выражение мнения, в частности, ввиду того что комментарии были исключительно обидными, что портал не предотвратил возможность, чтобы эти комментарии стали

⁷ *Ahmet Yildirim против Турции*, номер заявления 20877/10 решение от 11.03.2014 года

⁸ *Delfi AS против Эстонии*, номер заявления 64569/09, постановление Большой коллегии от 16.06.2015 года

публичными, получил выгоду от их существования, позволил авторам комментариев остаться анонимными, и что санкции, утверждённые эстонскими судами не являлись неумеренными.

В ходе производства по делу оказания конституционно-судебной защиты, по поводу рассмотрения обоснованности конституционной жалобы в пределах выдвинутого заявления, Конституционный суд утверждает, нарушено ли (и лишен ли заявитель конституционной жалобы), Конституцией гарантируемое право или свободы, в ходе принятия решения о его правах и обязательствах.

Решением Конституционного суда от 13.02.2020 года, по делу номер Уж 3340/2017, отклонена конституционная жалоба⁹ заявителя ввиду нарушения прав на достоинство человека, и права на справедливое судебное разбирательство, которое гарантирует Конституция Сербии. В конкретном случае, заявитель конституционной жалобы оспаривал решение суда, которым правомочно отклонено его требование компенсации нематериального ущерба ввиду нарушения чести и репутации из-за опубликования отрицательных комментариев анонимными лицами на форуме интернет сайта одного муниципалитета в Сербии. Заявитель конституционной жалобы в качестве подтверждения своих утверждений сослался на мнение Европейского суда, указанное в постановлении *Delfi AS против Эстонии*, которое в моем выступлении я уже упомянула в качестве важного.

В обосновании решения, Конституционный суд рассмотрел значимые положения Конституции и закона, опираясь при этом и на практику Европейского суда по правам человека.

Исходя из положений Конституции, Конституционный суд указал, что «сохранение и опубликование на интернет-сайтах относится к области свободы выражения мнения»¹⁰, но что одновременно имеется и обязательство, комментариями не нарушать репутацию других,¹¹ т.е. соблюдать право на достоинство человека¹². Конституционный суд в обосновании решения сослался на абзац постановления Европейского суда по правам человека *Ahmet Yildirim против Турции*, отмечая, что „сохранение и опубликование комментариев на интернет-сайтах относится к области свободы выражения мнения», а также, что существует обязательство „комментариями не нарушать репутацию других, т.е. соблюдать право на достоинство человека». Конституционный суд отметил, что «Указанная конституционная и конвенциональная свобода имеет особое значение относительно ее соблюдения в интернете. Интернет в качестве технологического, коммуникационного и социологического явления превосходит препятствия в пространстве и времени, обеспечивает очень масштабную аудиторию. Появление и развитие интернета создало совсем новую среду, которая пользователям предоставила возможность выразить

⁹ Уж 3340/2017, Решение от 13.02.2020 года

¹⁰ Статья 46, абзац 1 Конституции

¹¹ Статья 46, абзац 2 Конституции

¹² Статья 23, абзац 1 Конституции

свои идеи и мнение, что подавляющее большинство не могло делать в эпоху традиционных средств массовой информации».

Конституционный суд при принятии решений применяет критерии, которые Европейский суд разработал в случаях, когда требуется ответственность юридических лиц за комментарии неизвестных лиц на их интернет-сайтах: 1) контекст комментариев; 2) меры, которые юридическое лицо приняло с целью предотвращения или удаления обидных комментариев; 3) ответственность настоящих авторов комментариев в качестве альтернатива за ответственность юридических лиц, которые руководят интернет-сайтами 4) последствия ведения производств по делу перед отечественными судами, на юридические лица которые руководят интернет-сайтами.

Относительно каждого критерия, Конституционный суд сослался на дело *Delfi AS против Эстонии*, в котором особое внимание посвящено „профессиональному и коммерческому характеру информационного сайта заявителя, а также на тот факт, что заявитель имел экономический интерес опубликовать комментарии», в то время как в конкретном отечественном деле речь шла об интернет-форуме, который «не является информационным интернет-сайтом» в соответствии с законом о публичном информировании и средствах массовой информации, в связи с чем «не имеет характер коммерческого интернет-сайта». Кроме этого, относительно мер, которые принимал муниципалитет, Конституционный суд посчитал значимым тот факт, что обидные комментарии удалены модератором форума в течение следующего дня после того как заявитель конституционной жалобы указал на них, а потом удалял их автоматически, без требования заявителя. Относительно последствий опубликованных комментариев, Суд выяснил, что комментарии являлись „частично обидными, но не вульгарными, и не являлись языком вражды». В конкретном случае, Конституционный суд посчитал, что обоснование процессуальных судов с конституционной и юридической точки зрения является полностью приемлемым, и отклонил конституционную жалобу.

В деле Уж 7211/2013¹³ заявители конституционной жалобы, оспаривая решение суда второй инстанции, отметили нарушение свободы мысли и выражения, свободы средств массовой информации и права на информацию, согласно Конституции.

В конкретном случае, заявители конституционной жалобы на интернет-странице локальной радиостанции разместили сообщение о смерти (самоубийстве) молодого и успешного лица, вместе с которым размещена и ее фотография. Из-за опубликования информации о смерти дочери и спорной фотографии, родители девушки перед регулярными судами возбудили гражданское дело против ответчика – в данном случае заявителя конституционной жалобы – с целью возмещения нематериального ущерба - душевной боли из-за нарушения чести и репутации.

¹³ Уж 7211/2013, Решение от 19.05.2016 года

Суд первой инстанции отклонил исковое заявление родителей в качестве необоснованного, считая, что истцы не доказали, что информация в спорном тексте нарушила право на неприкосновенность частной жизни, честь и репутацию, а также уважение семейной жизни. В ходе производства по делу, ответчик со своей стороны опубликование новости и спорной фотографии оправдывал тем, что существовал обоснованный интерес общественности узнать о трагической смерти молодого и успешного лица, и об обстоятельствах смерти, а также, что при помощи оспариваемой фотографии общественность могла ознакомиться с изображением пострадавшей.

Апелляционный суд в ходе разбирательства по жалобе пересмотрел решение суда первой инстанции и занял противоположную позицию: „относительно заявителей конституционной жалобы не существовал обоснованный интерес общественности узнать о трагической смерти дочери истца, об обстоятельствах, в которых она пострадала, и ознакомиться при помощи оспариваемой фотографии с изображением скончавшейся дочери истца», в отдельности отмечая, что для этого предварительно не требовалось согласие родителей, что противоречит закону о публичном информировании.

Оспаривая решение Апелляционного суда, заявители конституционной жалобы подчеркивали, что нарушено их право на свободное выражения мнения, свободу средств массовой информации и права на информацию, которые предусмотрены Конституцией, в связи с чем не принимаются аргументы постановления Апелляционного суда, о том, что не существовал обоснованный интерес общественности узнать о трагической смерти дочери истцов, об обстоятельствах, в которых она пострадала, и в том, чтобы при помощи оспариваемой фотографии общественность ознакомилась с изображением пострадавшей дочери истцов. Заявители конституционной жалобы считали что «содержание опубликованной информации никоим образом не нарушает достоинство лица, которое является предметом информации и пиетет членов ее семьи; что существовал интерес общественности при помощи упомянутой фотографии ознакомиться с изображением пострадавшего лица, и что речь идет о фотографии, которая уже размещена на другом сайте, ввиду чего не было необходимости в получении согласия семьи на размещение фотографии».

В ходе принятия решений, Конституционный суд, ссылаясь на существенные источники права, сначала процитировал положения, которыми гарантируется свобода мысли и выражения, а также положения существенных законодательных рамок, которые применялись в конкретном случае. В обосновании решения, толкуя право на свободу выражения мнения в демократическом обществе, Конституционный суд ссылался на практику Европейского суда по правам человека в делах *Handyside против Объединенного Королевства*¹⁴ и *Nilsen and Johnsen против Норвегии*¹⁵. Конституционный суд, между прочим, отметил, что в демократическом

¹⁴ Заявление номер 5493/72, от 7.12.1976 года, абзац 49

¹⁵ Заявление номер 23118/93, от 25.11.1999 года, абзац 43

обществе «право на свободное выражения мнения применяется не только для информации или идей, которые принимаются благожелательно, или считаются необходимыми или индифферентными, а и для тех, которые обижают, шокируют или беспокоивают государство или определенную часть популяции. Это требования плюрализма, терпимости и открытости взглядов, без которых нет демократического общества.»

Конституционный суд напомнил, что право на свободное выражения мнения относится к относительной свободе, ввиду чего оно подлежит и ограничениям, которые предусматривает и Конституция Республики Сербия в статье 46, абзац 2, одновременно ссылаясь на уже установившиеся критерии Европейского суда по правам человека, которые принимает и этот Суд. Дело в том, что для того, чтобы ограничение свободы выражения мнения было конституционно и юридически приемлемым, оно должен быть: легальным, легитимным, необходимым в демократическом обществе и пропорциональным легитимной цели, к реализации которой оно стремится.

Используя указанные критерии в отношении конкретного дела, Конституционный суд выяснил, что ограничение свободы выражения мнения было легальным, т.е. предусмотренным указанными четкими законодательными нормами; что оспариваемое второстепенное процессуальное решение принято в целях достижения легитимной цели, касающейся защиты права на неприкосновенность частной жизни истцов.

Если речь идет о критерии необходимости в демократическом обществе, Конституционный суд в очередной раз сослался на практику Европейского суда и посчитал, что «информация, которая находится в оспариваемом тексте, не относится только к сфере личной жизни истцов, поскольку факт трагической потери жизни определенного лица, в частности молодого лица, является информацией, которая шокирует, омрачает или взбудораживает...». Рассматривая опубликование оспариваемой фотографии, Конституционный суд сослался на практику Европейского суда относительно влияния объявления фотографии конкретного лица на нарушение права на личную жизнь, и сделал вывод что конституционно и юридически является приемлемым обоснование суда второй инстанции, в соответствии с которым не существовал обоснованный интерес общественности в размещении оспариваемой фотографии.

В конце, в ходе рассмотрения пропорциональности преобладающего права в конкретном деле – права на свободу выражения мнения заявителей конституционной жалобы, или права на свободу и неприкосновенность частной жизни родителей скончавшейся – Конституционный суд посчитал, что обоснование Апелляционного суда было конституционно и юридически приемлемым с учетом достижения справедливого баланса, отклонил жалобу, в качестве необоснованной, и установил, что нет нарушения права на свободу выражения мнения, указанного в статье 46 Конституции Республики Сербия.

Конституционный суд Республики Сербия к защите прав человека приступает прямо и непосредственно, применяет и толкует права человека,

которые гарантирует Конституция, а при оценке наличия или отсутствия нарушений, создает стандарты и критерии и собственную практику. Конституционный суд для своей позиции и практики находит источники в международных документах и практике международных учреждений, в частности в Европейской конвенции о правах человека, и в практике Европейского суда по правам человека. Ответственность национальных судов, судей и практикантов, которые создают стандарты защиты прав человека и их последовательного применения на практике является большой, без исключения и в отношении новой области интернет-права.

Возможность для развития существует, в частности когда речь идет о создании, развитии и последовательном применении стандартов и критериев в области защиты прав человека в интернете и в связи с его использованием, постоянным приведением отечественной практики в соответствие с практикой Европейского суда по правам человека, а также с практикой других международных учреждений, которые занимаются защитой прав человека.

Я надеюсь, что обмен мнениями в этом Симпозиуме поможет найти ответ на многочисленные открытые вопросы, которая возникают в области, которая сегодня является предметом нашего рассмотрения.

Спасибо за внимание!

**Эрна Айриян,
Председатель Суда Евразийского
экономического союза**

Реализация принципа верховенства права в практике Суда Евразийского экономического союза в условиях цифровой реальности.

Уважаемые участники симпозиума!

От имени Суда Евразийского экономического союза и от себя лично приветствую участников конференции и выражаю признательность его организаторам за приглашение.

Тематика мероприятия многогранна и охватывает актуальные правовые вопросы. Пандемия коронавирусной инфекции внесла свои коррективы в деятельность всех национальных институтов и международных организаций, послужив при этом стимулом для ускорения внедрения интернет-технологий в жизнь.

Цифровизация экономики, права и общества, трансформация отношений «человек-техника», формирование нового типа «электронной культуры» актуализируют вопросы соотношения права как социального регулятора, его основополагающих принципов и современных высоких технологий.

В контексте темы симпозиума представляется уместным сформулировать вопрос: какова роль традиционных правовых доктрин, принципов права в эру Интернета?

Без сомнения, ведущая роль в поддержании и утверждении принципов права принадлежит международным судам, применяющим в том числе принцип верховенства права, который проявляется через утверждение законности, правовую определенность.

Данный принцип напрямую затрагивает деятельность Суда Евразийского экономического союза. В качестве одного из факторов, способствующих реализации верховенства права на территории Союза, выступает деятельность Суда по обеспечению единообразного применения государствами-членами и органами Союза Договора о Евразийском экономическом союзе, международных договоров в рамках Союза, международных договоров Союза с третьей стороной и решений органов Союза, как это закреплено в статье 2 Статута Суда.

Одним из важнейших элементов концепции верховенства права является соблюдение прав человека, которые не должны потерять своей общепризнанной ценности в цифровую эпоху. К примеру, Суд Союза в своих консультативных заключениях обращался к вопросам реализации прав граждан государств – членов ЕАЭС на свободу передвижения в целях реализации трудовой деятельности, сотрудников и должностных лиц органов Союза на пенсионное обеспечение.

Так, в консультативном заключении от 20 декабря 2018 года по делу о пенсионном обеспечении должностных лиц и сотрудников органов Союза Суд сформулировал правовую позицию о том, что в связи с закреплённой в преамбуле Договора приверженностью безусловному соблюдению принципа верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина, уровень таких прав и свобод, гарантированный Союзом, не может быть ниже, чем он обеспечивается в государствах-членах.

Изложенный Судом подход указывает на приоритетность обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина на уровне Союза как вектора развития Союза, в том числе и в цифровую эпоху.

В консультативном заключении от 7 декабря 2018 года, предоставленном по запросу Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора в отношении осуществления трудовой деятельности профессиональными спортсменами, Суд сделал вывод о том, что в национальном законодательстве и локальных актах организаций физической культуры и спорта не допускается установление, а также применение действующих количественных ограничений к профессиональным спортсменам, являющимся гражданами государств – членов Союза, в отношении осуществляемой ими трудовой деятельности, рода занятий и территории пребывания.

Суд также указал, что профессиональные спортсмены являются трудящимися по смыслу права Союза, обладают единым статусом в рамках Союза и пользуются предоставленными Договором правами и законными интересами.

Без сомнения, можно отметить, что данное консультативное заключение вносит вклад в обеспечение реализации права на свободное движение рабочей силы (трудовых мигрантов) в рамках Союза и в целом направлено на формирование системы защиты социально-трудовых прав граждан государств – членов ЕАЭС.

Важно также отметить, что на внутреннем рынке Евразийского экономического союза согласно пункту 2 статьи 28 Договора обеспечивается свободное движение лиц, товаров, услуг, капиталов. По вопросу порядка перемещения физическими лицами наличных денежных средств через таможенную границу таможенного союза Судом было предоставлено консультативное заключение от 15 октября 2018 года по запросу Министерства национальной экономики Республики Казахстан. Предметом

разъяснения Суда стала норма Договора, указывающая на возможность свободного перемещения товаров между территориями государств-членов без осуществления таможенного декларирования товаров и государственного контроля. Суд сделал вывод о том, что данная норма применяется при условии, что свободное перемещение товаров, в том числе валюты и валютных ценностей, осуществляется физическим лицом непосредственно между территориями государств – членов Союза.

Говоря о соблюдении прав человека и гражданина в правовом пространстве ЕАЭС, нельзя не коснуться практики Суда в области применения принципа *non bis in idem* (не дважды за одно и то же), согласно которому никто не должен дважды нести наказание за одно деяние. Данный принцип напрямую вытекает из общих конституционных традиций государств-членов (например, пункт 3 статьи 77 Конституции Республики Казахстан), а также норм международного права (пункт 7 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, участниками которого являются все государства – члены Союза). В консультативном заключении Суда ЕАЭС от 18 июня 2019 года по делу о разграничении полномочий между ЕЭК и органами государств-членов и применении принципа *non bis in idem* в сфере права конкуренции, предоставленному по запросу Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен», Суд указал, что обращение к данному принципу и обязанность добросовестного исполнения положений права Союза влекут отмену решения, принятого с нарушением требований о разграничении полномочий между ЕЭК и национальными органами. А в случае привлечения к ответственности хозяйствующего субъекта за нарушение общих правил конкуренции и наложения санкций одновременно решениями уполномоченного органа государства-члена и ЕЭК, отмене подлежит то решение, которое нарушает компетенцию, предоставленную уполномоченным органам и Комиссии Договором о ЕАЭС от 29 мая 2014 года.

Продemonстрированные примеры из практики Суда отражают элементы защиты Судом прав граждан государств – членов ЕАЭС, сотрудников и должностных лиц органов Союза, хозяйствующих субъектов и физических лиц на основе права Союза.

Еще одним элементом верховенства права Союза и обеспечения доверия к судебной системе является принцип правовой определенности как требование однозначности, ясности, недвусмысленности правового регулирования. К концепции правовой определенности неоднократно обращался Суд в своей практике.

Так, Коллегия Суда при вынесении решения от 7 апреля 2016 года по делу по заявлению ООО «Севлад» определила, что в соответствии с принципом правовой определенности решение Комиссии или его отдельные положения могут признаваться непосредственно затрагивающими права и

законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, в том числе, когда соответствующее решение применяется к конкретному хозяйствующему субъекту в связи с его хозяйственной деятельностью.

В решении от 18 июня 2019 года по делу по заявлению ООО «Шиптрейд» Коллегия Суда обозначила, что требования определенности, ясности и недвусмысленности правового регулирования вытекают из общих принципов международного права и международных договоров, заключенных в рамках Союза.

Требование правовой определенности относится к правовому регулированию на уровне Союза не только таможенно-тарифных, но и иных общественных отношений, например, конкуренции, пенсионного обеспечения, осуществления Комиссией мониторинга и контроля исполнения государствами – членами ЕАЭС международных договоров, входящих в право Союза, и решений Комиссии. Следуя выработанному Судом подходу, определенность права Союза и связанная с ней предсказуемость правоприменительной практики необходимы для обеспечения стабильности и предсказуемости правового регулирования, что создает дополнительные гарантии реализации гражданами государств – членов Союза своих прав, предоставленных Договором и международными договорами в рамках Союза.

В условиях меняющейся реальности в целях обеспечения верховенства права и единообразного понимания и применения норм права Евразийского экономического союза представляется необходимым организация диалога между Судом Союза и национальными судебными органами. Одним из вариантов такого диалога видится наделение Суда ЕАЭС компетенцией по рассмотрению преюдициальных запросов национальных судов государств-членов. Перспектива рассмотрения Судом преюдициальных запросов имеет целью обеспечение единообразного толкования права Союза и выявление национальными судами несоответствия положений национального права наднациональному правопорядку. Такой диалог будет способствовать утверждению верховенства права на всей территории Евразийского экономического союза.

В заключении следует подчеркнуть, что развитие информационных технологий и цифровизация тесно связаны с гармоничным развитием права и технологий, балансом между защищаемыми правом ценностями и научно-техническим прогрессом. В ряде международных и национальных судебных органов внедряются цифровые технологии в судопроизводство, в частности, средства видеоконференцсвязи для заслушивания выступлений сторон по делу в условиях введенных ограничений по причине пандемии, что ставит под вопрос реализацию в судебном процессе основных принципов судопроизводства, таких как, непосредственность судебного разбирательства и состязательность. Таким образом, на повестке дня стоит проблема

трансформации принципов процессуального права для развития «электронного правосудия» при условии сохранения их роли и содержания.

Уважаемые коллеги, позвольте обратить Ваше внимание на предстоящее проведение в ноябре 2021 года в городе Минске организованной Судом Евразийского экономического союза четвертой Международной конференции, тематика которой будет посвящена вопросам обеспечения единообразного применения права Евразийского экономического союза. Надеюсь, что сегодняшний симпозиум и предстоящая конференция в Минске внесут свой вклад в миссию утверждения верховенства права и единообразия правоприменения.

Желаю всем участникам симпозиума конструктивного диалога, плодотворной работы и успехов.

Благодарю за внимание.

**Hisham Al-Tal,
President of the Constitutional Court of
Jordan**

Equality in Front of Law

**Your Excellency
Ladies and Gentlemen**

What is Equality?

Is there any equality before the law?

Equality before the law Known as “legal equality” is a principle whereby all individuals are subject to the same Laws of justice. All are equal before the law.

Article 7 of The Universal Declaration of Human Rights states that “All people are equal before the law and have the right to enjoy equal protection from it without any discrimination, and they all have the right to equal protection against any discrimination in violation of this Declaration against any incitement. According to the United Nations, this principle is particularly important for minorities and the poor people.

Thus, the law and judges should treat each individual by the same laws regardless of gender, race, religion, socio-economic status etc. without discrimination.

Equality before the law is one of the basic principles of classical liberalism.

The Principle of equality means that “all similar legal centers are subject to one legal treatment, in a logical manner according to the goal pursued by the law”.

Your Excellences

The principle of equality means not to discriminate between members of the same sect if their legal positions are the same.

Accordingly, the principle of equality between citizens before the law does not mean that individuals with different legal positions are treated equally.

The principle of equality requires equal treatment in legislation.

The principle of equality does not mean that all individuals should be treated alike, but rather means that people with similar legal positions should be treated alike.

In other words, equality before the law is not arithmetical equality.

Legal equality cannot be understood in a narrow sense, because it only means non-discrimination in treatment.

In chapter two of the Jordanian Constitution related to the rights and duties of Jordanians

Article 6

(1) Jordanians shall be equal before the law.

There shall be no discrimination between them in rights and duties

If they differ in race, language or religion.

Equality does not mean that individuals of different groups and differences in their legal positions are treated equally, nor does this principle mean opposing all forms of discrimination.

Some forms of discrimination are legitimate if they are based on objective grounds. With the effect that the discrimination prohibited intended for itself, but rather to achieve specific purposes.

Violation of the principle of equality before the law is achieved by any act at that wastes equal legal protection, whether adopted by the state through its legislative authority or through its executive authority.

Meaning that neither of these two authorities may impose a different treatment in that unless it is justified by logical differences that can be linked rationally the purposes envisaged by the legislative action issued by it.

Violation of the principle of equality, meaning that all individuals must be equal when they are in the same legal positions without regard to their gender or their religion, color, language, race, origin, etc.

In conclusion only the law can transform the official discourse of the state into rights, obligations, standards, procedures and penalties.

Without a clear law, every state intervention, every discourse the state issues or a policy implements is governed by a political decision.

The Equality Protection Law is the only law that is capable of overcoming cultural and political changes and setting clear strict standards that may not be exceeded, regardless of their subject and circumstances.

Thank you wishing you good health happiness progress and peace which our world needs in these days.

**Наталья Карпович,
Заместитель Председателя
Конституционного Суда
Республики Беларусь**

**Информационная безопасность государства и общества:
права человека**

Уважаемый председательствующий!

Уважаемые участники Международного симпозиума!

Прежде всего, позвольте выразить сердечные поздравления с 30-летием независимости Республики Казахстан и пожелания дальнейшего процветания и благополучия ее гражданам!

Я благодарю также Конституционный Совет Республики Казахстан за возможность принять участие в столь представительном Международном симпозиуме и обсуждении актуальнейших вопросов современного конституционно-правового развития.

1. Эра Интернета с безусловностью обращает наше внимание к вопросам информационной безопасности государства и общества, права человека на защиту его личных данных. Изменения в обществе, связанные с научно-техническим прогрессом, обнажили нашу уязвимость перед угрозами недобросовестного использования информационно-коммуникационных технологий и средств массовой коммуникации.

Государство обязано принимать адекватные меры для нейтрализации этих угроз. Тема обеспечения безопасности актуальна во все времена, и это исконная функция любого государства. Однако меры, направленные на нейтрализацию соответствующих негативных проявлений, их последствий, нередко вторгаются в сферу реализации прав человека.

2. Республика Беларусь, как и другие государства, стремится соблюсти равновесие в развитии информационного общества и обеспечении информационной безопасности. Правовой основой для утверждения данного баланса служит Конституция, ее ценности и принципы.

В том числе это касается конституционного права каждого на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь. В Конституции Республики Беларусь закреплено право на информацию, гарантирующее гражданам Беларуси получение, хранение и распространение полной, достоверной и

своевременной информации о деятельности государственных органов, общественных объединений, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состоянии окружающей среды.

Важнейшей составляющей конституционной гарантии права на информацию выступает обязанность государственных органов, общественных объединений, должностных лиц предоставить гражданину возможность ознакомиться с материалами, затрагивающими его права и законные интересы. Она характеризует конституционное право на информацию как субъективное право гражданина, подлежащее защите.

В целях утверждения конституционного принципа верховенства права различные аспекты конституционного права на информацию раскрыты в заключениях и решениях Конституционного Суда Республики Беларусь. Соответствующие правовые позиции содержатся в более чем 100 актах Конституционного Суда.

3. Так, исходя из принципов равенства и недискриминации, закрепленных в статье 22 Конституции, а также принимая во внимание принцип универсальности прав человека, зафиксированный в ряде международных документов, в решении от 3 мая 2016 г. Конституционный Суд отметил, что конституционное право на информацию распространяется в равной степени на всех граждан.

Вместе с тем Конституционный Суд обратил внимание на необходимость конкретизации именно в законе способов предоставления информации, имеющей особое общественное значение. В частности, речи идет об информации о техногенных и иных рисках, являющихся побочными продуктами высоких технологий. В решении от 17 мая 2012 г. отмечено, что регулирование Законом порядка предоставления и распространения информации о радиоактивной обстановке, а также о правовом режиме территории радиоактивного загрязнения и об ответственности за его нарушение путем отсылки к законодательству об охране окружающей среды, об обращениях граждан и юридических лиц и иному законодательству, то есть отсылка фактически к общим правилам, касающимся любой доступной информации, свидетельствует о недостаточных гарантиях реализации конституционного права граждан на получение полной, достоверной и своевременной информации о состоянии окружающей среды в части радиационной обстановки. Конституционный Суд указал, что в силу особой значимости указанной информации для здоровья населения особенности порядка ее предоставления и распространения требуют регулирования на законодательном уровне.

Белорусским законодателем учитываются также аспекты гарантирования права на информацию, обусловленные развитием цифровизации. Так, расширение способов информирования заинтересованных об административных процедурах посредством размещения сведений на официальных сайтах государственных органов (организаций) в сети Интернет Конституционный Суд признал условием

реализации конституционных гарантий права граждан Республики Беларусь на информацию (решение от 27 декабря 2016 г.).

Кроме того, Конституционный Суд обратил внимание на установление законодателем порядка, предусматривающего, что после публикации сведений о заявке на регистрацию товарного знака на официальном сайте патентного органа в сети Интернет любое лицо вправе ознакомиться с этой заявкой; доступ к этой информации позволит владельцам конкурирующих товарных знаков, иных средств индивидуализации и другим заинтересованным лицам принимать своевременно меры по защите своих прав на объекты интеллектуальной собственности согласно части третьей статьи 51 Конституции (решение от 29 декабря 2015 г.). Тем самым обеспечиваются условия для реализации прав и законных интересов лиц в области охраны интеллектуальной собственности вне пределов их пространственного расположения и юрисдикции.

Таким образом, формирование глобальной цифровой среды объективно расширяет круг субъектов права на информацию от гражданина конкретного государства до любого человека – пользователя информации. Это обуславливает новое пространственное измерение деятельности государства в области прав человека – информационное пространство, не совпадающего с категорией «территория государства». В этом глобальном информационном пространстве правовыми средствами должны обеспечиваться фундаментальные права и свободы любых лиц, затрагиваемых действиями государства.

5. В Послании о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2020 году Конституционный Суд отметил, что цифровизация общественных отношений последовательно формирует новую социальную, экономическую, политическую и правовую реальность, обуславливает обновление и трансформацию права. В новых условиях цифровой реальности система права должна гарантировать безопасность реализации прав и свобод человека, стабильность и динамизм в конституционном развитии, сохранение и укрепление национальных фундаментальных ценностей общества и государства.

Статьей 34 Конституции предусмотрено, что пользование информацией может быть ограничено законодательством в целях защиты чести, достоинства, личной и семейной жизни граждан и полного осуществления ими своих прав.

В связи с этим в Конституционный Суд указал на необходимость достижения справедливого баланса социальных интересов, подчеркнув, что законодательное регулирование, особенно при регулировании новых общественных отношений, складывающихся в информационном обществе, должно исходить из соразмерности прав и обязанностей, обеспечивать равные возможности для реализации частных, государственных и общенациональных интересов.

Конституционный Суд также указал, что современные процессы цифровизации общественных отношений напрямую воздействуют на объем и

содержание правового положения гражданина, формирование его цифровых прав и обязанностей.

В этих условиях модернизация конституционно-правового статуса личности должна основываться на том, что общеправовой принцип свободы личности включает в том числе добровольное информированное согласие человека на взаимодействие с информационно-интеллектуальными системами и обязанность государства обеспечить безопасность такого взаимодействия.

6. В настоящее время в Республике Беларусь ведется работа по подготовке изменений в действующую Конституцию. В том числе подготовлены изменения в конституционные положения о праве на защиту от незаконного вмешательства в частную жизнь. Их предлагается дополнить указанием на то, что государство охраняет тайну персональных данных каждого; сбор, обработка, хранение, предоставление и использование сведений о лице без его согласия допустимы только по основаниям и в порядке, предусмотренным законом. Конституционные положения о праве на информацию предлагается дополнить нормой о том, что государство обеспечивает безопасность личности и общества при использовании цифровых данных, содействует развитию информационных технологий на благо человека и общества (статья 34).

Полагаем, что такие совершенствование конституционных норм будет служить укреплению информационной безопасности государства и общества, гарантированию широкого круга основополагающих прав личности.

Благодарю за внимание!

**Andreas L. Paulus,
Justice of the Federal Constitutional Court of the
Federal Republic of Germany, expert of the
German
Foundation for International Legal Cooperation
(IRZ)**

© Bundesverfassungsgericht
lorenz-fotodesign, Karlsruhe

The Right to be Forgotten in the Case Law of the German Federal Constitutional Court

I. Introduction

- First of all, let me congratulate the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan - on behalf of both the German Federal Constitutional Court and the German Foundation for International Legal Cooperation - on the meeting of the Eurasian Association of Constitutional Courts in Nur-Sultan, even if only virtually. We all, I guess, would wish to be able to meet in person. At a time when the rule of law is in many countries under threat, it is ever more important to join forces and raise the voice of constitutional justice for all.

- Let me also join the chorus of condemnation for yesterday's cruel and cowardly terrorist attack on civilians waiting to be evacuated from Kabul/Afghanistan, as well as of soldiers attending to their safety. My thoughts and prayers are with the victims and their loved ones. Let us hope that this war-torn nation will soon return to a constitutional status in which human rights of citizens of every belief, religious or otherwise, are respected, including, emphatically, those of women and girls.

- In the early days of the Internet, this was a place of hope and dreams, in which every citizen would be able to express him- or herself uncensored and free from fear.

- Unfortunately, this dream seems to be more and more elusive, because free exchange and discussion is hampered by so-called "fake news" and hate speech, wilful mis-information and abusive behaviour both from private persons, but also from States trying to influence opinion and hamper the expression of the free will of citizenry in elections free and fair.

- Others are held back in their attempts at a second chance of living a peaceful private life but held back by continuing information on past behaviour

being freely available that prevents them from regaining their rightful status as free and equal citizen in society by reminding everybody time and again of their previous mistakes.

II. The right to be forgotten in the Google Spain decision of the European Court of Justice and Its Progeny

- This is the reason why our brethren of the European Court of Justice in Luxemburg have introduced - as a new emanation from the right to privacy as enshrined in Article 8 of the European Convention on Human Rights - a “right to be forgotten”. It followed, thereby, among others, the lead of the German Federal Constitutional Court that has famously found, already in the 1980s, a right to informational self-determination as enshrined in the right to personality and human dignity enshrined in the German Grundgesetz. My predecessors in the German Federal Constitutional Court had also determined, in the Lebach case already in 1973, that even a former prisoner had a right, after serving his time in prison, not to be put on the spotlight in a TV drama, to have a chance to redeem himself in society.

- Famously, in its Google Spain judgment,¹ the European Court of Justice decided that it had jurisdiction to entertain the case even if only Google’s advertising section and not Google itself had acquired legal personality in Spain. In substance, the Court deduced from the data protection directive a right to be forgotten so that information on a past foreclosure should remain in the archives, but not be searchable on the internet. The protection of a new economic life was more important than the right to access information on other people’s past in the Internet.

- The Court also pointed out that a balance needed to be struck between, on the one hand, the legitimate interest of the public to access information and, on the other, the right to privacy of the object of information. In the case at hand, privacy won, as far as Internet search 16 years after the foreclosure was concerned, but not regarding the newspaper archives. In the word of the Court:

“those rights override, as a rule, not only the economic interest of the operator of the search engine but also the interest of the general public in having access to that information upon a search relating to the data subject’s name. However, that would not be the case if it appeared, for particular reasons, such as the role played by the data subject in public life, that the interference with his fundamental rights is justified by the preponderant interest of the general public in having, on account of its inclusion in the list of results, access to the information in question.”

- The case dealt thus more on the ubiquity of access to information than on access to the information itself.

III. The right to be forgotten cases of the FCC

The issues

- In its two rulings on the right to be forgotten, the Federal Constitutional Court was faced with two important issues: On the one hand, whether and how far it could, as the highest German court, but also a Court limited to constitutional

¹ Google Spain SL v. AEPD, Judgment of the Grand Chamber of 13 May 2014, Case C-131/12

questions including fundamental rights under the German constitution, entertain cases dealing with the interpretation and application of the EU Charter of Fundamental Rights in the domestic legal order of Germany. Famously, it decided in *right to be forgotten II* that it could indeed take up cases under the Charter, but in the spirit of dialogue and put questions of European law to the Court of Justice when questions of European law including European fundamental rights arose that could not be resolved within the confines of the previous case law of the Court. It based that decision on the great harmony and convergence between the basic rights enshrined in, among others, the Charter of Fundamental Rights of the European Union, the European Convention on Human Rights, as well as in the *Grundgesetz*, that acknowledges, in Article 1 § 2, “inviolable and inalienable human rights as the basis of every community, of peace and of justice in the world.”

- Here, I would like to put my emphasis, however, on the other part of the FCC decisions, namely on the balancing part between freedom of information, on the one hand, and privacy, on the other.

Right to be Forgotten I: The Search Engine²

“1. In 1982, the complainant was convicted of murder and sentenced to life imprisonment for having killed two persons by shooting them on board a yacht on the high seas in 1981. In 1982 and 1983, the magazine *DER SPIEGEL* ran three articles on the case in its print edition, which identified the complainant by name. In 1999, the *Spiegel Online GmbH* – the defendant in the ordinary court proceedings – uploaded the articles to the magazine’s online archive, where the articles are accessible free of charge and without any restrictions. When the complainant’s name is entered into one of the common Internet search engines, the articles in question are listed among the top search results.

In 2002, the complainant was released from prison. In 2009, after learning that the articles were available online, he sent a cease-and-desist letter to the defendant without success. He subsequently lodged an action seeking to enjoin the defendant from disseminating any information on the crime case containing the complainant’s last name. The Federal Court of Justice rejected the action. In its reasoning, the Federal Court of Justice ... held that the public has a recognised interest in receiving information on significant events of contemporary history – such as the aforementioned murder trial ... – by accessing the unaltered original news reports.”

- With his constitutional complaint, the complainant claimed

“a violation of his general right of personality” and submitted that “whenever people enter his name into an online search engine, as is commonplace today, they find the archived articles at the top of the search results. ... [T]his severely impairs the free development of his personality.”

- The Court held that [...] a balancing was required between the conflicting fundamental rights:

“a) On the part of the complainant, the balancing must take into account his general right of personality (Art. 2(1) in conjunction with Art. 1(1) GG) in its

² The following sentences are taken from the official press release No. 83/2019 of 17 November 2019 of the Court, www.bverfg.de.

manifestation as a right protecting against statements concerning one's person, whereas the right to informational self-determination, another manifestation of the right of personality, does not bear on the balancing in the present case.

In the manifestation relevant here, the general right of personality protects against media reporting and the dissemination of information related to one's person, if these are capable of severely impairing the free development of one's personality. [...] The right of personality does not confer upon the individual an exclusive right to determine the portrayal of their person in all respects. It does, however, aim to safeguard the basic conditions enabling the individual to develop and protect their individuality in self-determination."

This needed "to be distinguished from the right to informational self-determination as a separate manifestation of the general right of personality. The right to informational self-determination [...] protects against third parties obtaining personal data of individuals and using it in opaque ways in order to frame the affected persons according to personal characteristics, types or profiles over which they have no control but which significantly bear on the free development of their personality and equal participation in society. ... [...] The right to informational self-determination does not confer upon the individual a general, let alone an unconditional right to self-determination regarding the use of their data. It does, however, allow the individual the possibility of influencing, in various ways, the context and manner in which their data is accessible to and can be used by others. Thus, it guarantees the individual substantial influence in deciding what information is attributed to their person.

b) On the part of the defendant in the ordinary court proceedings, the balancing must take into account the fundamental rights to freedom of expression and freedom of the press (Art. 5(1) and (2) GG). [...]

2. These conflicting fundamental rights must be balanced against one another, which first requires that the respective contents of their guarantee be determined. In this regard, consideration must be given to the realities of Internet communication.

a) In balancing freedom of the press against the protection of the right of personality, time has always been a relevant factor. With regard to media reporting on current crime cases, courts generally accord precedence to the interest in receiving information [...]; at the same time, the applicable case-law has always emphasised that the legitimate interest in media reporting that identifies the offender diminishes the more time has passed since the crime was committed.

Yet, in the present day, the realities of information technology and the dissemination of information on the Internet attach a new legal dimension to the requirement that time be considered as a relevant contextual factor characterising information. [...] Today, however, information – once it is digitalised and published online – remains available in the long term. [...] At present, such information can be obtained at any time by complete strangers; it can become the subject of online discussion, be taken out of context and presented in a new narrative, and be combined with other information to create personality profiles, with name-related searches via search engines being widely used for this purpose."

b) [...T]he legal order must protect the individual against the risk of being constantly confronted in public with one's past opinions, statements or actions, without any kind of restriction. [...] The possibility for matters to be forgotten forms part of the temporal dimension of freedom. This concept is figuratively referred to as the "right to be forgotten".

It must be noted, however, that the general right of personality does not confer upon the individual a "right to be forgotten" in a strict sense, as it does not grant the affected person an exclusive right to decide which information about them is to be "forgotten". It is not for the affected person to decide unilaterally which information about them is to be remembered as interesting, admirable, offensive or condemnable. Therefore, the general right of personality does not encompass a right to request that all information relating to one's person that is disseminated through communication processes be deleted from the Internet.

c) As for the interests conflicting with the complainant's rights, the balancing must give appropriate consideration to the protective guarantees of freedom of expression and freedom of the press. Limiting media reporting to anonymised information substantially restricts the public's opportunities to receive information, and the right of the press to make its own decisions on what to report, and when, for how long, and in what manner to do so. Online press archives provide easy access to information and important resources for journalistic research and for research on contemporary history. Furthermore, they serve an important function for learning and education and for public debate in a democratic society.

3. Therefore, the following requirements apply to the balancing that must be undertaken by the ordinary courts.

a) If the initial publication of certain press articles was lawful, the responsible media outlet may in principle also upload these contents to an online archive. An obligation to take protective measures may arise only in the event that the affected person notifies the media outlet and specifically demonstrates a need for protection.

b) The extent to which the amount of time passed since the initial, lawful publication must be considered as a decisive factor in determining the need for protection depends notably on the effects and contents of the news articles in question; it is especially relevant whether and to what extent the articles impair the affected person's private life and their opportunities for personal development.

c) [...] The aim is to strike a balance that preserves unrestricted access to the original texts to the greatest extent possible, while also ensuring that where protection is merited in the individual case – especially in relation to name searches via search engines – sufficient limitations are put in place.

4. [...] In the present case, it would have been necessary to consider whether it was possible, and required, to impose an obligation on the media outlet sued before the ordinary courts to take reasonable precautions upon being notified by the complainant, to provide at least some protection against search engines retrieving the articles in question in the context of searches related to the

complainant's name, without unduly restricting the general retrievability and accessibility of the articles as such.”

Thus, the Court sent the case back for reconsideration to the lower courts.

3. Right to be forgotten II³

- In the Right to be forgotten II case, the Federal Constitutional Court dealt for the first time directly with a right under the EU Charter of Fundamental Freedoms. The complainant was an employer shown in a TV magazine to use “dirty practices” of hiring and firing of an employee, namely to deny a parent leave for attending his child. The complainant demanded that a broadcast was removed from the search results of a public broadcaster. With her constitutional complaint, the complainant claimed a violation of her general right of personality und her right to informational self-determination. She contended that the title displayed in the search results was already misleading as she had never used any “dirty practices”. The search results portrayed her in a negative light, which was capable of disparaging her in her private life. Moreover, the complainant asserted that a long time has passed since the broadcast originally aired and that the public thus no longer had a legitimate interest in this information.

- The Constitutional Court held that the constitutional complaint was unfounded:

“On the part of the search engine operator, as defendant in the ordinary court proceedings, the balancing must take into account its freedom to conduct a business under Art. 16 of the Charter, whereas the search engine operator cannot invoke the right to freedom of expression under Art. 11 of the Charter in relation to the search results disseminated by its search engine. What must, however, be taken into account are the fundamental rights of third parties directly affected by the legal dispute; in the case at hand, this concerns – in addition to the Internet users’ interest in receiving information – the freedom of expression on the part of the NDR broadcasting corporation. The issue in dispute is whether the search engine operator can be prohibited from disseminating contents published by third parties, in this case the NDR broadcasting corporation. Such a prohibition may give rise to a separate impairment of the third party’s freedom of expression. [...]

c) Assessing the activities carried out by the search engine operator is central to the required balancing; this assessment must distinguish between the different fundamental right impairments arising in this context. The question whether the search engine operator acted lawfully must be distinguished from the question whether the publication of the contested contents by the third party as such was lawful, even though these questions are somewhat interrelated. This also means that there is no obligation to hold the third party primarily responsible and only allow recourse against the search engine operator as a subsidiary course of action.

d) With regard to the balancing of interests, the Federal Constitutional Court held in its decision that the search engine operator’s economic interests as such are in principle not sufficiently weighty to justify a limitation of the affected person’s right to protection. However, greater weight may be attached to the interest of the public in receiving information and, even more so, the fundamental rights of third

³ Again, the text is a heavily abridged version of the Press release No. 84/2019 of the Court.

parties that must also be taken into account in the balancing. In the present case, the balancing must take into account the freedom of expression on the part of the NDR broadcasting corporation as a directly affected fundamental right of third parties, which would be negatively impacted by the prohibition sought by the complainant. Thus, in the present case ... it cannot be presumed that protecting the right of personality takes precedence; rather the conflicting fundamental rights must be balanced on an equal basis. It is not for the individual to determine unilaterally what information may be disseminated about them in the course of public communication processes, neither vis-à-vis the media nor vis-à-vis the search engine operators.

e) The weight attached to the restrictions of the affected fundamental rights in the balancing significantly depends on the extent to which the dissemination of the contested online publication impairs affected persons in the free development of their personality, especially in light of the possibility that Internet users can conduct online searches of the affected person's names. This determination must not be limited to merely appraising the relevant online contents in the context of the original publication, but must also take into consideration the easy access to and continuing availability of the information. In this respect, the time passed between the original publication and its listing in search results must be accorded particular significance, which in current law also finds a normative reflection in Art. 17 GDPR based on by the central notion of a "right to be forgotten".

f) Measured against these standards, the challenged decisions are ultimately not objectionable. The Higher Regional Court undertook the necessary balancing, taking into account both the protection of the complainant's right of personality and the search engine operator's freedom to conduct a business; the court also correctly viewed this freedom in conjunction with the freedom of expression on the part of the NDR broadcasting corporation and the Internet users' interest in access to the relevant information. The balancing undertaken by the Higher Regional Court thus remained within the margin of appreciation afforded ordinary courts. [...]

The Higher Regional Court also considered time as a relevant factor [and] concluded that, at present, the complainant is not entitled to request the de-referencing of the NDR contribution, at least not yet; this conclusion is not objectionable under constitutional law. [...]"

IV. Conclusion

- Balancing rights and obligations on the internet is particularly challenging and requires much care by both domestic and international courts dealing with human rights and fundamental freedoms.

- German courts decided that it was legitimate, on the one hand, not to be recognized by name after having served the time for murder; but on the other, that the alleged "dirty practices" of an employer were of sufficient public interest not to be removed from search engines, let alone from the Internet altogether.

- The Internet is thus not above the law and constitutional regulation, taking into account both private rights to have ones past forgotten, but also the right of the public to access information of public concern.

**Kiyoun Kim,
Justice of the Constitutional Court
of the Republic of Korea**

The Recent Jurisprudence of the Constitutional Court of Korea in the Area of the Protection of Fundamental Rights on the Internet

Introduction

This presentation introduces the most recent cases of the Constitutional Court of Korea (the Court) concerning the protection of fundamental rights on the Internet. The first three cases concern the use of communications data for criminal investigation, the fourth deals with the regulation of anonymous political expressions, and the last involves the crime of online defamation. The Court refers to the principle of proportionality to evaluate the constitutionality of the policies at issue in these cases.

The principle of proportionality is based on Article 37, Section 2 of the Constitution stipulating that “the freedom and rights of citizens may be restricted by Act only when necessary for national security, the maintenance of law and order or for public welfare.” The Court understands that the principle of proportionality consists of four stages: the legitimacy in purpose, suitability in means, necessity, and balancing. If a provision at issue does not meet any of these stages, it is considered to violate the principle of proportionality.

Investigation Using a Base Station (2012Hun-Ma538, June 28, 2018)

Under the Protection of Communications Secrets Act, an investigative agency could request a telecommunication business entity to provide communication confirmation data necessary for criminal investigation. Communication confirmation data collected by using a base station includes incoming and outgoing phone numbers and the time and duration of incoming and outgoing calls. In June 2018, the Court held that allowing an investigative agency to obtain communication confirmation data by using a base station violated the principle of proportionality and infringed upon the right to informational self-determination and freedom of communications.

The Court held that the Act failed to satisfy the third stage (necessity) and the fourth stage (balancing) of proportionality for the following reasons. First,

communication confirmation data is sensitive information. An investigative agency can infer knowledge specific to subjects based on communication confirmation data and other relevant information. Second, while an investigative agency has to obtain a court's permission in advance, the only requirement of being "necessary for investigation" cannot provide sufficient procedural protections. Third, an investigative agency can achieve the investigative purpose by less onerous measures such as limiting the scope of such an investigation to felonies or adding the requirement of exhaustion of prior remedies.

In the context of the COVID-19 pandemic, controversies concerning communication confirmation data collected by using a base station have reappeared. Under the Infectious Disease Control and Prevention Act, a police agency, upon request by the Korea Disease Control and Prevention Agency, can request a telecommunication business entity to provide communication confirmation data of patients and persons suspected of contracting an infectious disease. Upon receipt of a constitutional complaint in July 2020, the Court is examining whether allowing a police agency to obtain such data to prevent the occurrence and epidemic of infectious diseases infringes fundamental rights.

Investigation Using Location Tracking Data [2012Hun-Ma191, 550, 2014Hun-Ma357 (consolidated), June 28, 2018]

Under the Protection of Communications Secrets Act, an investigative agency could request a telecommunication business entity to provide location tracking data necessary for criminal investigation. Location tracking data derived from an information communications apparatus enabled an investigative agency to be aware of subjects' whereabouts and movements at a specific time. In June 2018, the Court held that allowing an investigative agency to obtain location tracking data violated the principle of proportionality and infringed upon the right to informational self-determination and freedom of communications.

The Court held that the Act failed to satisfy the third stage (necessity) and the fourth stage (balancing) of proportionality for the following reasons. First, location tracking data is sensitive information. Second, while an investigative agency has to obtain a court's permission in advance, the only requirement of being "necessary for investigation" cannot provide proper procedural protections. Third, an investigative agency can achieve the investigative purpose by less invasive alternatives such as introducing the subsidiarity requirement or applying different criteria depending on the gravity of crimes.

Interception of the Internet Lines (2016Hun-Ma263, August 30, 2018)

Under the Protection of Communications Secrets Act, an investigative agency could conduct "packet interception" for criminal investigation. A packet means a unit of data split into small pieces in the form of electrical signals to transmit information through the Internet. Through packet interception, an investigative agency could access the content of telecommunications transmitted through the Internet lines. In August 2018, the Court held that allowing an investigative agency to conduct packet interception violated the principle of proportionality and infringed upon the secrecy and freedom of communications and privacy.

The Court held that the Act failed to satisfy the third stage (necessity) and the fourth stage (balancing) of proportionality for the following reasons. Nowadays, people usually share one Internet line. Thus, an investigative agency comes to collect not only the telecommunications data of a suspect but also those of other users sharing the same Internet line. The fact that an investigative agency can access a broader range of data through packet interception than other measures raises a more substantial need for supervisory measures. Supervisory measures must ensure (1) that an investigative agency does not collect information irrelevant to criminal investigation during and after packet interception and (2) that it uses collected data following the previously approved criteria. The Act lacks such supervisory measures and thus fails to protect the secrecy and freedom of communications and privacy.

Real-Name Verification during Election Campaign Periods [2018Hun-Ma456, 2020Hun-Ma406, 2018Hun-Ka16 (consolidated), January 28, 2021]

Under the Public Official Election Act, web administrators responsible for maintaining Internet news sites must verify users' real names when allowing them to express support for or opposition to political parties or candidates on bulletin boards during election campaign periods. In January 2021, the Court held that obligating web administrators of Internet news sites to conduct real-name verification of their users violated the principle of proportionality and infringed upon (1) users' freedom of expression and right to informational self-determination and (2) web administrators' freedom of the press.

The Court held that the Act failed to satisfy the third stage (necessity) and the fourth stage (balancing) of proportionality for the following reasons. First, preemptively regulating all anonymous expressions prioritizes administrative convenience over freedom of expression. Second, a government should encourage voters to exchange their opinions in a free atmosphere during election campaign periods. The Act, however, restricts anonymous expressions based on a conjecture that they might lead to unlawful expressions. Third, the broad concept of "Internet news sites" can have an overreaching effect. Lastly, a government can still secure the fairness of elections by less intrusive measures such as applying reactive sanctions or regulating election campaigns conducted through the Internet.

Crime of Online Defamation (2015Hun-Ba438, March 25, 2021)

Under the Act on Promotion of Information and Communications Network Utilization and Information Protection, Etc., defaming another person by disclosing a false fact to the public through an information and communications network to disparage his or her reputation is a criminal offense. In March 2021, the Court held that punishing online defamation did not violate the principle of proportionality and infringe upon freedom of expression.

Article 21 Section 1 of the Constitution stipulates that "all citizens shall enjoy freedom of expression and the press." Article 21 Section 4 reads that "neither speech nor the press shall violate the honor or rights of other persons. . . . Should speech or the press violate the honor or rights of other persons, claim may be made for the damage resulting therefrom." In light of Article 21 Section 4, punishing online defamation serves the legitimate aim of protecting the honor and rights of

other persons. There is a more substantial need to regulate online defamation, considering that defamatory statements spread more rapidly with more far-reaching effects on the Internet.

Moreover, the Act satisfies the third stage (necessity) and the fourth stage (balancing) of proportionality for the following reasons. First, a suspect is punishable only when proven to have disclosed a false fact to the public through an information and communications network to disparage others' reputations. Second, the Constitutional Court and the Supreme Court of Korea minimize restrictive effects of criminalizing online defamation by applying different standards to online defamation cases concerning public figures. Third, compensatory remedies under the Civil Act are not less restrictive but equally effective measures.

Conclusion

This presentation demonstrates multiple contexts where fundamental rights are restricted for conducting criminal investigation, ensuring the fairness of elections, or protecting the honor of others. The Court reviews the constitutionality of such restrictions by mainly relying on the principle of proportionality, especially the third and fourth stages.

**Punya Udchachon,
Justice of the Constitutional Court
of the Kingdom of Thailand**

**The Constitutional Court of the Kingdom of Thailand:
To Increase Efficiency and Strengthen Responsibility to
Society and the Individual**

President of the Association of Asian Constitutional Courts and Equivalent Institutions,

Distinguished Participants,

Ladies and Gentlemen,

First of all, I would like to express my sincere gratitude towards H.E. Mr. Kairat Mami, Chairman of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan, President of the Association of Asian Constitutional Courts and Equivalent Institutions (AACC), and Chairman of the Eurasian Association of Constitutional Review Bodies, for organising this instructive International Symposium on “*The Internet Era: The Rule of Law, The Values of Person, The State Independence*” today on 27th August 2021. Although we and our world are in hardship due to the global COVID-19 pandemic, H.E. Chairman Kairat Mami and his hard-working colleagues have been putting in a great deal of effort to host such a wonderful event via online video conference. In this platform, many distinguished participants can have an opportunity to share information and exchange ideas based on the goals to strengthen the rule of law, human rights awareness, and judicial independence. This means that the COVID-19 situation cannot stop our desire to improve our social and individual values.

In my presentation, I will focus upon the context of my country, the Kingdom of Thailand. It is thus titled “*The Constitutional Court of the Kingdom of Thailand: To Increase Efficiency and Strengthen Responsibility to Society and the Individual*”. In Part I, I will indicate how the Constitutional Court of Thailand can exercise its judicial power under the Constitution to be relevant with the state and state power that likely belongs to the Executive. Then, I will give some interesting examples of the Thai Constitutional Court rulings in Part II. In this section, some legal principles that the Constitutional Court took into consideration will be

exemplified to identify how the Court strengthen the state's efficiency and individual values. After that, I will draw my conclusion in the last section

I. The Constitutional Court of Thailand, State Agencies and State Power

The Constitution of the Kingdom of Thailand, B.E. 2560 (2017) is widely accepted to be one of the country's constitutions promulgating many statutory measures to uphold human rights values through the channel of the state administration. As far as the state power is concerned, it seems to be the implementation of the Executive branch. However, in fact, the Constitutional Court of Thailand as a judicial organisation has an important role in pushing the state administration for the goals of social responsibility and individual-value justice.

The current Constitution of Thailand guarantees the rights and liberties of the Thai people as clearly prescribed in Chapter III, ranging from anti-discrimination, prevention of torture, religious rights, rights of dwelling, free speeches and expression, to rights of travelling and residence and so forth. Moreover, the Constitution imposes a state-of-the-art constitutional text to promote individual rights and values based on the exercise of powers of the public agencies. To say it more precisely, the current Constitution prescribes the duties of the state in Chapter V, which varies greatly between national security, public order, law enforcement, military and diplomatic services, education, public health, basic utilities, traditional and cultural promotion, access of public data and information, telecommunication, and so on.

The Constitutional Court of the Kingdom of Thailand, established since 1997, also takes part in enhancing this issue. It is clear that the Constitutional Court not only advocates the human rights regime through the protection of constitutional supremacy, but also plays a role in putting the exercise of state powers on the right track. With a focus on the above-mentioned innovative constitutional chapter, individuals and community have the rights to take legal proceedings against a state agency. This is subjected to rules and procedures set out by laws, together with the Organic Act on Procedures of the Constitutional Court, B.E. 2561 (2018), which rules that people or community who would have direct benefit from the act of duty of state, that are affected by failure to carry out such a duty or inappropriate delay in carrying out such a duty, have the right to submit a petition to request the Constitutional Court to examine.

Therefore, the main argument of my presentation clings to that once the state exercises its power fairly, individual rights will be protected by the state responsibility. However, it is not just the role of the Executive to solve tackle any difficulties when the state power is employed unfairly, but also the Constitutional Court can do so. Generally speaking, that provisional example of the Constitution of Thailand indicates that the Thai Court is associated closely with the state and state powers, in particular to protect individual rights and liberties as prescribed in any provisions of the Thai Constitution as well as enhance the state's responsibility to the nation and people.

Ladies and Gentlemen,

Such a significant role of the Constitutional Court of Thailand can be empirically exemplified by the Constitutional Court rulings. Next, I will move on to

point out that the Thai Constitutional Court—although it is a judicial organ—can increase the state’s efficiency and strengthen its responsibility to society and individuals that seems to be an executive role.

II. Constitutional Court Rulings: State’s Fair Power Exercise and Individual Rights Protection

In many cases, the Constitutional Court of the Kingdom of Thailand has paved the legal milestones through legal principles to force the state to exercise power fairly and constitutionally. Once the Court has ruled such cases, both social and individual values are safeguarded and eventually enhanced. To illustrate, in *Constitutional Court Ruling No. 7/2563 (2020)*, Mr. Witteveen Tjibbe Ulysses Michael, applicant, claimed that he was the lawful son of a Dutch citizen, and a Thai national. Born in Utrecht, the Netherlands, he used to work in Phuket Province, Thailand. Subsequently, the Minister of Interior enforced a stringent policy of social order with regard to service establishments under the law. Inspections were carried out in various service establishments, including the service establishment where he was employed. As a result, he had to leave Thailand.

The Ministry of Interior issued Order No. 115/2546 (2003), denying permission for his re-entry into the country, due to the applicant being a person exhibiting cause to believe that entry was sought for the purpose of prostitution, trafficking women or children, trafficking narcotic drugs, evading customs duties or engaging in other activities contrary to public order or good morals of the people, thus having the characteristics of a person banned from entry into the Kingdom pursuant to the Immigration Act B.E. 2522 (1979).

Mr. Witteveen Tjibbe Ulysses Michael with the assistance of his Thai mother tried to apply for a national identity and file for Thai nationality. Nonetheless, the state authorities concerned failed to grant them due to the Order of the Ministry of Interior. The applicant, hence, requested the Constitutional Court for a ruling.

The Constitutional Court examined section 39 paragraph one of the Constitution, which states that “[n]o person of Thai nationality shall be deported or prohibited from entering the Kingdom”. According to the opinion of the Court, the individual right under such a constitutional provision is an absolute right. Nationality serves as tool to indicate membership or citizenship of a state, which exhibits ties or political loyalty to a state, as well as creates a legal relationship between the host state and the individual holding nationality of such state. The acquisition or renunciation of nationality is determined exclusively by the state. A person who has acquired Thai nationality, thereby, enjoys protection under the Constitution, and he or she has the civil right to reside in the Kingdom of Thailand, while the state cannot expel a person from the Kingdom. Besides, such a person cannot be deprived of the unfettered right to enter the Kingdom as this is a fundamental right recognized by the Constitution.

Furthermore, in light of the bloodline and territorial principles, the Constitutional Court has a focus also on section 7 paragraph one of the Nationality Act, B.E. 2508 (1965), providing that a person born from a father or mother having Thai nationality, regardless of whether the birth occurred within or outside of the Kingdom of Thailand, and a person born in the Kingdom of Thailand

acquired Thai nationality by birth. This right is also recognised by section 39 paragraph two of the Constitution, providing that “[t]he revocation of Thai nationality acquired by birth is not permitted”. This principle was first imposed in the Constitution of the Kingdom of Thailand, B.E. 2492 (1949). It can be seen that such a legal principle has been constitutionally grounded for around 70 years. Such a principle is consistent with several international law instruments; namely the Universal Declaration of Human Rights (UDHR) and the International Convention on Civil and Political Rights (ICCPR), which the Thai Constitutional Court took into close consideration.

By virtue of that, the Constitutional Court held that deportation of a Thai national from the Kingdom or the prohibition of a Thai national from entering the Kingdom was prohibited under section 39 paragraph one of the Constitution. It is obvious that due to this role of the Thai Constitutional Court, the state could adjust its social responsibility to exercise power fairly. This could contribute to individual rights—not only of Mr. Witteveen Tjibbe Ulysses Michael, but also other Thai nationals—protection and promotion.

III Conclusion

Ladies and Gentlemen,

To draw my conclusion, I would like to repeat my argument that if the state exercises its power fairly, individual rights can be protected and promoted accordingly by the state responsibility. Apart from the Executive branch, a judicial organ can play its role in improving state’s efficiency and bolstering the human rights regime. As far as the Constitutional Court of the Kingdom of Thailand is concerned, it is undeniable that in order to standardise and strengthen state responsibility for society and individuals, the Thai Court exercises its power based on various legal principles to push the state power in the right direction, contributing to better public administration that would be consistent with the rule of law and the Constitution as well as more well-recognised individual values.

Thank you for your kind attention.

**Artūrs Kučs,
Justice of the Constitutional Court of the
Republic of Latvia**

Internet and the Challenges of Fundamental Rights from the Perspective of the Jurisprudence of the Latvian Courts

Digitalization and human rights

Good morning / afternoon, dear colleagues! I would like to thank you to the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan for its kind invitation to participate in this conference which is devoted to highly topical subject: the rule of law, the values of the person and state independence in the Internet era.

In my speech, I will discuss the impact of digitalisation on the freedom of expression and press freedom as well as the right to privacy and personal data protection. I am going to address these issues mainly in the context of Latvian legal framework and case law, highlighting the problems faced by the Latvian legislator and law enforcers, including the Constitutional Court of the Republic of Latvia.

The digitalization and internet have significantly affected and will continue to affect each of us. The question is – is society prepared for this, is it aware of opportunities and risks of digital technologies, and whether legal framework is able to keep pace with change to protect individuals from the negative effects of the digitalisation?

The digitalization has facilitated the accessibility and implementation of human rights. Today anyone with the access to the internet is able to obtain information and express their views on the important issues of public interest, listen to lectures at the world's leading universities or communicate with their family members abroad. Digital technologies are making possible previously impossible surgeries to save human life. The digitalization helps to preserve historical archives and cultural values in a virtual environment. Considering that the access to the internet has become such an essential condition in ensuring public's access to information on happenings in a state and taking part in important decision making, the UN Special Rapporteur on Freedom of Expression has called

to recognize it as a human right¹. According to a survey by broadcaster BBC, 79% of respondents in 26 countries are also convinced that the access to the internet is a human right².

At the same time, the digitalization poses a threat to fundamental rights. It provides opportunities to tap phone calls, find out our location or to acknowledge our everyday behaviour by analysing a bank account information and profiles in social media. In the absence of mechanisms to protect rights, the digital technologies can turn the rights to privacy non-existent. The digital technologies can be used to influence public opinion, for instance during a pre-election period. Finally, the digital technologies can be used as a tool of war since blocking of them could paralyze vital functions of a state: water supply, electricity and mobile communications.

Freedom of expression and press freedom

The freedom of expression and press freedom are one of those rights most directly affected by the internet.

The freedom of expression is one of the cornerstones of democratic society. These rights are guaranteed in Article 100 of the Constitution of the Republic of Latvia (*Satversme*), which provides: “Everyone has the right to freedom of expression, which includes the right to freely receive, keep and distribute information and to express his or her views. Censorship is prohibited.” Although Article 100 of the Latvian Constitution does not specifically indicate the press freedom, the Constitutional Court has already in one of its first judgments established that Article 100 includes and guarantees the press freedom as well.

The digitalization and the internet have significantly impacted the traditional ways how society receives and uses information as well as the understanding of a press and journalist.

The recognition of functional definition of the journalist is increasing. In line with this approach the journalist is not just someone who works in the press, radio or television. The journalist is anyone performing journalism functions. As acknowledged by UN Human Rights Committee in its General Comment No. 34, bloggers and whistle-blowers can also act as the journalists. The audience of some blogs can significantly exceed the audience of the press or even a radio station.

At present, the Latvian legal framework is not providing the traditional journalist privileges, including protection of sources, to bloggers and whistle-blowers. Debate at legislative and academic level is ongoing as to whether and to what extent the special rights of the journalists shall be extended to bloggers.

The digitalization has also transformed the concept of the media. The media is not just newspapers, radio and television. The European Council

¹ Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression, Frank La Rue

² <http://news.bbc.co.uk/2/hi/technology/8548190.stm>

Recommendation on the new media stipulates that news portals and even social networks, which regularly distribute content and perform duties of an editor, shall be recognized as the media.

With regard to the social networks, debate on their status as the media is still ongoing. However, as far as the news portals, which are content creators, are concerned, there is no justification not to equate these portals with the media in terms of rights and obligations. Latvian courts in their cases have applied the obligations provided in the Press Law to the news portals as well.

For instance, in case regarding the insult to honor and dignity on one of the largest news portals in Latvia, apollo.lv, the Supreme Court of Latvia concluded: “[...] in view of the well-known rapid development and spread of the internet and electronic technologies over the last decade, [...] the list of the mass media provided in the Press Law is not exhaustive. Therefore, it shall also apply to that media operating online and performing the activities specified in Article 4 of the Law “On the Press and other Mass Media””.

One of the main challenges faced by Latvian and other legislators is jurisdiction over websites registered abroad.

The internet has no geographical borders and is a great benefit for the access to and exchange of information and diversity of thought. However, the access to the internet and different understandings of law shall not lead to situations where the state fails to fulfil its obligation to protect the constitutional rights of its citizens: the right to privacy, non-discrimination, ban on incitement to hatred or rights of authors to their own creative work.

Private life

The right to privacy and the protection of personal data is another fundamental right affected by the internet.

The right to be forgotten and digital privacy are relatively new concepts emerged in the last decade. When using the social networks or other means of communication on the internet, individuals are often unaware of the extent to which they disclose information on their private lives to a wider range of individuals and how to limit such risks. The digitalization and access to the internet pose risks to privacy from both sides: state as well as multinational companies and individuals. The Constitutional Court has mostly decided cases related to the obligation of the state to refrain from unjustified interference with person's private life and to ensure the protection of personal databases and use of them according to clearly identified purposes and personal data protection rules.

The state has an obligation to ensure effective protection of a person's privacy against threats also in the internet environment.

Protecting the privacy on the internet can conflict with the right to freedom of the press, the operation of whistle-blowers and the access to information of public interest. One of the most widely discussed cases in Latvia was related to the

situation where the court had to find a balance between the public interest in receiving information on important issues and the person's right to inviolability of private life as specified in Article 96 of the Latvian Constitution: namely, the publication of names and amount of remuneration paid to public sector employees.

Conclusion

In conclusion, I would like to reiterate that the internet and digital technologies can facilitate the implementation of the fundamental rights of the individual and strengthen the involvement of citizens in the democratic processes in state. However, the digitalization could also create a favourable environment for the incitement to hatred or violence and restrictions on a person's privacy.

States have the obligation to ensure the protection of personal rights in the internet environment. While an independent judiciary has a key role in balancing conflicts of law (such as freedom of expression against privacy) in the internet environment on case-by-case basis and ensuring that state restrictions are not aimed against the political opposition, but instead are necessary and proportionate in the democratic society.

**Джамшед Джамшедзода,
Судья Конституционного Суда
Республики Таджикистан**

**Правовые основы обеспечения доступа к информации
о деятельности судов Республики Таджикистан
и гарантии их осуществления**

Уважаемые участники симпозиума!

Дамы и господа!

Позвольте, прежде всего, от имени Конституционного суда Республики Таджикистан выразить искреннюю признательность Конституционному Совету Республики Казахстан за организацию и проведение сегодняшнего мероприятия, и поскольку оно приурочено к знаменательному событию – дню Независимости Казахстана, поздравляю наших казахстанских коллег с этим праздником, желаю Вам, уважаемые коллеги, крепкого здоровья, мира и благополучия по случаю 30-летия Независимости Казахстана.

Следует отметить, что отношения между Казахстаном и Таджикистаном динамично развиваются в духе союзничества и являются ярким примером дружественных связей. Убеждён, что взаимовыгодное сотрудничество наших стран поднимется на новую ступень и будет развиваться в духе всестороннего партнерства.

Сегодняшнее мероприятие высокого уровня, которое проходит с участием государственных деятелей, представителей государственных властей и членов ассоциации азиатских конституционных судов и эквивалентных институтов, также Евразийской ассоциации органов конституционного контроля, в атмосфере открытости и приверженности демократическим ценностям, является доказательством того, что роль конституционных судов и эквивалентных органов, как гарантов стабильности общества, и органов, обеспечивающих конституционную законность в наших странах, с каждым годом возрастает.

Уважаемые коллеги!

Безусловно, тема сегодняшнего мероприятия, посвящённая верховенству права и защиты ценностей человека в эру Интернета, является весьма важной и актуальной, поскольку переход к информационному

обществу является доминирующей тенденцией развития человеческой цивилизации в XXI веке. Она протекает высокими темпами и глобально. Ни одна страна мира не может успешно развиваться вне указанной тенденции, за рамками глобального информационного пространства, в частности, без применения информационно-коммуникационных технологий. Одновременно на фоне информационных вызовов и угроз ни одна страна не может быть безучастной к обеспечению собственной информационной безопасности.

Следует отметить, что информационное общество является новой моделью цивилизационного развития человечества на XXI век. Неотъемлемым его компонентом являются, разумеется, информационные и коммуникационные технологии (СМИ, Интернет, мобильная связь и др.). Однако их роль в современном обществе неоднозначна. Информационно-коммуникационные технологии используются ныне в различных целях.

Да, они служат основой научно-технического, информационно-технологического развития общества, оказывают кардинальное влияние на социально-экономические, политические, культурно-духовные отношения.

Однако информационные технологии также используются в качестве информационного оружия с целью оказания идеологического, психологического, мировоззренческого воздействия на сознание, волю и поведение людей, манипулирования общественным сознанием. В этом контексте информационное оружие представляет информационную угрозу национальной безопасности, а с учетом активизации глобальных кибератак - также и угрозу глобальному информационному пространству.

Ныне деятельность любого государства невозможно представить без применения информационных ресурсов. Формирование электронного правительства, переход к цифровой экономике, эффективное высокотехнологическое государственное управление, государственные информационные услуги требуют активного применения информационно-коммуникационных технологий.

В связи с этим, с целью укрепления институциональных основ цифровой экономики, развития информационно-коммуникационной инфраструктуры на территории всей страны, цифровизации сфер национальной экономики и ускорения процесса осуществления «электронного правительства», Лидер нации – Президент Республики Таджикистан в рамках послания в Маджлиси Оли (парламент) Республики Таджикистан от 26 января 2021 года поручил Правительству республики и другим соответствующим органам принять меры по созданию Агентства по инновациям и цифровым технологиям при Президенте Таджикистана.

В условиях глобализации и сложной политической и социально-экономической ситуации региона и всего мира, террористические организации и некоторые политические силы стараются путём распространения в социальной сети Интернета непристойных материалов, подрывающих моральные ценности и устои общества, пропагандой радикальных и экстремистских идей, вербовкой в террористические организации, распространением антиконституционных идей с целью смены

политического режима, дестабилизации общества, пропагандой национальной, религиозной, расовой вражды, кибертерроризма и манипулированием общественным сознанием, подорвать конституционные ценности национальных государств.

В связи с этим все государственные органы, в том числе судебные, должны осуществлять свою деятельность в условиях прозрачности и открытости для гражданского общества.

Обеспечение доступа к информации о деятельности судов в Таджикистане, в условиях развития информационной технологии, информатизации общества, вхождение Таджикистан в мировое информационное пространство и защита информационной безопасности базируются на некоторых стратегических государственных документах, и принятых на их основе соответствующих нормативных правовых актов.

Одним из них является Концепция информационной безопасности Республики Таджикистан, утвержденная указом Президента Республики Таджикистан от 7 ноября 2003 г., в которой обозначены следующие виды угроз информационной безопасности нашей страны: угрозы конституционным правам и свободам человека и гражданина, индивидуальному, групповому и общественному сознанию, духовному возрождению республики; угрозы созданию отечественной индустрии средств информатизации, телекоммуникации и связи, отечественным информационным ресурсам; угрозы безопасности информационных и телекоммуникационных средств и систем; манипулирование информацией (дезинформация, сокрытие или искажение информации).

В Концепции государственной информационной политики Республики Таджикистан, утвержденной указом Президента Республики Таджикистан от 30 апреля 2008 г. эффективное использование информационного пространства считается одним из основных направлений информационной политики Республики Таджикистан. В ней определены задачи, возлагаемые на субъекты информационной политики, а также меры по совершенствованию деятельности государственных органов Таджикистана по противодействию акциям информационно-психологической агрессии и операциям информационно-психологического воздействия.

Государственная стратегия «Информационно-коммуникационные технологии для развития Республики Таджикистан», утвержденная Указом Президента Республики Таджикистан от 5 ноября 2003 года, также играет важную роль в деле защиты информации.

Меры по обеспечению информационной безопасности системы электронного правительства содержатся в Концепции формирования электронного правительства в Республике Таджикистан, утвержденной Постановлением Правительства от 30 декабря 2011 года.

Также в данном направлении существует большое количество нормативных правовых актов, в том числе законы Республики Таджикистан «Об информатизации», «Об информации», «Об электронном документе», «О печати и других средствах массовой информации», «Об электронной

цифровой подписи», «О праве на доступ к информации», «Об экологической информации», «О безопасности», «Об информационной безопасности», «О коммерческой тайне», «Об обязательном экземпляре документов» и другие.

Кроме того, постановлением Правительства утверждены «Правила проведения проверок деятельности хозяйствующих субъектов в Республике Таджикистан в сфере электронной цифровой подписи и защиты информации», а также постановлением Правительства от 6 июня 2005г. утверждены «Правила об условиях защиты информации в технических средствах обработки информации». Можно также упомянуть: Положение об учёте и контроле за использованием государственных информационных ресурсов Республики Таджикистан; Положение о сертификации средств защиты информации по требованиям безопасности информации, аттестации объектов информатизации, порядка их государственной регистрации, утверждённые постановлениями Правительства Республики Таджикистан.

В этой связи Программа судебно-правовой реформы в Республике Таджикистан на 2019 – 2021 годы, утвержденная указом Президента Республики Таджикистан от 19 февраля 2019 года, определив понятие «электронное правосудие» предусматривает, что процессуальные действия в судебных органах должны осуществляться с использованием информационно-коммуникационной технологии. В частности взаимоотношения между судебными органами, а также с физическими и юридическими лицами должны осуществляться в электронной (цифровой) форме.

С целью реализации указанной Программы для реализации конституционного принципа открытости судебного разбирательства, доступа общества к деятельности судов, обеспечения гарантии справедливого судебного разбирательства, защиты прав человека и гражданина, от 21 июня 2021 года принят Закон Республики Таджикистан «О доступе к информации о деятельности судов».

Настоящий Закон устанавливает правовые и организационные основы доступа к информации о деятельности всех судов судебной системы Республики Таджикистан, гарантирует их осуществление и регулирует общественные отношения, связанные с ним.

При этом, в указанном Законе под информацией о деятельности судов понимаются информация, подготовленная судами в пределах их полномочий, судебные акты по конкретным делам и иные акты, регулирующие деятельность судов. Также в нем определены основные принципы доступа к информации о деятельности судов: 1) законность; 2) открытость и доступность информации о деятельности судов, за исключением случаев, установленных законодательством Республики Таджикистан; 3) достоверность информации о деятельности судов; 4) свобода поиска, получения и распространения информации о деятельности судов в порядке, установленном законодательством Республики Таджикистан; 5) соблюдение прав граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту их чести, достоинства и деловой репутации, коммерческой

тайны, права организаций на защиту их деловой репутации; 6) соблюдение прав и законных интересов участников судебного процесса при предоставлении информации о деятельности судов; 7) запрещенность вмешательства в деятельность судов при запросе информации о деятельности судов.

Определив способы доступа к информации о деятельности судов, настоящий Закон предусматривает доступ к информации о деятельности судов через информационно-коммуникационные сети. В частности суды используют информационно-коммуникационные сети для размещения информации о своей деятельности, в которых создают сайты с указанием адресов электронной почты, по которым может быть направлен запрос.

При этом публикация информации о деятельности судов через средства массовой информации осуществляется с соблюдением требований Закона Республики Таджикистан "О периодической печати и других средствах массовой информации", если законодательством Республики Таджикистан не предусмотрено иное. Также Закон определяет перечень информационных сообщений о деятельности судов которые должны быть размещены на сайтах судов, в частности: 1) общая информация о суде; 2) информация, связанная с рассмотрением дел в суде; 3) данные судебной статистики в порядке, установленном законодательством Республики Таджикистан; 4) информация по кадровым вопросам суда.

Не подлежат размещению на сайтах судов тексты судебных актов, вынесенных по делам:

- 1) затрагивающим безопасность государства, в том числе сведения, содержащие государственную тайну, или иную, охраняемую законом тайну;
- 2) возникающим из семейно-правовых отношений, в том числе по делам об усыновлении (удочерении) ребенка;
- 3) затрагивающим права и законные интересы несовершеннолетних;
- 4) о преступлениях против половой свободы и половой неприкосновенности и т.д.

Информация о деятельности судов не предоставляется в случаях, если:

- 1) содержание запроса выражено не точно и не позволяет предоставить необходимую запрашиваемую информацию о деятельности судов;
- 2) запрашиваемая информация препятствует осуществлению правосудия;
- 5) предоставление запрашиваемой информации не позволяет обеспечить безопасность участников судебного разбирательства;
- 6) запрашиваемая информация ранее предоставлялась пользователю информацией;
- 7) в запросе ставится вопрос о толковании нормы права, разъяснении ее применения, правовой оценке судебных актов или выполнении по запросу иной аналитической работы, непосредственно не связанной с защитой прав запрашивающего.

В целях объективного и достоверного информирования о деятельности судов их взаимодействие со средствами массовой информации в Таджикистане осуществляется в следующих формах:

1) свободный доступ представителей средств массовой информации к помещениям и интернет - сайтам судов, где размещена информация о деятельности судов, а также их присутствие в открытых судебных заседаниях;

2) предоставление информации о деятельности судов по запросам средств массовой информации;

3) информационное освещение деятельности судов, в том числе вопросов совершенствования законодательства Республики Таджикистан, регулирующего указанную деятельность;

4) участие средств массовой информации в пресс-конференциях и иных совместных мероприятиях судов;

5) иные формы взаимодействия, не противоречащие законодательству Республики Таджикистан.

Официальным представителем суда по взаимодействию со средствами массовой информации является председатель суда или лицо, уполномоченное председателем суда.

Таким образом, использование информационной технологии в деятельности судов, оборот электронных документов в судебных органах, доступ к информации о деятельности судов, и архивов судов являются основными элементами и гарантией осуществления электронного правосудия, улучшение качества официальных сайтов судебных органов, в частности электронное распределение судебных дел, и совершенствование законодательства по другим направлениям деятельности судов будут способствовать справедливому и прозрачному судебному разбирательству.

В заключение позвольте еще раз поблагодарить организаторов данного мероприятия за его тщательную подготовку.

Надеюсь, что такие важные мероприятия высокого уровня и в дальнейшем будут проводиться часто, и нам представится возможность все чаще обсуждать актуальные как теоретические, так и практические вопросы касательно верховенства права и роли органов конституционного контроля в обеспечении конституционной законности.

Благодарю за внимание!

**Nadir Elmoumni,
Member of the Constitutional Court
of Morocco**

Electoral campaigning online: The jurisprudence of the Constitutional Court

Introductory remarks

1. The Moroccan Constitutional Court (CCM) was established by article 129 of the Constitution promulgated on 29 July 2011

2. The creation of the CCM marks a third phase in the institutional evolution of constitutional justice in Morocco, after the establishment of the “Constitutional Chamber of the Supreme Court” by the Constitutions of 1962, 1970 and 1972 and the ‘Constitutional Council’ by the Constitutions of 1992 and 1996. 821 decisions were rendered by the Constitutional chamber of the Supreme Court and 1043 by the Constitutional Council.

3. Since its installation on April 4th, 2017, the Constitutional Court has issued 136 decisions with the aim of ensuring, through their motivations and rulings, the supremacy of the Constitution, consolidating the protection of fundamental rights, regulating the action of constitutional powers, and fostering the freeness, fairness and transparency of Parliament members election.

4. The Constitutional Court belongs to the family of "concentrated models". It is separate from the judicial Court order and has exclusive competence for a priori and a posteriori constitutionality review.

8. Since the legislative elections of 2011, means relating to election propaganda via social networks have been increasingly invoked by litigants of electoral disputes before the Constitutional court and occupy, presently, a substantial place within the grievances relating to the electoral campaign.

9. This situation could be explained by two factors:

- The increasing use by candidates of social networks to target some electorate segments with a strong network presence on the one hand; And the establishment, on the other hand, through the joint contribution of legislation and jurisprudence, of a specific normative framework applicable to contents of electoral communication.

- According to the "Digital report 2021" 74.4% of the Moroccan population use the internet, the number of active users of social networks is 22,2 million. The most used platforms by Moroccan internet users are respectively:

Whatsapp, Facebook, Youtube, Instagram, and Facebook messenger. (<https://datareportal.com/reports/digital-2021-morocco> (accessed on the 26.08.21))

10. Court's jurisprudence regarding the use of social media in and for electoral campaigning is based on the assumption that social medias, like all means of communication, are neutral in itself, and consequently, only content and circumstances of their use can be subject of assessment.

11. In Morocco established jurisprudence of the former constitutional council and the present constitutional court in electoral litigation, has always examined the use of social media, as communication support, from two angles: the content transmitted through and the circumstances of use.

12. From a comparative perspective, the nature (either public or private) of social media cannot be preliminary defined. For example, in a decision of the Constitutional court of Czech republic, rendered in 2014, the Court considered, that "*The nature of the facebook social network is not clearly private or public; it is up to individual users to determine the degree of privacy protection to set on their profiles.*". In a decision of 5 january 2017, the French court of cassation considered that the "*term 'friend' used to refer to persons who agree to contact through social networks does not refer to friendships in the traditional sense of the term*". The french supreme court defined social networks as "*a simple mean of communication between people who share the same interests*". These examples show that there is no consensus, until now, on the nature of social networks.

CZE-2014-3-009, 30-10-2014, <http://www.codices.coe.int>

Arrêt n° 1 du 5 janvier 2017 (16-12.394) - Cour de cassation - Deuxième chambre civile - ECLI:FR:CCASS:2017:C200001

Overview of electoral dispute settlement before the Constitutional Court

1. Electoral operations can be challenged before the Constitutional Court by voters, interested candidates, governors, and *Walis* (Regional governors). The Court is seized by written requests submitted against receipt. Petitions must contain, under inadmissibility, the references of petitioners and the challenged elected members, a statement of the facts, the means of the annulment invoked, and the documents in support of these means.

2. The request for electoral litigation is exempt from the judicial tax and all stamp and registration duties, and the assistance of a lawyer is only optional. Within the same logic, the former Constitutional council considered that "*...elections must be surrounded by the highest guarantees and be subject to the minimum of restrictions; requiring the submission of briefs of electoral disputes through a lawyer is likely to dissuade certain voters and even certain candidates from accessing the Constitutional Court, to challenge the regularity of the parliamentary elections*". (Decision, 943.2014, 2014, Constitutional Council).

3. The Court shall rule on electoral disputes within one year from the expiry of the legal deadline for recourse. However, the Court can decide, by motivated decision, beyond this time if the number and/or nature of recourses require it.

4. Electoral contestations may be brought before the Court within 30 days after the proclamation of results (The time limit under the Constitutional Council

was only 15 days). As soon as the case is ready for trial, the Court shall decide on it, after hearing the rapporteur, within 60 days

5. The Court's decisions "*... are not susceptible to any recourse. They are binding on the public powers, all the administrative and jurisdictional authorities*" (Art.134§2 of the Constitution). The authority of the Court's decisions attaches not only to their operative part but also to the reasons which are the necessary support and constitute their underlying foundation (Decisions 93.19 2019, 70.18 2018, 55.17 2017, Constitutional Court).

6. The procedural rights of defense and the main features of the adversarial model are guaranteed. Procedures before the Court are essentially written; however, the Court may hear the persons concerned in the presence of their defense or any other person known for his expertise in the field of the case examined.

7. In electoral disputes, the applicant may be assisted by a lawyer. The Court may exceptionally grant the applicant time to produce some of the documents required. The petition is notified to the Parliament member whose election is challenged and who may also take cognizance and obtain a copy of the documents annexed to the petition to produce his written observations within 15 days from the date of the petitions' notification.

8. The Court systematically ensures the respect of adversarial processes in the context of electoral disputes (Decisions 45.17 and 49.17, 2017,).

9. In a decision rendered in 2017, the Court stated that "*the substantial formalities of admissibility were established by the legislator and submitted to the control of the court to allow the elected representatives whose election is contested, to benefit from the adversarial process, their rights of defense and a reasonable time for a reply.*" (Decision 46.17, 2017).

Jurisprudence on online campaigning: main trends and developments

1. Article 25 (1§) of the Constitution states that :*"The freedoms of thought, of opinion and of expression under all their forms[,] are guaranteed."*

2. To this end, the Court adopts a maximalist interpretation of the constitutional norms concerning fundamental rights and freedoms, which guarantees, to the maximum, the useful legal effects of the constitutionally guaranteed rights and freedoms.

3. Concerning electoral communication, the Court adopts a line that tends to preserve the constitutional freedom of expression while ensuring effective compliance with the legislative and regulatory framework of the electoral campaign.

4. To this end, the Court applies the common regime of electoral communication to social networks (Constitutional Court, Decisions 10.17, 49.17, 53.17, 21.17 2017 and 69.18, 78.18, 2018).

5. The action undermining the fairness of the vote is often examined in light of two parameters: the difference in votes obtained and the determining influence of the irregularity generating the lack of fairness.

6. However, the Constitutional Court proceeds to the annulment of the election of the contested candidate, without taking into account the criterion of the influence on the results, in the case of serious electoral offenses

7. In particular, under article 118 of the law 57.11, as subsequently amended, programs of the electoral period, as well as the programs prepared for the electoral campaign, shall in no case include matters likely to :

- undermine the constants of the Nation as defined in the Constitution
- disturb public order
- undermine human dignity, privacy, or lack of respect due to others;
- undermine data and information protected by law
- involve an appeal for funds;
- incite racism, hatred, or violence;

Such programmes and broadcasts must also not:

....

- include an appearance in places of worship or make full or partial use of such places;

- include an appearance inside official seats identifiable as such, whether local, regional or national;

- include the appearance of elements, places or seats likely to constitute a commercial brand.

8. The aforementioned text (art.118) initially applied only to "election period programs" and "broadcasts prepared for the election campaign" before its scope was extended, by a series of decisions of the Constitutional Court, to social networks used for electoral communication.

9. The Court considered, in this regard "*...that although the legislator has not defined the conditions of use of social network sites in electoral campaigns, the materials disseminated through these sites, as means of communication, are subject to the rules applicable to programs presented by all means used in electoral campaigns*" (Decisions No. 21/17 of 03.07.2017 and 49/17 of 05.10.2017).

10. The obligation to comply with the prohibitions provided for in article 118 of Act No. 57.11 concerns not only the parties directly concerned by the electoral process (candidates) but also all communication platforms dedicated to electoral communication on behalf of candidates, although not directly supervised by them (for example official Party Facebook page which is administrated by the candidate's party) (Decision 21/17 of 03.07.2017).

11. The Constitutional Court has adopted a functional approach to campaign materials published through social media by adopting all or some of these criteria as the case may be:

Page content and whether it is destined to advertise for the candidate, Operations of publication, sharing, updating are assimilated as an act of electoral communication.

The context in which the communication item was published on social media (before or during the election campaign).

Belonging of the social media page or group (defendant, supporters, campaign managers, party to which the candidate is affiliated). All these criteria are defined by two concepts: the content and the use

12. In two decisions, the Court adopted the so-called criteria of “decisive influence” of violations that occurred under article 118 through social media. (Decisions n° 53/17 of 12.10.2017 and 78/18 of 06.06.2018)

13. The means of proof assessment, adopted successively by the Constitutional Council and the Constitutional Court, is under the general evidence regime. The Constitutional Court does not accept evidence relating to facts that do not constitute an irregularity or which are not supported by any evidence.

14. According to the adversarial logic, whenever the defendant's contesting of evidence provided by the appellant is serious (e.g. a perjury appeal supported by a complaint, proof that the communication material or support is not related to the defendant), the Court will neutralize the effect of the evidence produced by the appellant. This approach is consistent with the principle of freedom of proof in electoral matters.

15. The Constitutional Court does not accept evidence that does not meet the legally required requirements, nor the minutes of optional inspection completed by bailiffs if they are not attributed to existing facts. In contrast, the Court evaluates other means of proof, such as social media pages.

16. Finally, within the context of legislative elections to be held in two next weeks, the Constitutional Court is currently studying two key jurisprudential issues related to the use of social media in electoral campaigning, the model of technical expertise to be adopted for assessing evidence extracted from social media, and the distinction between private and public expressions on virtual space.

**Galina Yurovskaya,
Judge of the Constitutional Court of Ukraine**

Application of the Case Law of the European Court of Human Rights by the Constitutional Court of Ukraine

My congratulations to all participants of the symposium!

The rule of law, especially in the era of the Internet, as one of the fundamental constitutional principles, requires the State of Ukraine to implement it in law-making and law enforcement activities.

The Constitutional Court of Ukraine considers the rule of law, in particular, as a mechanism to ensure control over the use of power by the state, as well as to protect person from arbitrary actions of state power, which is a guarantee of ensuring basic human values.

Given the development of the global information environment and the strengthening of interstate ties, protection of human rights in Ukraine at the present stage of its development as a democratic and legal state, in my opinion, is impossible without the use of international standards in this area.

Therefore, today the Constitutional Court of Ukraine, as a body of constitutional jurisdiction that does not belong to the judicial system of Ukraine, through the constitutional control mechanisms defined at the constitutional level, exercises constitutional jurisdiction, forms official constitutional doctrine, provides and develops its legal positions based on the basic values of the Constitution of Ukraine, the European Convention on Human Rights, and other international treaties ratified by the Verkhovna Rada of Ukraine. Constitutional control in Ukraine is carried out on the basis of the doctrine of friendly attitude to international law, according to which the practice of interpretation and realisation of human rights provided in international treaties is applied while adopting decisions by the Constitutional Court of Ukraine.

Quite often the international practice (including the positions of the ECtHR) was used by the Constitutional Court of Ukraine to substantiate the inadmissibility of restrictions on human rights and freedoms, as well as to establish the limits of the responsibility of the state towards individual in the implementation of domestic policy.

In particular, in the Decision of June 12, 2007 No. 2-rp/2007 in the context of the restriction of human and civil rights and freedoms, the Constitutional Court

of Ukraine drew attention to the fact that restrictions on human and civil rights and freedoms are recognised as permissible if they are carried out in accordance with applicable law and comply with the rule of „preservation of the basic content of rights and freedoms“ (the judgment of the European Court of Human Rights in the case of *Requiem v. Hungary* of 20 May 1999 was applied).

In the Decision of October 11, 2011 No. 10-rp/2011 (case on the terms of administrative detention) the Constitutional Court of Ukraine stated that: any deprivation of liberty must be carried out „in accordance with the procedure established by law...“ (the judgment of the European Court of Human Rights in the case of *Soldatenko v. Ukraine* of 23 October 2008).

Also in the context of this issue, the Constitutional Court of Ukraine in its Decision of June 6, 2019 No.3-r/2019 noted that due to „the paramount importance of freedom of assembly and association and its close connection with democracy, there must be compelling and indisputable reasons for justifying any act of state interference in the exercise of this right“ (the Court applied the judgment of the European Court of Human Rights in the case of *Barankevich v. Russia* of 26 July 2007).

Issues related to restrictions on rights and freedoms were considered by the Constitutional Court of Ukraine in the context of the expediency of the imposed restrictions related to the spread of acute respiratory disease COVID-19 caused by coronavirus SARS-CoV-2 in Ukraine (the Decision of August 28, 2020 No. 10-r/2020). In considering this issue, the Constitutional Court of Ukraine stressed that „restriction of the constitutional human and civil rights and freedoms is possible in cases specified by the Constitution of Ukraine. Such a restriction may be established only by law – an act adopted by the Verkhovna Rada of Ukraine as the only legislative body in Ukraine. Establishing such a restriction by a bylaw contradicts Articles 1, 3, 6, 8, 19 and 64 of the Constitution of Ukraine“.

In the same aspect, the Constitutional Court of Ukraine in the Decision of January 20, 2012 No. 2-rp/2012 noted that „ One of the guarantees of the realisation of the constitutional rights to free collection, storage, use and dissemination of information is the legislative enshrinement of the right of everyone to access information, which is ensured by systematic and prompt disclosure of information on official websites on the Internet ...“. „However, in accordance with Article 34.3 of the Constitution of Ukraine, the exercise of the right to free collection, storage, use and dissemination of information may be restricted by law in the interests of national security, territorial integrity or public order to prevent riots or crimes, to protect public health, to protect the reputation or rights of others, to prevent the disclosure of confidential information, or to maintain the authority and impartiality of justice.“

The Constitutional Court of Ukraine has repeatedly had to consider issues related to the protection of human and civil rights and freedoms, in particular, by the court (in international practice - the right to a fair trial (protection by an independent and impartial tribunal), access to court).

The Constitutional Court of Ukraine in the Decision of June 13, 2019 No. 4-r/2019 applied the position according to which “the state has the right to establish

certain restrictions on the right of persons to access to court; such restrictions must pursue a legitimate aim, not infringe the very essence of that right, and there must be a proportional relationship between that aim and the measures imposed“ (ECtHR judgment in the case „Ashingdane v. the United Kingdom“ of 28 May 1985, judgment in the case „Krombach v. France“ of 13 February 2001).

In addition, earlier (in the Decision of January 18, 2012 No. 1-rp/2012) the Constitutional Court of Ukraine emphasised that:

- the right to defense is not absolute and, in the context of Article 6 of the Convention, only strictly necessary measures restricting the right to defense are admissible (judgment in the cases „Van Mechelen and Others v. The Netherlands“ of 23 April 1997, and „Polufakin and Chernyshov v. Russia“ of 25 September 2008);

- the defendant's opportunity to inspect the case file for five days is sufficient time in this case within the meaning of paragraph 3(b) of Article 6 of the Convention (ECtHR judgment in the case „Havazhuk v. Ukraine“ of 18 February 2010).

I would also like to draw your attention to the provisions applied by the Constitutional Court of Ukraine to differentiate guarantees of protection of honour, dignity or business reputation of ordinary citizens and officials. In the motivating part of the Decision of April 10, 2003 No. 8-rp/2003 (case on dissemination of information) the Constitutional Court of Ukraine emphasised that “the limits of admissible information on officials and servants may be wider than the limits of the same information on ordinary citizens. Therefore, if officials act without legal grounds, they must be prepared for a critical response from society.“ In view of this, in the operative part of the relevant Decision, the Constitutional Court of Ukraine stated that “...the statement in letters, applications, complaints to the law enforcement body of information cannot be considered as dissemination of information that tarnishes honour, dignity or business reputation or harms the interests of these persons” (ECtHR judgments in the cases „Nikula v. Finland“, and „Janowski v. Poland“).

International practice has often been applied by the Constitutional Court of Ukraine to further substantiate the inviolability of property rights. In particular, in the Decision of October 10, 2001 No. 13-rp/2001 it was noted that “the absence in the Law of specific stages, terms of return of savings and amounts of budget allocations may lead to complete loss of citizens' deposits, i.e. to violation of their constitutional property rights“. This position is consistent with the approach set out in the judgment of the European Court of Human Rights in the case „James and Others v. The United Kingdom“ of 21 February 1986, which states that “without prejudice to the right of the State to impose, within a fairly wide discretion, in accordance with its domestic legislative, social, economic policy or for any other purpose - restrictions on the use of property rights in view of the public interest, it should be borne in mind that these restrictions, however, should not lead to the deprivation of the possibility of such use, i.e. to their complete loss. In view of this, the Constitutional Court of Ukraine declared the provisions of Article 7 of the Law of Ukraine “On State Guarantees of Restoration of Savings of Citizens of Ukraine”

of November 21, 1996 No. 537/96-VR (as amended) to be inconsistent with the Constitution of Ukraine (unconstitutional) in the part on the return of savings of citizens of Ukraine, foreign citizens and stateless persons, restored and indexed in accordance with this Law in the institutions of the Savings Bank of Ukraine (Oshchadnyi Bank), depending on “the age of the depositor” and “other circumstances”.

Conclusions

In order not to talk about all the decisions of the Constitutional Court of Ukraine in which international norms have been applied (in particular, the case law of the ECtHR on the interpretation of the Convention), I will briefly summarise that the sole body of constitutional jurisdiction in Ukraine has been quite actively applying the international experience in matters of the greatest public interest and which are fundamental for further work towards the protection of human values.

Among the main positions in which the relevant developments were applied, related to:

- the right to liberty and personal integrity;
- the protection of human rights and freedoms by the court;
- application of punishment to a person solely on the basis of proof of guilt of the person and establishment of conviction by a court;
- free expression of own views and beliefs;
- the limits on the application of restrictions on rights;
- the protection of private property rights.

The further application of this practice as an additional argument in the decisions of the Constitutional Court of Ukraine will only contribute to the consolidation of its legal positions with the views of the international community.

**Галина Юровская,
Судья Конституционного Суда Украины**

**Применение практики Европейского Суда по правам человека
Конституционным Судом Украины**

Приветствую всех участников симпозиума!

Қайырлы күн, симпозиум қатысушылары!

Верховенство права, особенно в эпоху развития Интернета, как один из основополагающих конституционных принципов, требует от государства Украина его воплощения в правотворческую и правоприменительную деятельность.

Конституционным Судом Украины верховенство права рассматривается, в частности, как механизм обеспечения контроля за использованием власти государством и защиты человека от самоуправных действий государственной власти, что является гарантией обеспечения основных ценностей человека.

Учитывая развитие всемирной информационной среды и усиления межгосударственных связей, защита прав человека в Украине на современном этапе её развития как демократического и правового государства, по моему мнению, невозможна без использования международных стандартов в этой сфере.

Поэтому, сегодня Конституционный Суд Украины, как орган конституционной юрисдикции, который не относится к системе судостроительства Украины, через определенные на конституционном уровне механизмы конституционного контроля, проводит конституционную юрисдикцию, формирует официальную конституционную доктрину, предоставляет и развивает свои юридические позиции, базирующиеся на основных ценностях Конституции Украины, Европейской конвенции по правам человека, иных международных договоров, ратифицированных Верховной Радой Украины. Конституционный контроль в Украине осуществляется с использованием доктрины дружественного отношения к международному праву, согласно которой практика толкования и реализации прав человека в международных договорах применяется при принятии решений Конституционным Судом Украины.

Достаточно часто международную практику (в том числе и позиции ЕСПЧ) Конституционный Суд Украины использовал для обоснования недопустимости ограничения прав и свобод человека, а также для установления границ ответственности государства перед человеком при осуществлении внутригосударственной политики.

В частности, в Решении от 12 июня 2007 года № 2-рп/2007 в контексте ограничения прав и свобод человека и гражданина, Конституционный Суд Украины обратил внимание на то, что ограничение прав и свобод человека и гражданина признаются допустимыми, если они совершены в соответствии с

действующим законодательством и соответствуют правилу “сохранения основного содержания прав и свобод” (использовано Решение ЕСПЧ по делу “Реквенъи против Венгрии” от 20 мая 1999 года).

В Решении от 11 октября 2011 года № 10-рп/2011 (дело о сроках административного задержания) Конституционным Судом Украины было указано, что: “любое лишение свободы должно осуществляться “в соответствии с процедурой, установленной законом ...” (использовано решение ЕСПЧ по делу “Солдатенко против Украины” от 23 октября 2008 года).

Также в контексте этого вопроса Конституционный Суд Украины в Решении от 6 июня 2019 года № 3-р/2019 отметил, что в силу “чрезвычайной важности свободы собраний и объединения и её тесной связи с демократией должны быть убедительные и неопровержимые причины для оправдания любого акта вмешательства государства в осуществление этого права” (было использовано Решения ЕСПЧ по делу “Barankevich v. Russia” от 26 июля 2007 года).

Вопросы, связанные с ограничениями прав и свобод рассматривался Конституционным Судом Украины и в контексте целесообразности введенных ограничений, связанных с распространением на территории Украины острой респираторной болезни COVID-19, вызванной коронавируса SARS-CoV-2 (Решение от 28 августа 2020 № 10-р / 2020). При рассмотрении этого вопроса, Конституционный Суд Украины отметил, что “Ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина возможно в случаях, определенных Конституцией Украины. Такое ограничение может устанавливаться исключительно законом – актом, принятым Верховной Радой Украины как единственным органом законодательной власти в Украине. Установление такого ограничения подзаконным актом противоречит статьям 1, 3, 6, 8, 19, 64 Конституции Украины”.

В этом же аспекте, Конституционный Суд Украины в Решении от 20 января 2012 года № 2-рп/2012 отметил, что “одной из гарантий реализации конституционных прав на свободный сбор, хранение, использование и распространение информации является законодательное закрепление права каждого на доступ к информации, которое ... обеспечивается систематическим и оперативным обнародованием информации... на официальных сайтах в сети Интернет...”. “Вместе с тем согласно части третьей статьи 34 Конституции Украины осуществления прав на свободный сбор, хранение, использование и распространение информации может быть ограничено законом в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка с целью предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья населения для защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия”.

Конституционному Суду Украины неоднократно нужно было рассматривать вопросы, касающиеся защиты прав и свобод человека и

гражданина, в частности, судом (в международной практике: право на справедливый суд (защита независимым и беспристрастным судом), доступ к суду).

Конституционный Суд Украины в Решении от 13 июня 2019 года № 4-р/2019 использовал позицию, согласно которой “государство имеет право устанавливать определенные ограничения права лиц на доступ к суду; такие ограничения должны преследовать легитимную цель, не нарушать саму сущность этого права, а между этой целью и внедренными мероприятиями должен существовать пропорциональное соотношение” (решение ЕСПЧ по делу “Ashingdane v. the United Kingdom” от 28 мая 1985 года, решение по делу “Krombach v. France” от 13 февраля 2001 года).

Кроме того, раньше (Решение от 18 января 2012 года № 1-рп/2012) Конституционный Суд Украины отмечал что:

- право на защиту не является абсолютным, а по смыслу статьи 6 Конвенции приемлемыми являются лишь крайне необходимые меры, ограничивающие право на защиту (решения ЕСПЧ по делам “Ван Мехелен и другие против Нидерландов” от 23 апреля 1997 года”, “Полуфакин и Чернышев против России” от 25 сентября 2008 года);

- возможность обвиняемого ознакомиться с материалами дела в течение пяти дней является достаточным временем в этом деле в понимании подпункта “b” пункта 3 статьи 6 Конвенции (Решение ЕСПЧ по делу “Гаважук против Украины” от 18 февраля 2010 года).

Хочу также обратить Ваше внимание на предписания, которые использовались Конституционным Судом Украины для разграничения гарантий защиты чести, достоинства или деловой репутации обычных граждан и должностных и служебных лиц. В мотивировочной части Решения от 10 апреля 2003 года № 8-рп/2003 (дело о распространении сведений) Конституционный Суд Украины подчеркнул, что “границы допустимой информации о должностных и служебных лиц могут быть шире по сравнению с границами такой же информации относительно обычных граждан. Поэтому, если должностные или служебные лица действуют без правовых оснований, то должны быть готовы к критическому реагированию со стороны общества“. Учитывая это, в резолютивной части соответствующего решения, Конституционный Суд Украины решил, что “... изложения в письмах, заявлениях, жалобах в правоохранительный орган сведений лицом, по мнению которого должностными или служебными лицами этого органа при выполнении функциональных обязанностей нарушено ее право не может считаться распространением сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию или наносят вред интересам этих лиц” (использованы решения ЕСПЧ по делам “Никула против Финляндии”, “Яновский против Польши”).

Международная практика часто использовалась Конституционным Судом Украины для дополнительного обоснования незыблемости права собственности. В частности, в Решении от 28 апреля 2021 № 2-р(II)/2021 Конституционный Суд Украины исходит из того, что, осуществляя право

собственности, в том числе путем заключения договора или совершения другой сделки, лицо должно учитывать, что реализация свободы договора как одной из основ гражданского законодательства находится в существенной взаимосвязи с установленными Кодексом и другими законами пределами осуществления гражданских прав, в том числе права собственности. Установления Кодексом или другим законом пределов осуществления права собственности и реализации свободы договора не противоречит требованиям Конституции Украины, за исключением ситуаций, когда для установления таких нет предела правомерного (легитимной) цели или когда использовано юридические средства, не является соразмерным.

Выводы

Для того, чтобы не рассказывать обо всех решениях Конституционного Суда Украины в которых использовались международные нормы (в частности, практика ЕСПЧ относительно толкования положений Конвенции), кратко резюмирую, что Единый орган конституционной юрисдикции в Украине, с целью защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина, достаточно активно использовал международный опыт в вопросах, представляющих наибольший общественный интерес и которые являются фундаментальными для дальнейшей работы в направлении защиты ценностей человека.

Основные позиции, в которых применялись соответствующие наработки касались:

- права на свободу и личную неприкосновенность;
- защиты прав и свобод человека судом;
- применение к лицу наказания исключительно на основании доказанности вины лица и установления обвинительного приговора суда;
- свободного выражения своих взглядов и убеждений;
- границ применения ограничений прав;
- защиты права частной собственности.

Использование такой практики в дальнейшем, как дополнительного аргумента в решениях Конституционного Суда Украины должно только способствовать консолидации его юридических позиций с мыслями международного сообщества.

**Йорг Пуделька,
Глава представительства GIZ в Казахстане и
Узбекистане**

Значение развития системы правовой защиты для осуществления верховенства права

1. Значение правовой защиты для верховенства права

Однажды известный немецкий правовед Рихард Тома сказал, что гарантия доступа к правосудию является «краеугольным камнем в своде правового государства». Данное утверждение, возникшее в связи с принятием нового Основного закона в 1951 году вскоре после окончания Второй мировой войны, должно было как раз с учетом исторического опыта выразить, что все гарантии верховенства права, предусматриваемые Конституцией или обычными законами, представляют ценность только в том случае, если их фактическое обеспечение поддается судебному контролю. Это высказывание нашло свое отражение в пункте 4 статьи 19 Основного закона (ОЗ) от 23 мая 1949 года, действующей до сих пор Конституции Германии, в так называемом праве на обращение в суд с целью защиты своих интересов, где написано дословно следующее:

«Если права какого-либо лица нарушены государственной властью, оно может обращаться в суд. Если не установлена иная подсудность, действует общий судебный порядок.»

Под данным правом на судебную защиту подразумеваются одновременно различные аспекты: во-первых, любое лицо может воспользоваться правом на судебную защиту, то есть, в частности, независимо от гражданства, следовательно, не только граждане страны, но также и все люди. Во-вторых, любое утверждение о нарушении прав государственной властью, тем самым, государством или уполномоченным им учреждением, является достаточным для возникновения права на судебную защиту, причем все зависит от оценки затронутого лица. В-третьих, под судебным порядком понимается независимый суд общей юрисдикции. Таким

образом, специально созданные суды или суды, судьи которых зависят от указаний, не соответствуют данному притязанию.

Хотя пункт 4 статьи 19 ОЗ по-прежнему ясно предписывает, что необходимо обеспечить доступ, по меньшей мере, к суду общей юрисдикции, однако в Германии с учетом опыта довоенного времени сразу непосредственно после окончания Второй мировой войны была вновь создана независимая административная подсудность. Таким образом, правовая защита против деятельности государства осуществляется в административных судах. Административно-процессуальный кодекс Германии предусматривает в части допустимости обращения в административный суд общую оговорку в § 40. Тем самым, в настоящее время по всем публично-правовым спорам, в принципе, существует возможность обратиться в административные суды, а суды общей юрисдикции действуют в некоторой степени только в качестве «резерва», что на практике не являющегося актуальным. Более того: для рассмотрения социальных и налоговых споров были созданы особые сферы административной подсудности, обеспечивающие специализированную правовую защиту.

Полная правовая защита против любого вида действий или бездействия государства, существующая в настоящее время в Германии при помощи данной системы, представляет собой главный компонент понимания верховенства права в Германии: лишь наличие права не приносит пользы, необходимо также иметь возможность для его реализации. Только если это условие обеспечивается для всех, можно говорить о правовом государстве. Ошибки допускаются везде, и даже в сфере государственного управления. Поэтому недостаточно лишь того, чтобы администрация была связана законами. В случае необходимости нужно обеспечить возможность контроля администрации для любого лица, которое полагает, что его права были нарушены.

2. Развитие в Казахстане

Согласно пункту 1 статьи 1 Конституции Республики Казахстан Казахстан является правовым государством. Наряду с тем, что исполнительная власть связана законом, казахстанский законодатель также подразумевает судебную подконтрольность, прежде всего, соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан Казахстана, как это следует из статьи 76 Конституции РК. В статье 75 Конституции в качестве примеров приводится порядок гражданского и уголовного права. Однако также допускаются другие виды подсудности, предусматриваемые законом.

Именно такое разграничение системы судебного порядка произошло в текущем году. С вступлением в силу Административного процедурно-процессуального кодекса (АППК) 1 июля 2021 года Казахстаном была

достигнута веха в развитии верховенства права, которую невозможно переоценить.

Прежде всего, следует отметить, что новый АППК, который разрабатывался в течение более десяти лет с учетом международного опыта, соответствует всем международным стандартам современных административных процедур и административных процессов. Кодекс сочетает регулирование процедур, осуществляемых в административных органах, с положениями об их пересмотре в суде. Он полностью регламентирует процедуру издания административных актов с учетом всех стандартов верховенства права, как, например, заслушивание перед изданием обременяющего административного акта, обязательность обоснования, предварительное производство и т.д., и предоставляет в распоряжение адресата государственной деятельности каталог видов исков, включающий практически весь спектр деятельности государства или его бездействия: иск об оспаривании, иск о принуждении к исполнению обязанности, иск об исполнении обязательства, иск о признании правоотношений.

Тем самым, законодатель выполнил поручение Конституции по обеспечению полной правовой защиты. АППК Казахстана включает в себя общую оговорку о допустимости обращения в суд (также как, например, Административно-процессуальный кодекс Германии), а не перечисление возможностей для обращения в суд, как в некоторых других государствах постсоветского пространства. Именно общая оговорка – статья 102 АППК – обеспечивает полную правовую защиту и, таким образом, является краеугольным камнем правовой защиты в рамках верховенства права. Только так действительно можно гарантировать, что в современной жизни, в которой вследствие изменения условий постоянно возникают новые жизненные обстоятельства, вдруг перестанет существовать правовая защита для новых реалий.

Создание независимых судов для рассмотрения публично-правовых споров является еще одной вехой на пути преобразования Казахстана в современное правовое государство. Конечно, принцип верховенства права требует лишь наличия возможности перепроверки в суде действий государственных органов, которые, по мнению затронутых лиц, нарушают или ущемляют их права или интересы. Так обстоит дело и в Германии, о чем ясно свидетельствует ссылка на общий судебный порядок в пункте 4 статьи 19 Основного закона.

Однако законодателю не запрещается выходить за рамки данных минимальных требований, которые Конституция делает обязательными, в целях дальнейшего развития верховенства права. Тем не менее, создание специальной юрисдикции для рассмотрения публично-правовых споров – это

именно тот путь, который приносит большое преимущество для верховенства права, как минимум, по двум причинам:

Во-первых, само право в наше время стало непростым и продолжает усложняться. Постоянно добавляются новые правила, которые отчасти совпадают с нормами международного права. При толковании неопределенных правовых понятий необходимо учитывать судебную практику. Непрерывно возникают новые области права, как это доказывает значительное количество государственных постановлений, направленных на сдерживание пандемии коронавирусной инфекции. В таком мире, который становится все более сложным, гарантией качества судебной практики, конечно, является вынесение решений судьями, специализирующимися на рассмотрении дел, связанных с деятельностью государственных органов. Кроме того, необходимо учитывать, что специализация происходит и на стороне истцов. В Германии существует большое количество адвокатских бюро, которые фокусируются исключительно на публично-правовых спорах, часто даже на отдельных областях публичного права, таких, как налоговое право, хозяйственное право или даже полицейское право. Поэтому вполне логично, что суды также имеют соответствующую специализацию, чтобы гарантировать высокое качество судебных решений.

Во-вторых, принцип верховенства права требует, по возможности, также и справедливости. Справедливость подразумевает наличие равных условий для использования или защиты своих прав. Введение отдельной административной подсудности с АППК, который, в отличие от гражданского судопроизводства, следует инквизиционному принципу, является решающим шагом к установлению данного равенства сторон. В то время как в гражданском процессе в случае оспаривания каждая сторона принципиально должна доказать обстоятельства, являющиеся для нее благоприятными, в административном процессе данный принцип сглаживается в той мере, в какой суд, выполняя активную роль, выясняет все обстоятельства дела по долгу службы. Это дает возможность также и гражданину, не имеющему юридического образования, эффективно воспользоваться правовой защитой, если он не знаком с законом и не имеет средств на юридическую консультацию. В обязанности суда входит полное расследование обстоятельств дела и установление всего, что выступает как в пользу государства, так и в пользу гражданина (статья 16 АППК). Кроме того, суд должен предоставить сторонам надлежащие консультации по участию в процессе, например, помочь им в составлении исковых заявлений. Это явное новшество для Казахстана, четко регламентированное АППК, положит конец практике, при которой судья в смысле неверно понимаемого нейтралитета вынужден был позволить сторонам зайти в процессуальный

тупик практически сознательно, чтобы не подвергаться риску получить заявление о предвзятости от другой стороны.

АППК, как самостоятельный процессуальный кодекс, содержит несколько таких деталей, которые на первый взгляд могут показаться незначительными, но в своей совокупности будут иметь качественное значение для формирования казахстанской системы верховенства права.

3. Заключение

В связи с юбилеем, который мы сегодня отмечаем, Казахстан можно поздравить с тем, что он последовательно движется по пути развития верховенства права. Как уже заявил Конституционный Совет в своем решении в конце 2000-х годов, Казахстан находится в процессе становления как правовое государство. В то время это было абсолютно правильно и целесообразно, и мне особенно приятно, что сегодня – спустя более 15 лет – можно сказать, что Казахстан осознанно и убедительно продолжает идти по данному пути развития правового государства на благо своих граждан и всех жителей, а также отечественных и зарубежных экономических субъектов. Это также наполняет меня лично гордостью, так как мне выпала честь участвовать в разработке административной юстиции в Казахстане. Поэтому, пользуясь случаем, я хотел бы поздравить всех юристов с прогрессивным развитием права Казахстана и, в особенности, поблагодарить Конституционный Совет за его неутомимый вклад в сохранение и укрепление ценностей Конституции Республики Казахстан.

Желаю всего наилучшего на пути дальнейшего развития верховенства права в Казахстане!

**Андрей Требков,
Председатель Международного
союза юристов**

Международный союз юристов, как интеграционный проект и его роль в формировании единого правового пространства стран СНГ

**Уважаемый господин Председатель:
Уважаемые дамы и господа!**

Позвольте от имени Международного Союза юристов сердечно приветствовать участников и гостей Международного Симпозиума.

От всей души поздравляю дорогих Казахстанцев со знаменательным событием в жизни страны –

30-летием Независимости Казахстана.

Я искренне благодарен Конституционному Совету Республики Казахстан, лично его Председателю Кайрату Абдразаковичу Мами за любезное приглашение принять участие в работе столь представительного международного форума и предоставленную возможность выступить перед его участниками.

**Уважаемый господин председатель!
Уважаемые коллеги!**

В рамках темы нашего симпозиума я хотел бы поделиться некоторыми соображениями относительно Международного союза юристов - правопреемника Союза юристов СССР как единственного уцелевшего в трагический период развала СССР неправительственного объединения юристов.

Необходимая информация о Союзе позволит составить о нем соответствующее представление, увидеть, чем он похож на другие общественные объединения и в чем его отличие, а главное позволит получить ответы на неизбежно возникающие вопросы, в том числе, например, почему Союз юристов, созданный всего лишь за год до подписания Беловежских соглашений до конца, как мог, боролся за

живучесть корабля под названием СССР, тогда как другие, уже отметившие свои юбилеи (Союз журналистов отметил 30-летие; Всесоюзное общество «Знание» и Союз Композиторов СССР – 40-летие; Союз писателей СССР и Союз художников СССР- 50-летие; ВЛКСМ и ВЦСПС – 60-летие) - авторитетные, влиятельные в стране и известные в мире Всесоюзные общественные объединения не встали на защиту государства, а вместо этого предпочли самоликвидироваться.

Причем самоликвидация прошла как по команде и не после разрушения СССР, как многие годы об этом пишут и говорят, а задолго (по тем временным меркам) до Беловежских соглашений.

При этом, я имею в виду прежде всего те Всесоюзные общественные организации, которые самоликвидировались до официального разрушения СССР, представители которых входили в состав руководящих органов Союза юристов СССР (ВЦСПС, ВЛКСМ, Всесоюзное общество «Знание»).

С самоликвидацией этих общественных объединений, покинули наш Союз и их представители.

В этот период, как известно, Руководители трех бывших советских Республик, ставших независимыми государствами- Беларуси, России и Украины, 8 декабря 1991 года подписывают Беловежские соглашения о создании СНГ. Подписанием Беловежских соглашений завершился драматический период распада СССР, начавшийся с отделения прибалтийских республик, отягощенный кровавыми конфликтами в Нагорном Карабахе и других регионах страны.

В этой обстановке 17 января 1992 года собрался внеочередной чрезвычайный Пленум Союза юристов СССР. Предстояло оценить последствия распада страны для Союза юристов СССР и решить его дальнейшую судьбу.

Выбор у Пленума был невелик. По сути дела, было два пути:

Первый. Союз юристов повторяет трагическую судьбу СССР и прекращает своё существование. Это самый простой и лёгкий путь, по которому и пошли все, кроме Союза юристов, общесоюзные общественные объединения.

Второй путь. Союз юристов сохранить, опираясь на желание и стремление большинства юристов бывших Союзных республик к единству, сотрудничеству и поддержке друг друга в это сложное время. Мы сохраняем созданный ими союз, изменив его правовой статус и название.

Однако все было не так просто. В руководстве Новых Независимых Государств- бывших союзных Республик СССР, не все разделяли точку зрения сохранения Союза юристов, объединяющего Союзы и Ассоциации юристов бывших союзных Республик СССР теперь уже независимых суверенных государств. На союзы юристов оказывалось давление, а в адрес

некоторых их руководителей раздавались угрозы, были случаи применения физического насилия.

В то время, как помнят многие, идея «ненавистного центра» буквально витала в воздухе. И вдруг предлагается все оставить как было, Союз юристов сохранить, изменив только правовой статус и название, Союзы и ассоциации юристов, теперь уже независимых государств, вновь объединить в ту же организацию что и была, с той же штаб-квартирой в Москве, в том же самом «ненавистном центре».

И вот в такой обстановке для принятия предложенного проекта решения от членов Центрального Совета и особенно руководителей Союзов юристов бывших Союзных Республик требовались мудрость, принципиальность и, если хотите, мужество.

Результат известен. За сохранение Союза юристов, его обновление и изменение его названия единогласно проголосовали все члены Центрального Совета, а также председатели или лица их замещавшие, всех 12-ти союзов юристов бывших республик СССР, ставших независимыми государствами.

В результате принятого решения юридическое сообщество получило обновленный союз, являющийся юридически и фактически правопреемником Союза юристов СССР. И так как в его состав вошли Союзы и ассоциации юристов независимых государств, то он обрел статус международного неправительственного объединения.

С января 1992 года обновленный Союз становится Союзом союзов и ассоциаций юристов. Полное его название Международный союз общественных объединений юристов. Его сокращенное название - «Международный союз юристов».

В этом новом качестве уже обновленный Союз выступил собирателем и объединителем представителей юридической профессии и их общественных объединений на постсоветском пространстве. Именно в этот период Международный союз юристов заявил о себе как юридически оформленный интеграционный проект.

Принятое на этом же пленуме постановление «об участии Союза юристов в создании правовой базы и формировании единого правового пространства СНГ» является очень важной составляющей этого проекта.

Упомянутое постановление на долгие годы определило стратегию содействия Союза юристов развитию Содружества Независимых Государств на одном из ключевых направлений его деятельности. Без эффективной правовой базы, как показали последующие события, невозможно ни экономическое, ни валютно-финансовое, ни информационно-образовательное, ни гуманитарное пространство.

Формирование единого правового пространства идёт все эти годы по трём основным направлениям: первое направление - это формирование

общего права Содружества; второе направление - это сближение, гармонизация и унификация законодательства стран-участниц Содружества; третье направление – это образовательная, информационно-пропагандистская и научно-теоретическая деятельность государственных органов, общественных организаций стран Содружества. Все эти направления тесно взаимосвязаны.

В формировании единого правового пространства участвует, как известно, большое число организаций и, прежде всего, органы правового сотрудничества СНГ: МПА, Совет министров юстиции, Совет председателей высших арбитражных, хозяйственных, экономических и других судов, разрешающих дела по спорам в сфере экономики, Консультативный комитет руководителей правовых служб МИДов государств-участников СНГ.

За пределами данного перечня имеется значительное число других государственных организаций стран Содружества, участвующих в этом важном процессе. В первую очередь это специализированные юридические научно-исследовательские учреждения, высшие юридические учебные заведения, правовые отделы, сектора в отраслевых научно-исследовательских институтах, как например, в Институте экономики Национальной академии наук Беларуси, неюридические общественные объединения, как к примеру, Всеобщая конфедерация профсоюзов (ВКП).

И всё же, в деле формирования общего правового пространства СНГ Международный союз общественных объединений юристов занимает особое место.

Это на сегодняшний день единственная на пространстве СНГ международная неправительственная организация, объединяющая ассоциации и союзы юристов стран Содружества, и в этом своём качестве, в том числе, предстаёт как важный интеграционный проект.

Международный союз юристов уже в феврале 1992 года установил рабочие, деловые отношения с Исполкомом Содружества, рядом организаций правового сотрудничества СНГ и на протяжении всех прошедших 30-ти лет неизменно проводит курс на оказание содействия интеграции, развитию сотрудничества и дружбы народов стран Содружества Независимых Государств. Это является абсолютным приоритетом деятельности Союза.

В связи с возрастанием объёмов взаимодействия Международного союза юристов и СНГ, по взаимному согласованию организаций, было принято решение об избрании представителя Исполкома СНГ Заудальской Ларисы Константиновны в состав высшего постоянно действующего руководящего органа Международного союза юристов – Координационного совета Союза.

О современном уровне отношений Международного союза юристов и СНГ свидетельствуют их совместные дела.

В связи с заседанием 18 декабря 2020 года Совета глав государств Содружества Независимых Государств в формате видеоконференции и одобрения на нём обновлённой концепции дальнейшего развития СНГ, а также утверждения плана основных мероприятий по её реализации Международный Союз юристов организовал подготовку Заключения на проект Концепции дальнейшего развития Содружества Независимых Государств, а также подготовку Заключения на проект Соглашения об информационном взаимодействии государств - участников СНГ в области цифрового развития.

Международный Союз юристов обсудил на заседании Координационного Совета Постояннодействующего руководящего органа Союза, по докладу Председателя Координационного Совета Академика РАН Хабриевой Т.Я. вопрос о «О задачах Международного Союза юристов по реализации обновленной Концепции дальнейшего развития Содружества Независимых Государств».

За период с февраля 1992 года только на заседаниях Координационного совета Международный союз юристов правовые проблемы СНГ обсуждал 16 раз.

Важным направлением формирования единого правового пространства является деятельность Международного союза юристов по реализации крупномасштабных межгосударственных, национально-государственных и общественных проектов.

Об одном из важнейших из них мы уже говорили. Это: Содружество Независимых Государств (СНГ) - один из самых важных и самых значимых геополитических проектов и для России, и для других государств-участников и для людей, живущих в этих государствах. В его реализации Международный союз юристов участвует с января 1992 года, рассматривая это направление работы как свой абсолютный приоритет.

Назовём и другие крупномасштабные проекты:

- Конституционное строительство, подготовка проектов конституций новых независимых государств.

Это самый сложный и ответственный проект, в подготовку и реализацию которого Международный союз юристов всецело был вовлечён сразу после распада СССР. Представители Международного союза юристов вошли в состав конституционных комиссий, конституционных совещаний, рабочих и экспертных групп и принимали непосредственное участие в их работе.

По общему мнению тех, кто участвовал в конституционных совещаниях, комиссиях, рабочих группах, там была интересная, по-настоящему творческая, хотя и очень напряжённая, а подчас даже изнурительная работа.

В таком режиме работали даже главы некоторых государств. На международной конференции, посвященной 15-летию Конституции Казахстана, Президент страны Нурсултан Абишевич Назарбаев рассказал, как лично, он, как Президент страны, при всей его занятости, заботах и обязанностях, работал над проектом Основного закона, какое количество конституций разных стран он изучил и даже законспектировал.

И благо, что великие труды всех, кто участвовал в разработке проектов Основных законов новых независимых государств, увенчались столь достойным результатом. Этот результат известен. Действующие в большинстве стран СНГ Конституции признаются в мире как соответствующие задачам демократического общества. Они отражают общие тенденции мирового конституционного процесса.

- Судебно-правовая реформа, совершенствование правосудия на пространстве Содружества.

Международный союз юристов в реализации этого проекта нацелен на всемерное содействие изучению и внедрению опыта реформирования судебных систем и осуществления правосудия в других странах. В этом Международный союз юристов тесно взаимодействует с Союзом судей и прокуроров Федерального Верховного суда Германии. Для этого в 1991 году ими был учреждён постоянно действующий международный семинар по актуальным проблемам современного правосудия. За прошедшие 30 лет в данном формате проведено 23 семинара. В том числе, 8 семинаров - в России, 6 - в Германии, 3 - в Армении, 2 - в Казахстане, 2 - в Украине, по одному семинару в Азербайджане, Белоруссии и Люксембурге, 2 конференции проведены в Армении и по одной Конференции в Казахстане и Украине.

На семинарах и конференциях заслушано 404 доклада, с которыми выступили 375 судей и 29 прокуроров.

Основная цель проводимых в данном формате семинаров и конференций – всемерно содействовать осуществлению судебно-правовых реформ, совершенствованию правосудия на постсоветском пространстве посредством изучения и внедрения опыта других стран.

- Формирование гражданского общества.

Международный союз юристов как один из важнейших институтов гражданского общества всей своей деятельностью способствует достижению общенациональной консолидации, развитию делового сотрудничества с общественными движениями и организациями. Особое значение Союз придаёт взаимодействию и развитию сотрудничества с «профессиональными» объединениями юристов, каждое из которых является весьма важным институтом гражданского общества. Сегодня

Международный союз юристов объединяет 47 неправительственных организаций из 24 стран.

Кроме упомянутых крупных проектов Международный союз юристов решает задачи формирования единого правового пространства и при проведении значительного числа мероприятий, откликаясь на потребности практики. Это, как правило, целевые мероприятия по конкретным правовым проблемам, как например, проведённая Союзом юристов по предложению МИД РФ международная конференция по правовым проблемам коренных малочисленных народов (в Год коренных народов мира, объявленный ООН) или первая международная конференция на постсоветском пространстве по банковскому делу, которую организовал Международный союз юристов по просьбе банковского сообщества. Конференция проведена совместно с Советом Федеральной резервной системы США. В этом же ряду организованная Союзом международная конференция «Энергетика и право» по предложению Российско-американской комиссии (Гор-Черномырдин).

По просьбе Законодательного собрания города Севастополя Международным союзом юристов проведена конференция по правовым проблемам в условиях интеграции Республики Крым и города Федерального значения Севастополя в правовое и экономическое пространство России. По просьбе спортивного сообщества Международный союз юристов участвовал в организации в 2017-2019 гг. 4-х международных конференций по правовым проблемам спорта.

В заключении, позвольте ещё раз поблагодарить Конституционный Совет Республики Казахстан за подготовку содержательной научной программы Симпозиума, за обеспечение столь высокого представительства участников из разных стран, а всем нам желаю интересных и содержательных дискуссий.

**Pierre Tifin,
Dean of the Faculty of Law,
Economics and Administration of the University of
Lorraine**

The public data service: sovereign, economic and social issues

The administrations manage many databases essential to the functioning of the country. In France, it may be those collected by the identification database of companies which allows their registration. We can also cite the land register or the national identification directory of natural persons which assigns each individual a social security number. These datas are of both strategic and economic interest to public authorities.

The state, which has long benefited from a sort of monopoly in this area, now faces competition in the new digital economy from private French and foreign players who have created their own repositories. These private operators have significant financial resources, flexibility in their operation and an aptitude for innovation which enable them to compete more and more with public authorities. The "de facto standards" they establish compete with state standards, which calls into question what can be called "the informational sovereignty of the state".

We can mention, for example, the company Bloomberg which competes with the national institute of economic statistics by offering to companies - and in particular to French companies - its own identification number.

The same observation can be made in areas other than that of data collection and use. The recent example of the attempt to create a cryptocurrency at the initiative of Facebook the "libra" - later renamed "Diem" - demonstrates that competition from private operators can extend to sovereign domains.

As stated in June 2019 by the Italian guarantor for the protection of personal data, Antonello Soro, this example shows that "huge parts of power are gradually changing hands from states to private entities". He adds that "if the sector is not quickly linked to the principles of democratic governance, we risk ceding much of our rights to a handful of digital, data-driven monarchies."

To come back to the question of data, if state authorities want to resist competition from internet giants, and ensure that the data they collect and use does not lose their status as a repository, they must necessarily promote their wider dissemination.

Apart from this strategic interest, the free distribution of reference data is of economic interest on two different levels.

On the one hand, if any economic transaction generates costs related to its realization, the free availability of public data, in free and open formats from a platform accessible to all has the effect of reducing these costs. This is the purpose of the website data.gouv.fr, the first version of which was launched in December 2011 and which is currently operated by Etalab, which is a mission placed within the Interministerial Directorate for Digital and Information System and state communication.

On the other hand, the use by the public and private sectors of free and open data allows the creation of new products and services and therefore fosters innovation.

It is to meet these strategic and economic imperatives that the law for a digital republic of 2016 created the public data service.

We will discuss the genesis of this public service, its construction and the data concerned and its governance.

I- Genesis of the public data service

The concerns mentioned above are old since they already appear in a speech delivered in 1997 in which the Prime Minister at the time referred to the existence of "essential public data (which) must now be accessible to everyone free of charge on the Internet".

Following this political declaration, the executive had drawn up a government action program entitled "Preparing France's entry into the information society" made public in January 1998.

The objective was to facilitate the exercise of active citizenship and promote the development of industry and the information market through the use of new technologies. One of the major axes of this project to modernize public services was to promote citizens' access to the administration, and in particular to public information.

The Interministerial Committee for the Information Society of January 19, 1999 then specified new actions in terms of the dissemination of public data, consisting in particular of expanding the free online posting of public data.

At the same time, a first attempt to define the concept of "data essential for the economy" appeared in the Mandelkern report of 1999. This concerns data "the availability of which is an essential condition for the exercise of rights of the citizen, as well as those of foreigners residing on our soil". In principle, therefore, they concern the relations of citizens with the administration and all public bodies.

But subsequently, the notion of essential data disappeared from studies and reports, before being the subject of constant attention from 2014. The emphasis is then placed again on "the importance of highlighting establish an effective governance system for these essential datas, which the State must ensure the dissemination in the most optimal way possible". This public data governance requirement represents a general interest, which will lead to the recognition of the existence of a public data service.

The recognition of this public service is the result of a slow process, linked to the proliferation of databases, technical progress and an awareness of the public authorities of the need for their involvement in this area.

The attention of the public authorities was initially focused on public legal data which will give birth to the public service of the dissemination of law via the Internet. According to a decree of August 7, 2002, this public service is "intended to facilitate public access to the texts in force as well as to case law" and it makes a large number of legal data freely available to the public. It is this text that creates the website called Légifrance, which is still active today. Article 2 of the decree provides that all the legal data referred to are accessible, directly or through the establishment of links, on this site which is placed under the responsibility of the Secretary General of the Government and operated by the Directorate of Legal Information.

The advent of the public data service will make it possible to take into account other types of public data, while limiting its scope to reference data only.

II- Construction of the public data service

The notion of essential data, as it emerged from the end of the 1990s, is no longer confined to legal datas alone. The state produces a lot of "basic datas", "pivot datas" or "key datas" in a large number of areas. These datas can be used by businesses and citizens to develop new services.

This concern already appears in the Mandelkern report of 1999. It also led to the creation in 2014 of the post of general data administrator under the authority of the Prime Minister. He is a sort of French-style "chief data officer", whose role is to best prepare the French state for the digital revolution. According to article 2 of the decree, its role is to coordinate "the action of the administrations in matters of inventory, governance, production, circulation and use of data by the administrations". Its mission is also to improve the use of these datas and their circulation, while respecting the protection of personal datas and secrets protected by law, in particular the secret of national defense.

The decree of September 16, 2014 was repealed by the decree of October 25, 2019 which created the information and communication system of the State and the interministerial digital direction (DINUM).

This new leadership, which is under the authority of the Prime Minister, is in charge of the digital transformation of the state. More precisely, according to article 1 of the decree "the information and communication system of the State is made up of all the infrastructures and computer software services making it possible to collect, process, transmit and store in digital form the data which contribute to the missions of State services and bodies placed under its supervision". In accordance with article 6 of the decree "it contributes to the implementation of the public service of reference data". Now, according to the same article, it is the interdepartmental digital director who exercises the function of general data administrator.

This reform of the organization of State services is a late consequence of the consecration of the public service of data by the law of October 7, 2016 for a

digital Republic which defines its mission as consisting in the "provision of reference data to facilitate their reuse ". It is therefore not a question of creating new categories of data but of constituting a "structuring element" of the new data infrastructure. In other words, as the impact study of the law of 2016 explains, it is a question of "constituting, in a very dense universe of datas and whose sources are not always identifiable or controlled, a resource reliable and authenticated by the public authorities ". In other words, the creation of this public service responds to a "need for abundant and quality data".

We do not need to pay special attention to the terminological development which has consisted of moving from the notion of "essential data" to that of "reference data". The new terminology is certainly more in line with the will displayed by the legislator. It is not only a question of insisting on the economic value of these datas but also of showing the will to put the public power back at the center of the game by recognizing the referential character of these available data and above all by recognizing the existence of 'a public service mission.

The public data service does not identify with a particular public law legal person. In reality, it is all the administrations that contribute to the public service of data. Thus, as the report of the Law Commission on the Law for a Digital Republic explains, "each administration producing reference data (is responsible) for the public service for its data". This is the case of state administrations, but also that of local authorities which must respect quality standards imposed by the state which may be old. Such is the case, in particular a decree of December 19, 1994 relating to the communication to the property tax center or to the cadastre office of the alphabetical list of municipal roads and the numbering of buildings.

III- Data concerned

Only the so-called "reference" data fall under the public data service. While the law of October 7, 2016 does not give a precise definition of this notion of essential data, it specifies the identification criteria and it lists nine data sets that fall under this category.

The definition of the notion of reference data appears in the impact study of the law of October 7, 2016. It is "the data available, widely disseminated and used by a plurality of public and private actors, and of which the quality is recognized by the State ". It is because they have these characteristics and because of their economic and strategic value that it is important to ensure their availability to the public and their reuse.

In the broad sense, according to article L. 321-4 of the Public Relations and Administration Code, reference data is "public information" which appears in documents communicated or published by the administrations referred to in article L. 300-2 of the same code. They are therefore "documents produced or received, within the framework of their public service mission, by the State, local authorities as well as by other persons governed by public law or persons governed by private law responsible for such mission ".

However, not all "public information" is - far from it – reference data.

The criteria for identifying reference data are listed in Article L. 321-4 of the Code of relations between the public and the administration:

-First of all, a reference data must constitute "a common reference to name or identify products, services, territories or people". This is what the 2017 Data Deputy Head's Report calls "pivotal data" or "key data". This is the case, to use an example mentioned above, with the SIRET number which identifies, using a series of 14 digits, the establishments of French companies as well as associations.

-Then, the reference data "are frequently reused by public or private persons other than the administration which holds them". It is the fact that they are frequently reused, that they serve as standards, that give them value in the context of the new digital economy.

-Finally, "their reuse requires that they be made available at a high level of quality". In other words, the infrastructure that constitutes the public data service must be an "efficient and quality infrastructure".

In fact, data, just like roads or telecommunications networks, can be considered as "essential and critical infrastructures" for the development of the new digital economy. The Secretariat for National Defense and Security does not hesitate to speak of "infrastructures of vital importance" which is explained by the fact that they "contribute to the production and distribution of goods or services essential to the exercise of State authority, the functioning of the economy, the maintenance of the defense potential or the security of the Nation".

To constitute a true reference, these datas must not only be easily available and accessible at all times, but also be up to date, which is an essential condition for their reliability for users. By way of illustration, the data in the database of the administrative organization of the State and public services are refreshed once a week and it is expected that the time limit for updating a datum in the repository cannot be greater. at 2 months.

Following the adoption of the law for a digital republic, a decree of March 14, 2017 created article R. 321-5 of the Code of public relations and administration which identified nine data sets of reference, without any claim to completeness.

The choice was made to launch this public service from historical databases, produced by administrations whose collecting and disseminating information is, so to speak, the profession ". This applies, for example, to the national institute for economic statistics or the national geographical institute.

Between 2017 and 2020 no new category of reference data was created. The report of the Bothorel mission of December 2020, however, recently affirmed the need for "the public data service (to be) extended to new sets of reference data to increase their quality and availability".

The different categories of reference data are all listed on the data.gouv.fr platform. Four of them make it possible to list companies, associations, administrations as well as trades and jobs. The other five compile and structure geographic data.

It's about :

- the business directory
- the national directory of associations

-the basis of the administrative organization of the State and public services (this is an institutional directory which constitutes the reference base for identifying and contacting all the structures of central administrations).

-The official geographic code which constitutes the official nomenclature of municipalities, departments and regions in particular.

-The cadastre

-The graphic plot register which is a reference base for the occupation of agricultural land. It serves as a reference for the instruction of aid from the common agricultural policy.

-The large-scale repository which is a kind of geographic data infrastructure.

- At last The operational directory of trades and jobs

Conclusion

The main purpose of the law for a Digital Republic of October 7, 2016, by creating the public data service, was to structure this public service, define its principles, but in no case to create public data. It is indeed, as stated in the impact study of the law "to constitute, in a universe of very dense data and whose sources are not always identifiable or controlled, a reliable resource authenticated by the power. public ”.

A Decree of March 14, 2017 therefore identified a first set of nine data sets, qualified as reference data, but it is not intended to be exhaustive. Other texts will have to intervene at a later date to integrate other datasets into the scope of the public data service.

The challenge, for the future, will be to determine the scope of the public data service, which must be broad enough to include datas that has the characteristics referred to in Article L. 321-4 of the Code of relations between the public and administration and also small enough to remain governable. It will therefore be up to the public authorities to select the essential data sets. In addition, as illustrated by the example of the National directory of associations which is not disseminated in its entirety because it includes the names of the presidents of associations as well as their personal addresses, the stake will in particular open all the essential data to the general public, but allow certain authorized persons to have access to essential data relevant to them. As an author writes : “by paradoxically moving away from the open data logic that underlies the device, the objective is to disseminate the data, not to “ everyone ”, but to “the right person”.

**Saeed Marie,
Chief Justice of the Supreme Constitutional Court
of the Arab Republic of Egypt**

**The steps taken by the Court to use the internet
for strengthening the rule of law**

Distinguished and honorable guests,

In this brief speech, I would like to present to you the stages that the supreme constitutional court has taken to put into effect the role of internet in accomplishing the supremacy of law and to enable the people to exercise their constitutional rights to litigate. Through summing up these stages we will be able to recite them in the following steps:

First: the court was so profound on establishing a database to be accessible to the public, including all the rulings and decisions that had been issued by the court since its establishment till the last court hearings held and updated up to the present day.

Second: the court has established an internal database through which all lawsuits are proceeded since the date of registration till their issuance and then to be electronically filled on the court website. In addition to filing them in the court records.

Such database includes the steps taken to proceed the lawsuit through its various steps starting from their submission before the commissioner's board all the way through the hearing of the case up till the issuance of decisions and publishing them.

Third: The database system allows the litigants to review and follow up their lawsuits electronically through its various steps.

Fourth: The database system has been developed to make it accessible to litigants to file their lawsuits before the court through the internet, however, putting this system into action depends on updating the procedural legislation that undertakes these means and regulates them. And it is worthy to say that the state makes relentless efforts in this field. It works on establishing a legislative system to upgrade the procedures of filing the lawsuits through the internet before all courts not only before the constitutional court. When such legislative system is issued, the court will proceed to implement given that the information infrastructure exists and ready to deal with. This is just a short sum up of the steps to be taken by the court to use the internet to strengthening the rule of law

I would like to express my pleasure to participate in this honorable gathering with your presence.